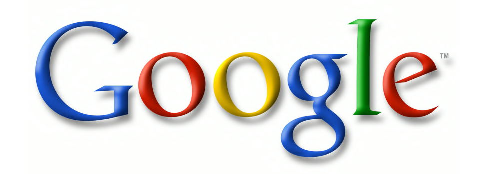
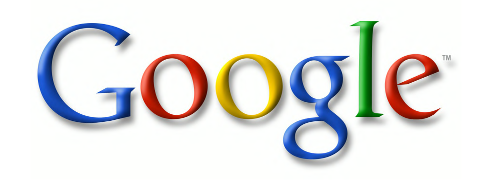
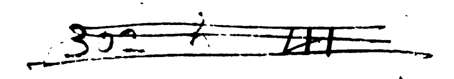

Google

TAYLOR · INSTITUTION
DOMI NUS ILLU
MINA TIO MEA

А. А. ПОТЕБНЯ.

К ИСТОРІИ ЗВУКОВ РУССКАГО ЯЗЫКА. - 2

II.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЯ И ДРУГІЯ ЗАМѢТКИ

(ИЗ РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА 1879).

ВАРШАВА.
В типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго.
Краковское-Предмѣстье, № 415 (15).

1880.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 2 Января 1880 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Этимологическія замѣтки.
2. О вліяніи небности на согласные звуки.
3. Замѣтка о двух пѣснях.
4. Рожа-спажа, тума, Томаш.
5. Этимологическія замѣтки.

Важнѣйшія опечатки

В 1-й статьѣ „Этимологическія Замѣтки:“

Стрц.	*Стрк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
2	1	*склал,*	*скhал,*
—	2	*(склал*	*(скhал*
—	7	сходных	сродных
—	14	*слозить*	*елозить*
—	15	*raganti*	*ragauti*
—	16	*слоз*	*елоз*
—	19	λύξω	λύζω
—	24	пінноі	пінноі
—	32	*rogés. ragis*	*roges, rages*
2	3	ὀρίγ-νυμι	ὀρέγ-νυ-μι
—	4	(дѣлить)	(дѣлать)
—	13	въз(в=)	въз(в)
—	33	μονίος	μονιός
4	4	сюла	сюда
—	4	*Лыт-. лут-*=+алт.	*Лыт-, лут*=+алт
—	27	ἐρχ-ομα	ἔρχ-ομαί
5	35	суффина	суффикса
—	36	антилоны	антилопы
6	9	неколышимое	неколышемое
—	21	ипоцвѣтное	иноцвѣтное
—	29	не смѣстныя	несмѣсимых

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:
7	10	surpēti—surbēti	surpèti—surbiti
—	10-1	subeti	subóti
—	14	кик лупь“	как лунь“
—	15	птицы (f. r.)	птицы
—	22	Вітдиль	Відтіль
—	35	кр̥ш(а-ти)	кр·ш(а-ти)
8	16	скр. *врон'á*	скр. *врана*
—	24	кр̥шти, кр̥ши	кр·шти, кр·ши
83	9	в *лучь*	в *луч-ий*
—	12	перачиша	нерачиша
10	6	*призран*	*призрак*
—	16	в *родословнѥ*	в *родословиѥ*
—	18	как и думаю	как я думаю
11	9	*радованеніе*	*радованскіе*
—	31	*вьюнеч*	*вьюнец*
12	21	*рўл̥а*	*р̀ўл̥а*
13	29	замѣчается	помѣщается
—	35	Потт.	Потт
14	3	ἄρσ-ειν	ἄρδ-ειν
—	6	ἄρσω с ἄρσα	ἄρδω с ἄρδα
—	24	Зенд. *badh*	Зенд. *вadh*
—	26	канвѣ	тканьѣ
15	6	*ерестаться*	*ереститься*
—	21	жожно	можно
—	22	поздній	позднее
—	23	*Руси-нъ*	*Рус-инъ*
16	15	друзни	друзии
—	36	русской	русскій

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Начальныя сочетанія лы-, ры-, лу-, ру- = основным $^{+}$ал, $^{+}$ар.

Здѣсь устранены частью уже извѣстные случаи образцов $^{+}$*тар* = слав. *тыр-*, *тур-*, и $^{+}$*тар* = слав. *тру*. Ср. Schmidt, Zur gesch. des ind. vocal. II, 260 сл. Ниже слѣдующіе примѣры могут служить ограниченіем положенія, что начальное $^{+}$*ар*, $^{+}$*ал* = слав. *ра, ро, ла, ло* (*раз—роз, ладии—лодья*), Mikl. Ueber den urspr. der worte von der form altsl. *trêt* u. *trat*, 34, сл.

Лыбедь: „Быша 3 братья, единому имя Кій, а другому Щек, а третьему Хорив, сестра их Лыбедь," Лавр. 4. Сестрѣ соотвѣтствует рѣчка *Лыбедь*, о которой между прочим Л. 28, под 968 г. Если, как это принимается, названіе рѣки и отсюда — лица = *лебедь*, то в *лы-* при *ле-* и *ла-* б. м. случай діалектическаго различія болѣе древняго, чѣм признаки, раздѣляющіе нынѣ русскія нарѣчія.

Лыб—: „на гнилой, *улыбчатой* соемкѣ," Барс. Причит. I, 268 = на качкой, вертлявой, обманчивой лодкѣ; вр. обл. *улыбнуть*, обмануть, недать или неисполнить обѣщаннаго;—*ся*, ускользнуть, незамѣтно исчезнуть; серб. *лӱбати, љулати се, läbare*, о волненіи воды, колебаньи почвы под ногами. С обл. вр. *лыбить*, усмѣхаться, *улыбаться* и срб. *лӱбити се*, стидјети се, невидно связи значеній, но эта связь видна с перм. *ла́б-з-а*, зыбун, трясина (как шаткое, качкое, ненадежное мѣсто). Послѣднее роднит *лыб-* с рядом слов, как *лаб-з-а, леб-езить*; срв. *леб-д-ити* (К ист. зв. 127) со значеніем лести и т. п. Относительно связи между скользить, быть шатким с одной—и льстить, подлаживаться

с другой стороны, ср. на пр. в семействѣ корня *склал*, vacillare: лит. *klasta* хитрость обман при *sklandau* (*склал* + *д* с глагольным характером *н* внутри) скользить, колебаться и пр; или вр. *хлюздать* лукавить, при *хлуздать* скользить (по льду и пр.). Непосредственной звуковой связи между *лаб-з-* и *лыб-* нѣт, но она может состоять в том, что *лаб* = $^+$*алб*, как и *лыб-* = $^+$*улб* = *алб*. В сходных языках см. Fick. Wb. под *rab*: *lâbi*, скользить, падать, *labare*, колебаться, падать. Ср. Данич. Korieni 177.

Лъж-ька, лъж-ица, ложка. На *у* указывает новг. *лузик* id, поль. *łyżka*, в коем, равно как в независимом от него костр. *лыжка* и б. м. тоже незаимствованном галиц. млр. *лыжка, лижга*, *ы* может быть не из *ъ*, что принимает Mikl. Ueber ...*trъt*, 13. Если свр. *слозить*, кушать, незаимствовано и находится в связи с лит. *raganti* пробовать пищу (К ист. зв. 96), то *слоз* при лит. *rag* указывают на *арг* v. *аргh*, от коего может вести начало и $^+$*луг*, $^+$*лыг* в *лъжица* и пр. Иначе Mikl. Lex. s. v. и Ueb... *trъt;* он сравнивает, ссылаясь па Curt. Gr. Et. N 549, греч. λύζω (λυγ-) икаю, всхлыпываю, и, как предполагается, соотвѣтствующее греческому $^+$σλυγ- др. вн. *sluccan*, schlucke. Обѣ этимологіи сомнительны. Можно бы привлечь к сравненію млр. *лигати* (*лыг-*), ѣсть, жрать (кажется, не глотать = *ковтати*), на пр. у Котляр.: „Еней з дороги налигався и нінноі так нахлистався, трохи невиперсь з ёго дух.“ Остается также вопросом: указывает ли *ы* в поль. *łykać* на корен. *у*, или же, что вѣроятнѣе, оно таким указаніем служить не может, относясь непосредственно только к *ъ* в *лък* (połknąć, проглотить, łkać, всхлыпывать), как—*сыла-* к *съл-*.

Лыжа, п. łyżwa сравнивают с латыш. *лужес* мн. лыжи, которое однако же может быть заимствованіем из русс. Если вѣрно сближеніе с лит. *rogés. ragis*, дровни, полозья и с русс. *елозить, ёлзать, ёрзать*, млр. *ялозити* (К ист. зв. 95), то в основаніи $^+$*арг* = *аргh-*, *рагh-* в знач. бѣжать (см. у Фика). В рус. загадках полозья представляются именно бѣгущими: млр. бігли два псп, позадерали носи; два брати біжять, один одного неперегонять.

Вр. *Лыз-ло*, высокорослый, неуклюжій, верзило. Ср. *раг* в лит. *rażyti*, recken и *арг* в скр. *арджати* recken, протягивать, простирать гр. ὀρίγ-νυμι. См. Fick Wb. arg.

Вр. *лысо*, превратно (говорить), плохо (дѣлить). Тема +*алса*; ср. Fick, Wb. arsaja, — лат. errare, гот. airzjan= н. нѣм. irren. Кажется, что „лысый чорт" v. бѣс, мр. лисий дидько значит не calvus, а вводящій в заблужденіе, хитрый, лукавый. Б. м. смѣшеніе этого *лыс* со слѣдующим *лыс*, calvus, заставило считать лысаго коня дурною встрѣчею. Так в русской вставкѣ поученія, приписываемаго Феодосію Печерскому: „Се бо не поганьскы ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще кто усрящеть чьрноризца то възвращается, ли единець [1], ли свиню (ли конь лысъ). Срезн. Свѣд. и зам. XXIV, Лавр. 73. Б. м. на этом же основаніи сказка „Нелюбо — неслушай" (Аѳ. Ск. II, N 7) так выставляет на вид, что у дѣда, одурачившаго двух умных братьев и одураченнаго третьим дураком, была большая лысина. В соотвѣтствующей серб. сказкѣ (Кар. Прип. N 44, „лаж за опкладу") вмѣсто лысаго русской сказки — безбородый (ћосо).

Лыс, calvus, не может быть отдѣлено от скр. р'кша́, calvus (=+аркса-) и на оборот, не может находиться в непосредственной связи с лит. *laukas*, лысый, о скотинѣ, из коего бы вышло слав. +*лук(ъ)*.

Вр. *Лыскать* см. рыскать.

Вр. *Лыта́-ть*: „от дѣла лытаешь, или дѣла пытаешь?" (в сказках, и кромѣ), „от дѣла лы́том," шататься по лыта́м; серб. *лутати*, шляться. Срб. *лист*, celer (о зайцѣ, борзой), если из *лыстъ*, относится сюда же; иначе Данич. Kor. 24. В основаніи *лынять*, уклонятся от дѣла, шляться—сущ. *лынь* (у Даля—лѣнтяй, шатун и пр.) из +лы(т)н,

---

[1]) Мнѣніе (Срезн. ib.), что ѥдиньць, aper есть лишь буквальный перевод греч. μονίος, кажется сомнительным. Как же было назвать одиноко, отдѣльно от стада живущаго стараго самца (т. е. кабана), как не *одинцом*? См. у Даля. Из мрусс.—в польскій: *odyniec*.

с составляющим правило опущеніем зубной перед *н*. Серб. *лунати*, — се, incedere capite demisso, при чем, кажется, выдвинулась несущественная черта значенія=*лу́тати*. Отсюла *лын-д-ать*=лынять. *Лыт-*. *лут-*=+алт. арт. ср. скр. р̥ти ж. ход. Сюда через +*рат—реть* „вытѣчка конская" (П. Бер.) и *ретивый* конь т. е. ходкій, быстрый, между тѣм как значенію санскритскаго *р̥ти* ссора соотвѣтствует *реть* ссора, состязаніе и *ретиво́* сердце т. е. гнѣвное.

Лыт(ъ)ка, бедро, ляжка, икра ноги, голень, задняя и передняя лопатка свиньи, ст. сл. *лыстъ, лысто*, голень (*с* из *т*. Mikl. Gr. II, 161). Это *лыт-* могло бы быть отнесено к предыдущему=+*арт*. Возраженія могут быть со стороны *д* в вр. *лыды*, долгія ноги и в приводимых Миклошичем (Altslov. Lautl.[3] 159) малорусских (галицких?) формах *лидка, лидвиця*. В сторонѣ лежат вр. *лутошки*, тонкія, сухія ноги (презрит.), которое относится к вр. *лутоха,—ошка*, ободранная липка и вр. мр. *лу-тъ* лыко (кор. *лу* в зн. драть).

Рыск-ать, бѣжать (о лодьѣ, звѣрѣ и пр.) и *рысь*, бѣг вообще и извѣстная конская побѣжка (Trab) млр. *ристь* (и=ы), пол. *ryść* (лит. *riszczia*—из русс.). *Ст*+*ь* (из *и*) может быть здѣсь таким же позднѣйшим видоизмѣненіем нераздѣльнаго *ск*, как в стсл. *рисшати*, в вр. *блестѣть, блесоть*, (из +блесть), так что можно обойти предположеніе +*рис(к)-ть*. В *ристати ри* неимѣет связи с *ры*, но *риск-* и *рыск* независимо друг друга=+ар-ск, скр. *р̥ччһати* идет и пр., гр. ἔρχ-ομα (из ερ-σχ, ερ-σκ). *Ра* из *ар* в др. в. н. *rasco*, vivaciter=rasch, Pott. Et. F. 2, 1, 623.

Рысь, lynx и пр. Если *лыс*=*р̥кша́*, то и *рыс-ь* (независимо от тематическаго *и*=ь)=скр. *р̥кша́*, медвѣдь=гр. ἄρκτος (гдѣ κτ=кш, как в τέκτον-=скр. такшан), лат. *ursus* (из +urcsus +arcsas). Будет ли лит. *luszis* заимствованіем из нѣм. *luchs* [1]), в чем конечно нѣт надобности, или

---

[1]) Ср. лит. *laszis*=нѣм. *lachs*.

самостоятельным словом, его *sz*=*кс*, как в *aszis*, *ось*, *axis* скр. *акш-а*.

Более первообразная форма корня видна в гр. *ἄρκ-ος* медведь а, по отношенію к конечной согласной, и в лит. *lokis*-лат. *lâcis*, id. Как *аркс* имѣет при себѣ в скр. *р'кша* Verletzer, Verderber, так предположенное *арк*—скр. *арç*, lacerare, арçа- verlezung, риç laedere, ferire. Согласно с этим в разсматриваемых словах хищный звѣрь (медвѣдь; рысь) назван дерущим, как и до нынѣ говорится, что медвѣдь дерет скотину, а волк рѣжет, различіе, впрочем, эти, мологически несущественное.

Из нѣскольких относящихся сюда мнѣній кажется наиболѣе вѣроятным то, по коему выше упомянутое *арк* lacerare и пр. и *р'кша*, медвѣдь ненаходятся в этимолог. связи с скр. *р'кша*, м. и ср. звѣзда, созвѣздіе, *ркшâс* (м. р. мн. ч.), созвѣздіе большой медвѣдицы, и гр. *ἄρκτος*, л. ursa id. Названія звѣзды—созвѣздія образованы посредством такой же как выше или до неразличаемости сходной формы $^{+}$*аркс*- от другого *арк*, при коем—скр. *аркá* м. луч солнца, огня и пр. и хвалебная пѣснь, *áрч-ати* испускать лучи, восхвалять пѣснею. В силу ли забвенія этимологическаго значенія свѣта в названіи звѣзды—изв. созвѣздія (М. Мюллер), или, что кажется болѣе вѣроятным, независимо от этого, в силу апріорнаго заключенія от однозвучности слов к сходству обозначаемых ими предметов (такія заключенія до нынѣ обычны на пр. у нѣкоторых русских сектантов), созвѣздіе, первоначально представлявшееся возом у Греков, Римлян, Германцев, Славян, Литовцев и, судя по нѣкоторых указаніям, Индійцев, стало представляться медвѣдем или медвѣдицей, к коим Греки прибавляли еще и вожака (*ἀρκτοῦρος*). (Ср. Bopp. Gloss, V. Gr. I, 28, 500; Pott, Et. F. 2, 1, 612-3, Curt. Grundz I, N. 8 и ссылки у послѣдняго).

Б. м. нѣчто подобное произошло и в славянском языкѣ. *Лос-ь*, cervus alces, кромѣ суффикса=скр. р'ç-а, р'ç-ja, самец антилопы (из $^{+}$арç-, $^{+}$арк-), гр. *ἄλκ-η*, лат. *alc-es* (Mikl). Корень здѣсь может быть тот же, что в 1-м *р'кша*,

но с видоизмѣненным значеніем. Вебер указывает на арç, риç-а-ти в знач. ferire, бодать (ср. арш, р·шати, stossen, stechen, Zeitschr. f. v. Spr. VI, 320), так что лось—бóдун. Но в вр. *лось* есть также названіе созв. большой медвѣдицы; послѣднее в олонец называется *лоса*. Таким образом как при *р·кша* ursus, так и при *лось* находим ряд слов со значеніем свѣта, как видно из слѣдующаго.

вр. *Лáса*, пятно полосою и пр., *лосá*, пространство воды освѣщенное солнцем и гладкое, неколышимое вѣтром (свр.), *лóсо* на морѣ, гладко, тихо, *лос-ёха*,-иха—гладкая здоровая, красивая женщина;

р. *Лоск* блеск (гладкой поверхности), гладь. Отсюда *лос-ниться,—нѣться*;

Льск в ст сл. *льштатсѧ* и пр., между прочим в п. ł*skną*ć się, łsnić się, блестѣть, лосниться и с перестановкою *-słną*ć się (отличном от *olsnąć*=осльпнѫти). Формы с *ск*, как бы ни объяснялись, неотдѣлимы от форм с *-с* (*лас-*, *лос-*), которыя ср. с скр. *лакш-а-м, лакш-ана-м, лакш-ман*. цѣль, примѣта, признак. Эти значенія могли также развиться из значенія свѣта, или бѣлизны, как в серб. *бјѐлег*, *бѝљег* *бѝљега*, знак (напр. инноцвѣтное пятно, лысина на конѣ), мѣтка, цѣль, в которую стрѣляют или до которой бѣгут, при вр. *бѣл-ёг* бѣлизна, пѣжина, бѣловатый знак (рубец) на тѣлѣ. Скр. лакш- =+лаг-с, а предполагаемое *лаг* ср. с р*а̂дж*-а-ти блестѣть и с +*арг*, что в а*рдж*-у-на бѣлый, свѣтлый, серебряный, серебро, ἄργ-υρο-ς, л. arg-u-o и см. разъясняю, лит. *reg*-iu, вижу (Fick и др.).

Лы в польс. *łysk*, блеск, лоск, *łyskać*, *łysknąć*, *łyskawica*, не смѣстныя с *błysk*, могут предполагать +*алск*. Ср.рыскать. Ст. сл. *у-лыск-а ти* сѧ, *у-лыс*(к)*нѫ*ти сѧ, улыбаться,—путься, относятся не к *лыб*, а сюда же, с переходом значенія от свѣта к смѣху, улыбкѣ. Ср. срб. „кад се смије, кан'да сунце грије" и „господскоме *смијеху* и *ведру* небу невала вјеровати" (јер се за час промијени), Кар. Посл. 44. Смѣх блещет (почему напр. flores rident, domus ridet argento) и горит, почему у Гомера „ἄσβεστος γέλως," неугасимый смѣх. Это наводит на мысль, что самое *лыб*

в *улыбаться* относится к тому ⁺*албh*, к которому вышеупомянутое *лыбедь* и *лебедь*, гр. ἀλφός, бѣлое пятно на тѣлѣ, лат. *albus*, а в силу знакомаго нам в рус. пар. пѣснях сближенія *бѣл=мил*, добр, от ф. ⁺*лабh* — лит. *labas*, добрый и милый, красивый. Можно предположить и здѣсь значеніе свѣта, т. е. значеніе *бѣл* первоначально неотличалось от *свѣта*. Значеніе стыда в серб. *лйбити* се, стидјети се (которое Даничич. Кор. 177 приводит в связь с *либати*, labare) было бы производным. Не ясно лит. *urpiu*, *-pt-*, auslachen. *Urb-?*. Ср. surpēti—surbēti, хлебать, supoti—subeti, качать (дитя).

Лунь в рус. falco rusticolus, в друг. слав. нарѣчіях vultur, milvus. Выраженіе „сѣд кик лунь" от цвѣта этой птицы (f. r.), а не от этимологической связи с великоруск. *лунь*—тусклый свѣт, польс. *łu*na зарево. Из основаній мифологическихъ (мое соч. О миф. зн. нѣкр. обр. и пов. 98) объясняются млр. выраженія: „вхопила лунь, Ном. 39, щоб тебе лунь вхопила, ib. 73 (чтоб ты умер, пропал), „Не люблять в пеклі жартовати.... Як піднесуть из оцтом хвиги, то зараз вхопить тебе лунь," Котл. Ен.; „Виходь же завтра на вкулачки, Вітдиль полізеш мабудь рачки, Бодай и лунь щоб незлизав" ib. В послѣднем слизывать в смыслѣ уничтоженія приписано луню без надобности, подъ вліяніем выраженій другаго порядка: „нехай тебе лизень злиже" Ном. 73; „як лизень злизав" ib. 265 (т. е. исчезло, пропало).

Можно бы думать, как и я прежде (К ист. зв. 196), что *лу*нь относится к *лу̂*, скр. лу-на̂-ти, лу-но̂-тѐ, рѣзать, разрывать и пр., откуда прич. скр· лу-на=лит. *łu*inas, комолый (Geitl. Fon. 34). Такое производство могло бы быть подтверждено аналогіей вр. *корш-унъ*, -акъ milvus, который названъ потому, что „терзает и щиплет добычу" (Лермонт.): лит *karsz*-ti, лен чесат (собств. рвать, драть), коня чистить скребницею, скр. *карш* (-а-ти) таскать, рвать, *кр̊ш*(а-ти).

проводить борозды, орать (драть землю) [1]). Теперь, в виду случаевъ *ар=ру*, предпочитаю объясненіе, которое связывает самую тему разсматриваемаго слова с такою же в сродных языках. Чередованіе рода муж. и жен., как в *путь* (мр.-жн.р), указывает, что в *лунь*—тема на *и*. Т. о. основная ф. этого слова, комѣ падежн. суф., +*арни*—греч ὄρνι-ς, др. в. н. *arn* м. (тема і), птица вообще и орел. *Ор-ьл*—сродно. См. Fick. Wb. arni.

р. *Лунка* (+луна), ямка, желобок, прорубь, тоже легко может быть отнесен к *лу̂*, рѣзать, рвать; однако слѣдует принять во вниманіе сходное по значенію *воронка*, л ейка лейкообразная ямка, отверстіе в сосудѣ, ч. *vrana* (отлично от ч. vrána=ворона, лит. warna), словац. *vranka*, хорут. *vraň*, относимое Миклошичем к одному семейству с *врѣти* claudere (Mikl. Ueber... trêt-trat, 33), но неотдѣлимое от скр. *врон'á* м. ср. рана (ср. русс. *проран*, пробой, прорыв), щербина, изъян (осн. ф. +варна), лат. *vuln-us*, гр. *οὐλή* (=+Ϝολνη) рубец, шрам, Fick Wb. *varna*.

В виду существующаго видоизмѣненія корней *вардh ардh*, *рудh* рости, *варк*, *арк*, *рук-* свѣтить, блестѣть (J. Schmidt Zur gesch. des ind. vocal. II, 295 сл.) *вар*(-н) в воронка дает возможность ожидать подобнозначащаго *ар-*,

---

[1]) В скр. и зендѣ этотъ корень является в различных словах, означающих земледѣліе, ораніе, как скр. кр̥шти, кр̥ши. Если бы в одном нарѣчіи встрѣтилось обозначеніе подобнозвучными словами хищной птицы и оранія, то мифическим умозаключеніем ораніе могло бы быть приписано птицѣ. Это дѣйствительно встрѣтилось в мр.:

„Орел поле изорав
И пшениці посіяв. (Весн.).
Та зорімо поле орлами,
Та засіемо (ймо?) жемчугами...

Костомаров Об ист. зн. рус. нар. поэзін 78—89. В отличіе от сказаннаго в моем соч. О миф. зн. нкр. обр. 8, я думаю, что при этом нѣт дѣла до этимологическаго значенія слова орел, т е. что здѣсь нельзя говорить о связи представленій быстроты и оранія.

которое дѣйствительно дает от себя скр. *ар-ус*, ср., рана. Т. о. +*луна*=*арна* v. *варна*.

Лучий melior, praestantior. Исходя из связи представленій любить, хотѣть и предпочитать, считать лучшим, замѣтной в *излюбити, изволити*, выбрать, предпочесть и, в *ун-ий* лучшій при *унити*, хотѣть, желать (скр. ванати, *ван-ô-ти*, любить, желать), а также и в виду связи сочетанія *ар-* с одной стороны с *ра-*, с другой с *ру-*, можно принять, что *лук-* в *лучь* и *рак* в *рачити* сходятся в +арк-. *Рачити*, любить, см. Mikl. Lex.; хотѣть: они же (монахи) видѣвше отрока простость и ризами же худами облечена, перачиша того прияти. Жит. Феод. Печ. XII в. 5; азъ шедъ увѣщахъ и (т. е. повидаться с матерью), не бо рачить видѣти кого, ib. 6; конѧ дивьяя и буяя.. научать.. а души бесъ чину ходящи и живущи никъто же нерачить поучити.... Сами собѣ хулы творѧще дѣлы, нерачимъ себе въстѧгнути. Златостр. до 1200, Срезн. П. р. п.; Бог... мьдьлить подати ѥго же просѧть, другых же нерачить (=неблаговолить) послушати молитвы, Изб. 1076, Бусл. Хр. 296. Безсонов Болг. П. I, 41 неточно переводит болг. *нерачи*, не хочет, через незаботится, ни во что ставит. Серб. *нерачи ми се*, нѣт охоты (ѣсть, пить), *рачи* се хочется. П. *raczyć*, благоволить, удостоить что сдѣлать. Ст. сл. *рачий* melior, пл. *raczej* (не от *рад*) potius.

Это *рак-* и +*алк*=+*лук-* можно сблизить с *алкати*, при чем *охота*, воля будут представляться алканіем, как в жадати, żądać—жаждою.

Серб. *рýда*, хорут *rudo*, дышло, румын. *руд*, pertica, мадяр rúd (Mikl. Lex). Если это слово не есть заимствованіе из лат. *rudis*, мутовка, фехтовальная палка, значеніе коего довольно далеко, или, как думает Миклош. (Fremdw.)—из мадярскаго, то оно соотвѣтствует лит- му *ard*-ai м. мн. перекладины (поперечные к основным) для сушки льна, *ard*-amas, поперечная к мачтѣ перекладина, к коей прикрѣпляется верхній край паруса, *ar*dyti дѣлить и пр. Данич. Kor. 182 относит *руда* к *ру*, рвать, в смыслѣ тянуть.

Вр. *ружь*, (откуда *снаружи*), +*ружа*, (откуда *нарўжу*), внѣшность, вид, лицо, масть в картах. Что эти слова относятся к семейству, представляющему в славянском яз. смѣну у (или ы) и а (или о, е), в том убѣждают ф. вр. *рожа*, лицо, харя, личина и вр. *родá*, вид, образ, облик, физіогномія; *привидѣніе*, *призран* (тул). Послѣднія значенія — в стар. *родъ*: „дѣти бѣгаютъ рода, а Господь пьянаго человѣка,“ Дан. Зат., Кал. Пам. XII в. 236. Конечно, можно сблизить эти слова по значенію с рости, родить. Относительно ружь можнобы сравнить гот. *lud*-ja, лицо. *laut*ha, рост, вид при +*рудh*, скр. *руh*, восходить, рости (Fick *rudh*). *Род*, привидѣніе, могло бы означать первоначально родственника, предка, за тѣм домового и пр. и находилось бы в непосредственном сродствѣ со слѣдующими: „(иже въ) полоученик (толк: в получаи вѣроують) (и в) *рѫжество* и *родъсловьствик* (толк: в *родословнк*, рекъше в *рожаница*), Кормч. 1282, Бусл. Хр. 381—2; *родимец*, мр. — ець (соб. родимый, родной, прирожденный, затѣм, как и думаю, дух рождающійся с человѣком, его двойник, и отсюда, т. к. этот двойник представляется виновником счастья, несчастія и болѣзней, то) назв. различных болѣзней взрослых и дѣтей; в силу такого же представленія стар. *родство* в смыслѣ болѣзни: „лѣта 7074, Февраля в 9 день простилъ Дух Святый *падную* болѣзнь, а та болѣзнь *отъ родства* (т. е. я думаю, не „от наслѣдства“ а т. ск. „от +родимства,“ от родимца, понятаго собирательно) из Славны Юрьа бобровника Кожевина,“ Новг. II, 161. Однако возможно и другое сближеніе. В вышеупомянутой Кормч. 1282 г., нѣсколькими строками выше, встрѣчается *родъ* в смыслѣ, которой трудно вывести из рости или родить: „тацѣмь (=ъ) запрещениkмь (=ъ) покорити подобакть и влачащая медвѣди или таковыя животы нѣкакы, на роуганик и в *родъ* простѣйшимъ (толк: на глумленик и прельщеник простѣйшихъ человѣкъ). Бусл. Хр. 391—2. Не значит ли здѣсь *в родъ* — на показ, и не напоминает ли это лит. *rod-y-ti*, лат. *râdit*, являть, показывать, лит. —*yti-s*, казаться, притворяться, *ro-*

do-s кажется, повидимому, *rodykle*, между прочим monstrum, ungeheuer, чудовище?

Долгое о в лит. и â в лат. находит соотвѣтствіе в слав. *рад-з Радуница*, см. Mikl. Lex., ср. в Новг. II, под 1549: мѣсяца Апрѣля в 30 день на второй недѣлѣ послѣ (читай „по“) Велицѣ дни, в Радуницу. 153. В нынѣшних вр. говорах—*радунéць* и *радуница*, *радовница* кажутся болѣе древними формами, тогда как ф. *радошница*, *радованцы*, *радованеніе—поминки* кажутся возникшими из стремленія приурочить вышеприведенныя, уже непонятныя слова к *радошный*, *радоваться*.

Значеніе суф. *-ьць*, независимо от предшествующаго ему *-ун-*, ср. с вр *вьюнець* (= *вьюнишник*, вьюнитство) обряд поздравленія тѣхъ пар, для которых наступает первая весна послѣ брака, совершаемый в суботу на Святой, или в Воскресеніе на Фоминой, т. е. почти в одно время с радуницей [1]). Отсюда возможен переход к значенію времени этого обряда. Подобное значеніе вторичнаго суф. *ица* (время того, что указано темою): мр. косовиця, гребовиця, вр. гололедица, безкормица и проч. Значеніе предидущаго суф. *ун* не ясно. Основываясь на *-овница* можно думать не о суф. *-ун-*ъ, образующем им. дѣйств. лица, а о стяженіи, несходном впрочем с тѣм, которое по видимому

1) *Вьюнец*. Прежде я соглашался с мнѣніем, что это слово—к *юн*, молод, а не к *вьи* (Древности. Тр. М. Арх. О. I. 2. 233—4). Теперь на первом мѣстѣ ставлю связь этого обычая с обычаем *кумиться* и *брататься*, цѣлуясь сквозь вѣнок, что у Сербов *дружичало* (во Вторник на Фоминой, вмѣстѣ с поминовеніем мертвых), с обычаем состоящим *въ избраніи предпочитаемаго* лица в подруги или побратимы до того же дня слѣдующаго года. Согласно с этим думаю, что *вьюнеч*, хотя и есть видоизмѣненіе формы *юн*, но не той, в которой j коренное (= лит. jaunas и пр.), а той, в коей j приставное: ср. унии, -ніє - лучшій, лучше, *унити*—лучше хотѣть того, чѣм другаго, предпочитать, скр. *ван* (*-ô*-ти, -а-ти), любить, желать. Т. о. *вьюн*—*вьюница*, пѣсенныя названія поздравляемых, означали бы не „молодой и молодая“ а „*выбранный*, предпочтенный— -ая, как скр. *варá-*, жених, супруг, как излюбленный, предпочтенный, при *вар*, врнôти. избирать, предпочитать, желать (woleć), любить.

в *овсень*—*усень* (кор. *вас-*, мое соч. О миѳ. знач. н. обр. 21 сл., Аѳ. П. В. III, 747 сл.), болѣе новом, именно из -ов-ьн-. Ср. *мед* ун-ица, рабочая пчела и пр., мр. *полу*-*ниця*, если из *половница* (Даль), клубника. Как бы ни было, м. б. что р*адуни*ца не только есть время кликанія мертвых и их появленія, но и этимологически означает *появленіе* (лит. r*od*-). Сюда же м. б. вр. *ражій*, дюжій, красивый, видный (собств. казистый?). Этимологически неясное п. r*aźn*y —не сюда.

Вообще, нахожу вѣроятным, что и в слав. языках есть особое семейство *руд-*, *род-*, *рад-*, отличное от сходных по звукам особым значеніем „казать, являть,“ и что в нем чередованіе гласных указывает на какое то *ард-*.

Руно, vellus, с давних пор и с полным основаніем относят к *ру-* рвать (=содранное, сорванное), на что, кромѣ существующаго ещё пріема вырывать а не стричь шерсть, указывают и другія значенія этого слова, как вр. руно (гороху, хмѣлю), куст вырванный цѣликом с корнями и пр.; худая одежа, снятая с плечь, лохмотья. Но мало вѣроятности, что от значенія vellus идет вр. *руно* (овец, рыбы) стадо, стая, толпа, при коем стояло бы — сербс. *рўља* на пр. људи, толпа („одоше руљом“), если бы это не было заимствованным (нѣм. rudel), возможность чего допускает Даничич (Korieni, 181). Второе *руно* могло бы быть отнесено к *ру*, ревѣть, как это условно дѣлает Даничич с *рy*-*ља*, сближая его (ib.) с серб. *рўљати*, ревѣть, о ребенкѣ, гдѣ впрочем *љ* кажется, уменьшительное, чего однако непризнает Микл. Gr. II, 472. Дѣйствительно, есть названія толпы от крика, шума: поль. „tam ludźi *huk*,“ лит. *gauja*, толпа, стадо, стая (ein rudel), особенно течка собак, волков, при *gauti*, выть; поль. *gaw-iedź*, толпа в презрит. смыслѣ, сволочь (ср. арх. бранное *гаведь*, неучь, разиня, сюда же, или к другому *гу*, при коем *говно*), ряз- *гавез* (— ез?) множество, толпа, пропасть, при *гу*, при коем и *говор*, *gwar*, *гуторить*, *gawęda*. Т. о. вѣроятно и названіе стада, стаи от рева, между прочим во время течки („свиной *рык*,“ „коровій *рев*“); только к слову *руно* 2 не слѣдует заключать от

о-рав-а (так, а не от *орать*, драть горло, как у Даля и др.), толпа, ибо здѣсь существенно значеніе предлога *о*, от коего зависит значеніе „толпа загонщиков, с криком окружающих кнею, обойденный остров, или участок (поль. ostęp). Аналогично с *о-рава* и стар. новг. *о-зва-дъ*, облава и кней?, *об-лава* (К ист. зв. 199; ср. „доиде же (Мамой) до усть рѣки Воронежа и распусти облаву свою" Сах. Ск. Р. н. I, 7, 65) и пск. *за-лава* шумная толпа. Есть однако и другая возможность, что в *руно*, стая названа не по звуку, а по движенію, как в сл. *рой* относительно насѣкомых и, рѣже, овец, в *течкъ* относительно волков и собак. В таком случаѣ—тема +*арна-* (скр. *арна* м. woge, fluthstrom), кор. *ар*, что в *рыскать*.

р. *Ру́сло́*. Вряд ли может б. сомнѣніе, что суф. здѣсь не—*ло*, а +*тло* (=дло=скр. тра-м). За тѣм двѣ возможности, которыя впрочем, при неопредѣленности значенія находимых нами корней, невліяют на опредѣленіе основнаго значенія слова. *Русло* во всяком случаѣ зн. собственно орудіе теченія или орошенія, то чѣм течет вода, отсюда корыто рѣки, жолоб для стока, и самое теченіе и пр. Тоже—вр. *рус-т* : *ру́стом*, руслом, ручьем, струею.

Первая возможность—в предположеніи, что *с* перед *т* суфикса — из зубной одновременной [1]). В таком случаѣ—

---

[1]) Ср. *прясло, пряслица* соб. чѣм прядут (см. Даль; лат. *sprés-lica*, прялка — заимствовано, но с туземным начальным *s*: *spréžu*. прош. *sprédu*, *sprest*, прясть, ср. Biellenst. Let. spr. I, 290).

Прясло. русс. 1. звено изгороди из жердей или досок (от столба до столба), в мостовой пространство от версты до версты; 2, то что замѣчается на этом пространствѣ („прясло ржи"); 3 в стар. яз. (см. Mikl. Lex.) верста в см. мѣры, степени, уровня. Микл. относит к *прѧт-* (прятать, ponere); я думаю — к *(с)прѧд-*: лит. *sprendžiu*, *spręsti* обнимать (нзв. пространство) пядью, лат. *spréžu*, *sprést*, распростирать (strecken), обнимать пядью, за тѣм измѣрять, оцѣнивать, изрекать приговор; лит. *sprindis*, — džio, лат. *sprédis*,—ža, пядь, spanne; лит. *splendù* расширяться. Pomm. (Wr. Wb. IV 739) присоединяет сюда др. вн. *spreiton*, pandere: лат. kâjas ie sprédis stâw, er steht mit aus ein ander *gespreizten* füs-

кор. *руд=ард*. Скр. *ард-* с предлогом *нис-* вытекать, с *пра* и в причин. ф.—заставлять стекать, *ârдрâ*, сырой, мокрый, свѣжій, сочный, мягкій; гр. ἄρσ-ειν орошать. Сюда ли серб. *рудина*, луг, как сырое мѣсто? Данич., Korieni 21, относит к +*ардh*, через ф. с ж. Сюда ли лит. *rudû* осень, как дождливое время? Связь греч. ἄρσω с ἄρσα, нечистота, грязь, подтверждаемая и другими сочетаніями знач. литья влаги и *скверны* (на пр. в этом словѣ, кор. *скар-*), дает возможность предположить, что русс. *рудить* марать, грязнить может относиться и сюда, а не непремѣнно к *руд — рыжь* и *руда*, кровь.

Сходно с слав. *пѣ-снь, боя-знь,—изна=-ина*, и в литовском перед *н* суфиксов является непонятное *с*, требующее ассимиляціи предыдущей зубной одновременной: *kąsnis*, кусок, кор. *kand-*. Принявши суф.—sn—для лит. *Rusnė*, правый рукав Нѣмана, получим и для этого слова кор. *руд=ард* и основное значеніе *русла*.

---

sen. Т. о. *прясло* 2. значит соб. то, чѣм обхвачено — то, что обхвачено.

вр. *усло́*, часть тканья; „как велико усло?" т. е. сколько наткал? лит. *aud-mi* v. audžiu *austi*, ткать, при чем тот же суфикс что и в русском словѣ (*kla-s*, как признано нѣсколькими учеными, кромѣ рода = слав. +тло, дло) означает не орудіе, а произведеніе: *aude-klas*, ткань, холст. Зенд. *badh* — одѣваться, др. вн. wât, gewand, rüstung (Fick).

От шныряньям туда — сюда, как челнок при канвѣ (ср. weben — schweben) — *о вод ъ* (начальное *о* неясно), лит. *ûdas*, id. и лат. *ûd-ega*, *ûd-aga*, хвост (чѣм виляют, машут). Относительно упомянутой связи летанья насѣкомых (и нѣкот. птиц) с витьем, снованьем, ср. *мотыль*, мр. *метелик*, при *мотать*, и серб. загадку о пчелѣ: „*мотовило—вило* по гори се вило, куħи долазило, соли нелизало." Подобная русс. и серб. загадка о ласточкѣ („шило—мотовило," „спријед шило, страга вило") относится к клюву и хвосту похожему на вилы или на мотовило. Думалось бы, что подобное значеніе витья, снованья (тканья) лежит и в основаніи вр. *па-утъ*, овод (кор +*ват*?). Сродно ли это послѣднѣе с *па-укъ*, *pająk*? Не произошло ли *к* из *т* в *паутина*, а не на оборот? Что могло побудать обойти такое обычное сочет., как пау*чина*?

При этом вспомним уже встрѣченныя выше в литовском сочет. *ру* (*ru*) перед согласною, не смотря на возможность в этом языкѣ непосредственнаго соприкосновенія *р* (*r*) с согласною; *luszis, rudû* (?), к коим б. м. можно присоединить еще *rustus*, гнѣвный, сердитый, *rustai* сердито, очень, чрезвычайно, если оно вяжется с вр. *ерестаться*, н. луж. jerěšiś se, сердиться (соб. ерошиться, К ист. зв. 95). Потт, Wz. Wb. II, 2, 459, указывает на скр. руш-, по 1 и 4 — laedere, interficere, по 4 и 10 — irasci, furere, находя, что б. м. сюда же скр. *рŷкша*, asper „horridus."

Вторая возможность объясненія слова *русло* в том, что зубная суфикса = +*тло* измѣнилась под вліяніем конечной *свистящей* корня, как в *масло* (маз-). В таком случаѣ — корень *арс-*, тот же, что предполагается в сл. *Русь*. Тоже предположеніе возможно и для литовскаго *Rusnė* и необходимо для тѣх, мнѣ из первых рук неизвѣствых названій Нѣмана, в коих послѣ *s* стоит гласная. Во всяком случаѣ связь между Русною и Русью может быть лишь отдаленная и посредственная, а не связь заимствованія.

Из предыдущих случаев *ру* = +*ар* перед согласною, к коим можно присоединить и относительно поздній серб. стар. *русагъ* regio, regnum, мадяр. *ország*, (Mikl. Femdw.), видно, что *Рус-ь*, *Руси-нъ*, кромѣ суфиксов, могут соотвѣтствовать скр-му *р·ш-а-бha* бык (= +арсабha) [1]), зенд. *арш-ан*, *арш-âна*, самец, муж, греч. ἄρσ-ην (ἄῤῥην, тема— —εν), мужескій, мужественный Т. о. *рус-инъ* значило бы „муж," а *рус-ь* — собирательное „мужи," и оба слова были бы вполнѣ туземны. За корень слова ἄρσ-ην и пр., принимается *арс* = скр. арш (р·ш-) течь, орошать, в смыслѣ изліянія сѣмени, оплодотворенія (Curt. Grundz² 307). Этот признак лежит в основаніи нѣскольких названій самцов. В другом смыслѣ тот же корень может давать названія

---

[1]) Не могу судить, на сколько случайно совпаденіе этого имени, которое могло служить почетным эпитетом мужей, с именем Половецкаго князя, убитаго в 1103: *Урусоба* (Поуч. Моном. Лавр. 104, 119).

рѣк, как текущих, орошающих. Сюда м. б. *Рось*, приток Днѣпра, и многія другія, связь которых с *Русью*, как и этого послѣдняго с *Русною*, может быть лишь посредственная, как членов двух нисходящих родословных линій.

Кому может быть на руку такое объясненіе имени Русь? Конечно тѣм изслѣдователям, которые, отчаявшись найти Русь в Швеціи и гдѣ бы то ни было, кромѣ Руси, отдѣляют Русь от Варягов., приписывают Руси, согласно с употребленіем этого слова до весьма поздняго времени, происхожденіе преимущественно южное, приурочивают ее к землѣ Полян, Тмуторокани, Русскому морю, а с бо́льшими сомнѣніями и к галицкой и угорской Руси. Знаменитое мѣсто лѣтописи „В лѣто 6370.. идоша за море к Варягом к Руси (сице бо ся зваху тьи (тии) Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свое (Свее) и пр.)" очевидно заключает в себѣ глоссу составителя лѣтописнаго свода. Возможно, что Варяги, пришедшіе на Русь, стали называться Русью, т. е. такими же мужами, воями, как и туземные, что свидѣтельство об этом дошло до лѣтописца и заставило его, при забвеніи этимологич. значенія слова Русь, предположить, что они называли себя так и у себя дома. Возможно, что „род Русскій" за морем создался под вліяніем особаго пониманія таких мѣст, как в догов. Иг. (под 6453): „мы от рода Русскаго съли и гостье," т. е. послы (не принадлежащіе к роду Р-а) служащіе представителями рода Русскаго. Во всяком случаѣ вѣроятно, что лѣтописное свидѣтельство о призваніи, как это принимает Д. И. Иловайскій, нѣкогда звучало иначе, на пр. так, как читается в лѣтописцѣ Никифора патріярха: „при сего (Михаила) царствѣ придоша Русь: Чюдь, Словенѣ, Кривичи к Варягом" (которые стало быть небыли Русью), „рѣша: земля наша велика.." П. С. Р. Л. I, 251 (Иловайскій, Разысканія о началѣ Руси, 300).

По моему гаданію, напрасно однако же и на югѣ искать *племени*, носившаго имя Руси; его не было до того времени, когда многія племена объединились под этим именем и появился народ русской. Русь в смыслѣ мужей, т. е. воев и гостей, выходила из разных племен, но преимущественно из крайних,

болѣе сталкивавшихся с иноземцами. Переход слова Русь от значенія состоянія к значенію народа, от представителей к представляемым есть предположеніе, напоминающее былое. Так из козаков, бывших первоначально людьми малыми в смыслѣ количества, но не в смыслѣ бродила, вышел в XVII в. „люд козако-русскій.“ Б. м. между козаками и Русью есть и другого рода связь: б. м. крайнія поселенія Руси, как Тмуторокань, были архаическими формами позднѣйшей сѣчи и других козацких общин, формами неуспѣвшими развить в себѣ семейной жизни и потому неустойчивыми. Относительно названія племен по представителям напомню словопроизводство проф. Гейтлера: *Хърватъ* = литов. *szarwotas*, т. е. или оплит, латник (латы могли быть и не желѣзныя, а роговыя или кожанныя), или вооруженный, снаряженный, стало быть тоже муж, храбр, воин (ср. нынѣшнее серб. *храбар рабар, војно*, муж — maritus и молодец, как мр. пѣсенное *козак* по отношенію к *дівкѣ*). При этом можно поставить и другое имя: *сьрбъ*, судя по скр. *сарбh* ferire, laedere, occidere, значит воин, боец. Как эти имена, так и Русь принадлежат к корням или совсѣм забытым или крайне затемненным.

10 Окт. 1878.

Мéлюс.

„Будем ми до байраків, до мелюсів добігати,
І будем ми тернове віття, верхи стинати,
І будем тобі, найменьшому брату, пішій пішаниці, на
[признáку покидати.....
Далі з байраків, из мелюсів вибігали,
І нестало ні байраків, ні мелюсів ставати,
І тільки поле лиліє,
На ёму трава зеленіє.

(Ольшана, Харьк. г., Богодух. у. Дума о побѣгѣ трех братьев из Азовской неволи, запис. М. В. Нѣговскій, Ант. и Др. I, 108). Слово это считается непонятным (Костом. Историч. поэзія. В. Евр. 1874, XII, 574). Ср. п. *mielerz*, stos z drzewa, na kształt stogu porządnie ułożony, z którego węgle kurzą (Linde, s. v. ссылка на *Siennika* M. Herbarz, 1568 г.); ч. *milíř*, id, нѣм. *meiler* id (стар. +mîler). Конечное *с* в мр. = поль. *z* = *rz* и служит указаніем на заимствованіе именно из польскаго, от Мазуров. В мр. думѣ это слово могло находиться с самого ея сложенія между концем XV и нач. XVII в. (Ант. и Др. I. 133). Значеніе этого слова в думѣ неможет быть то, что в п., ч., нѣм., ибо в степи по направленію от Азова к верховьям притоков Самары и Муравскому шляху *нѣ*кому, *нѣ*-из-чего и *нѣ* для чего было жечь угля. Я думаю, что старшіе братья намѣчали свой путь не только свѣжесрубленными терновыми вѣтками, но и сухими, которыя они брали с костров, а что это были за костры, отвѣтом служит обычай, о древности, распространенности и значеніи коего см. Котлярев.

О погреб. обр. 93—6: бросать на могилу похороненнаго у дороги вѣтки и т. п. Я сам видѣл выросшую таким образом порядочную кучу, если память необманывает, именно близь Ольшаны. Понятно, что эти кучи кончались там, гдѣ и байраки и терны: нестало байраков, нестало и мелюсов. Тогда братья стали рвать платье и оставлять „на признаку.“ Но пѣвцу эта связь тернов и мелюсов была неясна и он дошел до их отождествленія:

„Видно, їх (братьев) Азовська орда доганяла, І посикла порубала, Мене найменьшого брата, пішу пішаницю, у тернах, у мелюсах (стало быть в чем то, в чем можно скрыться) на спочинку минала“ (Ант. и Др. I, 110); „Вовки сіроманці набігали, кості по байраках, по мелюсах розношали“ (ib. 111).

— „Поле *леліє*“ l. c., блестит, т. е. виднѣется. Ср. в моем соч. Сл. о П. Иг. 96—7.

„*Опрáні* кульбаки, дóбич из коней зкидайте“ (варіянт той же думы, запис. П. А. Кулішом, З. о Ю. Р. I, 37, Ант. и Др. I, 114). Пѣвец замѣтил: „хто ёго знаe, що то було таке?“ Издатель перевел вольно: „дорогія сѣдла,“ а впрочем вѣрно, ибо здѣсь — kulbaki, *oprawne* w srebro albo złoto. Именно только в этих тяжелых сѣдлах, да в зеленых жупанах, подбитых красною и желтою китайкою, да в оружіи могла состоять „добич,“ „добро турецьке“ (ib. стр. 24, 83, 171—2, 202), а вьюков могло и небыть.

Китиці, кити. В той же думѣ (Ант. и Др. I, 108): І ну (читай *нум*) думати гадати, З під червоного каптана чорні китиці видерати, Своему брату... на признаку покидати.“ Но зачѣм „китиці“ (кисти) *под* каптаном? Под вліяніем такого сомнѣнія, пѣвец дальше сказал „*коло* своїх каптанів чорні китиці видирати (109, ст. 76). Думаю, что *китиці* появилось здѣсь как замѣна менѣе понятнаго *кити*: „один на собі каптан маe, Та з під того жовті та чорні *кити* видираe“ (ib. 121, ст. 56, а дальше, ст. 60 — *китиці*), а *кити* есть искаженное *китаї*. *Китáй*, п. *kitaj*, бумажная ткань, есть первообразное общеизвѣстнаго и употребленнаго в других варіантах той же думы *китайка*; в мр.

прилагательное образовано от этого первообразнаго: *китаєвий*, а не *китайковый* (хотя есть и это, и *китайчаний*) и на оборот, *каламайковий* пояс, а не +*каламаєвий*.

Обітріє (мр.). В варіянтѣ той же думы:

....Стала їх темна нічка обіймати,
Став брат старший до середульшого промовляти:
„Станьмо, братіку, тута, коні попасімо:
„Тут могили великі,
„Трава хороша
„І вода погожа;
„Станьмо тутечка, підождімо,
„Поки *сонце обітріє*,
Чи неприбуде ік нам наш піший піхотинець.

П. А. Кулиш (Исторія возсоединенія Руси, I, 341) замѣчает об этом мѣстѣ: „Перепечатывая думу эту из моего сборника, издатели „Истор. пѣсень мр. нар.“... напечатали *обігріє*. Нѣт, *обітріє* значит *обвітріє*; но двѣ согласныя губныя непозволяет украинская фонетика произнести, и потому кобзарь Архип Никоненко пѣл так, как у меня напечатано“ (т. е. в Зап. Ю. Р. I, 40, гдѣ—вольный перевод „обождем здѣсь до свѣта.“ На вопрос о значеніи этого слова Н. отвѣчал: „Се як вітром перейде під час исходу сонця, от сонце и обітріє.“

На это скажу: такого *украинскаго* закона, чтобы из *бв* перед гласною выходило *в*, как извѣстно, нѣт. Был нѣкогда общерусскій и общеславянскій, теперь нарушаемый в пользу этимологической ясности. О непозволительности форм, как *обвязати, обводити*, неможет быть рѣчи. Ф. *обітріє* из *обв*-, конечно возможна, но несмотря на объясненіе кобзаря она недает удовлетворительнаго смысла.

Обітріє = *обутрѣеть*, с *і* из *у*, как в *огірок, діброва*. Менѣе вѣроятно, что основная ф. есть *ютро* откуда *і* как в чеш. Ср. „щей сонце негаразд *обутріє*, кожне йде в степ.“ (из над Десны. Основа 1862, VI, 58). *Утро*, (кор. *вас*, откуда *овсень, усень*, лит. dėna *ausz-ta*, день разсвѣтает, *auszra*, денница) несовсѣм ясно относительно предполагае-

емой основной ф. (+аустара-, с суф. -тар, или аус-т-ра-с т вставным и суф. -р-, как лит. auszra, при чем в обоих свойство свистящаго зв. составляет вопрос) и условій исчезновенія *с* перед *т*; но кажется нѣт возраженій против сходства с латыш. *austras* восточный, др. вн. *ôstar*, adv. восточно (Fick; Mikl. Gr. II, 174; ср. устры ризы, ib. 85, Lex. s. v.) и само *утро* имѣет и знач. востока, как страны свѣта. Особенность значенія глагола средняго с *об-* и наличным подлежащим видна из сходных: совр. „мы обвечерѣем там-то," т. е. будем находиться вечером или вечер нас застанет, „обнимет" там-то (ср. обечеритисѧ, vespere deprehendi, Mikl. Lex); „и съступишася трижды и *омеркоша* бьющеся," П. С. Р. Л. I, 254, а также Mikl. Lex. s. v.; в том же см. *освьнѫти*, серб. осванути: jecи ли мирно освануо?, а о свѣтилѣ м. б. просто появиться, взойти рано: „освану звезда на ведром небу;" ср. без предлога „свенувъ же Авраамъ за утра," Быт. 19, 27, Горск и Невостр. Опис. С. б. Отд.1 14. Таким же образом „обутрѣвъ же Гедионъ за утра, Суд. 6, 37, Макар. Мин. I, 73; обутрѣвъ Ааронъ наутріа, Бусл. Хр. 165.

И так „сонце *обітріє*" можно объяснить так, как срб. „када сване (разсвѣтет, безлично) и огране сунце:" с. появится на востокѣ.

Кално-фойскій, фамилія южнорусскаго писателя XVII в., объясняется вліяніем извѣстнаго польскаго звукового явленія: wiejski (из wieśski), miejski (=+mieśćski), Zamojski (=+mośćski), однороднаго со случаями dojrzeć (=doźrzeć), skojca (*skoćca*, род. при skociec, мѣлкая монета), grójca (grodźca). Стало быть: +*Кально-хвостьскый*. Упомянутое стремленіе или еще несуществовало, или было весьма ограничено в XIV—XV вѣкѣ (Ср. Бод. де Курт. О древнем п. яз. § 26). До появленія его можно предполагать нѣчто напоминающее *щ* из *ш-ш*, *жджь* из *ж-ж* (ижденѫ и т. п.), стар. поль. ščedł (Bibl. Zof. zczedl, 16=съшьдлъ), ždžegł (Bibl. Zof. szdzegl, 69 = жжеглъ = съжьглъ) и вост.

мр. формы *крашчий* (= +краншний), *дужчий* (—+дужший), Зам. о мр. нар. 85. Именно, я думаю, что основныя сочетанія -ш(ь)ск- могли, по крайней мѣрѣ в нѣкоторых случаях, давать *-ц'к-*, через посредство *ś-ck-*, +*сцк-*. Что до перехода *с-с* в *сц*, то, кромѣ вышеприведеннаго, ср. мр. *сцати*, *сце* из *с-сати*, с-се (съсати). Затруднительно только объясненіе перехода +сц'к- в *ц'к-*. Предположеніем этой последней ф. можно объяснить русс. (Ип. л.) и мр. *лядьский*, которое вовсе не необходимо предполагает *ляда* (ср. Nehring. Ueber den namen für Polen u. Leohcn. Arch. f. Sl. Ph. III, 468), ибо могло возникнуть из +*ляцьский*, а это из *ляшьск-*, минуя предполагаемое нѣкоторыми +*ляд-*. Сюда же

Mazowiecki, при коем—Мазовецьский, Мазовешь (Ип. ł 185), *Mazówsze*. Мое предположеніе по поводу последняго слова, коего объясненіе мнѣ невстрѣчалось, находится в связи со слѣдующим:

Считается признанным, что нѣкоторыя из слав. *ѣ* = основ *a*, т. е. вѣроятно *ā*: *бѣлъ*, латыш. *bāls*, лит. *balu*, *balti*, Mikl. Altslov. Lautl.[3], 55; *мѣлъ*, creta, латыш. *māls* глина, лит. molis, id.; *мѣлъ* (ст. сл., мр.), *мѣлок*, кор. мар-, сродно с *мелю* и *мал*; *вѣко* глаза, скрини, лит. *woka*; *рѣпа*, лит. *rapė*, латин. *rapa*. Можно думать, что здѣсь *ѣ* из *ai* возникшаго на слав. почвѣ. Сюда присоединю:

Цѣвь. Вр. обл. *чивье* (Арх. „у палок чивья отламались," т. е. рукояти; „в чивьях копья поламались," Кир. П. IV. 11, 15) предполагает общерусс. *цѣвь*; но на начальное *ск* указывает *щевье:* „стрѣла (лети, оборотись) *щевеем* (стволом, древком) во древо, перо (стрѣлы) во птицу, а птица—в небо, клей во рыбу, а рыба в море, желѣзо—во свою матерь желѣзную" (Заговор на оружіе, Майков, Вр. заклин. N 331). Осн. тема +*скав-и*, кор. *ску*, который ср. с одной стороны со *ска*, *га*, *гај* в sko-wronek, вр. *ще-вро́нок*, *жа*-воронок, мр. жайворонок, и гайворон = срб. гавран, а с другой с скр. *ку* = *гу звучать*. *Цѣвь* (из +кави-, +кан-

ви-) могло значить *свирѣль*, затѣм — переход от цѣви, цѣвницы, как музыкальнаго инструмента, к знач. тонкаго ствола вообще (мр. цівка), стержня, древка, берцовой кости и пр., как в *пищаль*, поль. *piszczel*.

Миклошичь, Altsl. Lautl.[3] 288—9, обращает вниманіе на начальное слав. *сц* при *ц*. *Ц* частью предполагает *сц* (*цѣдити*, лит. skėdu, *skėsti*, разжижать; *цѣстити* purgare при *чист*, *чистити* и лит. skīstas, жидкій, чистый (о жидкости, в противоположность с *tirsztas*, густой = сл. *тълстъ*, *цѣпити* findere при *сцѣпити*), частью, повидимому — нѣт, как в *сцѣна* при *цѣна*, др. бактр. *kaêна*, strafe, лит. (по Микуц. в Шавель. у), *kaina*, *сцѣл* при *цѣл*, гот. *hails*.

Относительно *цѣна*: б. м. при объясненіи этимологіи этого слова нужно будет принять в разсчет особенность его значенія: мр. молоко хороше і в *ціні*" (харьк.), т. е. дешево, противоположно обычному „в *цѣнѣ*", т. е. дорого, „що-ж там на Дону коні *поцінно?*", Купала на Ивана, 16, = дешево; хорут. сеп дешево, серб. *цијене* дешево, сравнит. ст. *цјене*; в этом же смыслѣ вр. „нужда цѣны неждет" т. е. малой, низкой. По этому можно бы думать о окр. *канјаса* младшій, *кан*-ја-са мизинец, *кан*-ијанс, *кан-иштa*, меньшій, малѣйшій, при чем *ѣ* в слав. было бы из а, а *дорогъ* — *драгъ*, magni pretii, сближаемое с *държати*, могло бы быть сближено с +*дарhа*, *дългъ*. Ср. щедрующіе просят: „Дайте нам дохід *довгий*", хотя под этим, конечно, могут разумѣть и долгую колбасу.

Ст. сл. *сцѣлъ* при *цѣлъ*, хотя и неподтверждено достаточными примѣрами, дает одну из вѣроятностей, м. б. наибольшую, при объясненіи мр. *сцільник*, сот, „пастѣнок меду" (Павловскій, Малор. грам. 60): +*цѣльникъ*? В восточ. укр., именно у Квитки, изрѣдка встрѣчается *сц*. вм. ст. (госці = гості, гости), но мало вѣроятности, чтобы это спорадическое явленіе могло встрѣтиться в началѣ слова и стать в этом словѣ исключительным, так чтобы можно предположить ф. +*стельникъ* в см. насѣденія, пласта, или *стѣньникъ* (ср. выше „пастѣнокъ") с *л́* вм. *н'*, как мѣстами в вр. *священьник*, в мр. *мізильний* палець, Mikl. Altsl. L.[3] 58. На-

конец тоже сомнительно, что +*цѣл*—из +*скаил*—, +*скаир*= +*скâр*=кâр в лит. *kori-s* (+kárjas), com, латыш. во мн. ч. *kâri* id., гр. *κηρ-ίον* id., *κηρ-ός* воск, лат. *cēra* (Fick ³351), откуда б. м. *цѣрь*, сѣра.

Цѣста, platea, хорут. *césta*, ч. *cesta*. Человѣк рвет на ходу землю, а жук, неоставляющій слѣда „идет—земли недерет" (Сах. Ск. Р. Н. I, 2, 94). Вр. *цѣлик* есть не только земля нетронутая плугом или сохою, но и неѣзженная, нетореная, и в послѣднем смыслѣ—противоположность дороги. На оборот, нѣкоторыя названія дороги, тропы могут быть сближены со словами означающими рвать, бить и т. п. Вят. *космá*, колея на дорогѣ, ср. серб. *кас* рысь, *касати* бѣжать рысью, мр. *чесати*, *чухрати* бѣжать, лит. kasti рыть, *kasiti*, скребницею чистить коня, чесаться в головѣ, почесываться (мр. чухатись), царапать.

Срб. *прт*, ж.,-*ина* слѣд на снѣгу, ч. prť, слов. pyrť, у подгалян *perć*, мр. (галиц.) *перть*, лѣсная, горная тропа, ср. *прати*, conculcare, лит. *spirti*, между прочим, бить землю ногами, о конѣ. *Тропа* и серб. *трап*: „кола на широки, узани—,воз с широким, узким ходом, т. е. слѣдом; ср. вр. *тропать* топать, стучать ногами, тяжело ходить. Б. м. *дорога*, *драга*, via, vallis (серб.), vestigium (в. луж.), слово оставляемое без сближенія Миклошичем,—в связи с *дергать*—рвать, *дернуть*—, быстро побѣжать, а серб. *траг*, слѣд, с *тързати*. Согласно с этим в *цѣста* можно видѣть или к. *скид*, скр. *чhид*, лат. *scid* в scindo и пр., или *скад*, скр. *скhад*, оба почти одинаковаго значенія: ломать, колоть. Микл. Lex. к *цѣста* относит и *цѣшта*, ради, ссылаясь на аналогію с нѣм. wegen; но с этим несогласно серб. *цијећ*, цјећ, *ције* ради, в коем ћ указывает на *т*, а не на *ст*. Можно думать о *скаит*—в лит. *skaititi* считать, читать.

Если нѣкоторые слав. *ѣ* возникли (через *ai*) из основного ā, при том, судя по *бѣлъ* независимо от перехода j суффикса, что, кажется, нѣкоторые предполагают для *цѣлъ* (+калја); то a priori возможно, что при *ѣ*, может встрѣтиться этимологически равносильное ему *а*. *Мѣз* в *мѣзинъ*, мал, *мѣзиньць*,=лит. *maž-as*, мал. Почему хорут. *mazi-*

нес должно предполагать *ь* в *мьз* (Mikl. Altsl. L.[3] 58)? Допустивши, что *а* здѣсь основное, получим вѣроятность, что

Mazo-wsze=*Мазо-вьсье* (как wsze-=-все-)=Мало-весье. Если бы ненашлось историко-географическаго объясненія старинному употребленію этого имени во мн. ч. („do Mazowsz", Linde), то можно бы найти объясненіе в производных значеніях множественнаго числа, о чем при другом случаѣ.

Ви-ти, гнать, и *сродныя,* — по поводу замѣчанія Ак. И. И. Срезневскаго: „*подвойскій,* кажется, другого происхожденія", чѣм *войскій,* военный (Замѣчанія о книгѣ С. А. Гедеонова „Варяги и Русь", Отч. о 20-м присужд. наград гр. Уварова. Прил. к XXXIII т. З. А. Н. 681).

+*Вити,* +*вѣ-ѭ* в значеніи *гнать* предполагается, аналогично с *лити, лѣѭ,* на основаніи литовскаго *wéju, wīti,* гнать, преслѣдовать, серб. *нàвити, нàвиjем,* као накнадити, compensare, вознаградить (как рус. *нагонять* наверстывать), *дòвити се, дòвиjем се* чему, домислити се, догадаться (ср. *угонка* сметливость и др. аналогич. случаи) [1]), *вѝjати, виjам,* тјерати. В скр. *вӣ, вѐти,* ити, гнать, зенд. *vidîti,* гр. Fοι в οἴσω (см. Fick). Даничич, смѣшивающій ето *вӣ,* с *вити,* viere, относит сюда серб. *вила* (Korieni 207). Я думаю теперь, что это слово в серб. и вообще южнославянс. значеніи (не в руск. *вилá, юлá),* слѣдует отнести к *ви* гнать, п. ч. вила *сгоняетъ* облака (нисам вила" говорит дѣвица, „да збиjам облаке", н. п.), как и волкодлакъ (см. *влъкодлакъ,* Mikl. Lex.), или потому что она носится по воздуху (мр. „*ганяє*"; ср. лит. *wajoti,* herumjagen).

Думаю, что в нынѣщнем рус. (вр. и мр.) „солдатъ (москалів) *погнали* на войну" неслѣдует видѣть критическаго отношенія к явленію. Оно употребляется без мысли о принудительности и насиліи и в этом смыслѣ есть, кажется, остаток глубокой старины. Ср.

---

[1]) *Серб. довиjа,* монастырская кухня, и производныя — от греч. δοχεῖον, (странно)пріимница) Matzenauer 145.

Польс. *wić*, напр. *wići* wojenne na pospolite ruszenie", зн. соб. *погонъ* (повелѣніе, приглашеніе) *на войну*. Существующія объясненія смѣшивают с *wić*, гибкая вѣтка и пр. Бѣльскій: „listy królewskie na wojnę, że dawniej (будьто бы) do wići przywiązane były i na wićiach je noszono, wiciami dziś jeszcze zowią". Чацкій: wići były (?)ognie zapalone (маяки, фигуры) którémi uwiadamiali siebie naczelnicy o obrocie nieprzyjaciół, i te sznury, restes, w smole obwinięte mogły służyć za dawane znaki. Po obwieszczeniach na piśmie, to imię zostało jako pamiątka dawnego zwyczaju (Linde).

Гнати имѣло юридическое значеніе: ч. *pohnati*, *pohoniti*, *pohåněti* k soudu, ku pravu, na soud, do soudu, позывать, требовать к суду; *půhon*, *pohnaní*, obeslaní ku pravu, citatio in jus, accusatio (прямо судьею или через коморника или кмета); *pohončí*, *půhončí*, komorník, executor, qui discussam caussam executioni mandat (Jungm.). Предполагая подобное значеніе в *вити*, думаю что *вить* значило также приглашеніе к суду, а

Витьскый, возный, судебный пристав и т. п.; „присла король угорьскый *вицькаго*, река: „поими дщерь ми за сына своего Льва", Ип.' 185 (под 1250 г.).

Поль. *zawity rok*, послѣдній, конечный судебный срок, наступающій послѣ сообщенія сторонам всѣх трех витей, termin na którém strona pozwana koniecznie stanąć muśi: „wszak nie zawity rok, będzieć to jeszcze w czas", Rej; *zawicie* stanąć, bezodzownie, bez apelacyi; „на роцѣ [на] прѐдреченымъ сторонамъ въ Медыцѣ въ недѣлю на вутрей светого Луки ев. *завитѣ* и конецнѣ вложенымъ.. осудили есмы.. (Правая червонорус. гр. 1404, А. Ю. и З. Р. I, N. 9).

Повѣтъ, п. *powiat* (podział województwa w którem sądy ziemskie bywają) на основаніи *wić*, может объяснятъся не только как судебный, но и как военный уѣзд, округ.

+*Вой* как nom. actionis, могло имѣть значеніе как судебнаго так и военнаго „погнанья" (ч. *pohnaní*), но в п. *wojski*, можно предполагать лишь послѣднее (wojskich powinność by-

ła przestrzegać bezpieczeństwa w swoich ziemiach, skoro szlachta wyciągnie na pospolite ruszenie, Linde), а в *pod-wojski*, woźny miejski—лишь первое. Кажется подобное значеніе и в русс.: „под городом застрѣлиша Олдана подвойскаго“ Новг. I, 48, (под 1231 г.). Ср. *витьск*ый. Т. е. *подвойск*ый не предполагает значеній *вой, воинъ* (т. е. войинъ; у Микл. в кр. строкѣ *войнъ*) *войско, воювати* (в вр. п. „кто со мной (bis) на вой воевать идетъ, кто со мной?“), но принадлежит с ними к одному семейству. *Вой* как nom. agentis могло значить „погоня“, как древняя колядка идеализует войну в видѣ погони (Ант. и Дрог. Ист. п. I, 31 сл.) и. как в козацкія времени война с татарами преимущественно было погонею.

Мр. *личман*: „вони (діти, жінка) на сім світі такіж госьці (sic) як ти и усякий чоловік, чи царь, чи пан, чи архерей, чи салдат, чи *личман*“, Квітка; „перш жадала поповичів, далі опустила на писарів з ратуші, забажала послі вже й хлібороба, так ба! й *личман* недивитця“ id.=человѣк низшаго состоянія. Невидно связи с польк. *liczman*, счетная марка. Ср. Нѣм. abgaben dienste, robot (=роботу, панщину) *leisten* отбывать панщину и пр. Стало быть= *ist mann*? Относительно *st*, или б. м. *št*=*ч*, ср. мр. *квач*, помазокъ, преимущественно дегтярный, хорут. kvaš, вѣхоть соломы, нѣм. *quast*; при этом сближеніе *квачъ* с скр. *куçа*, трава вообще, в частности род травы из коей вьют веревки (Гильферд. в Матер. для сравн. слов. I. 317) излишне. Сюда ли отмѣченное у Даля нврс. *личман* старшій чабанъ, смотритель над овчарами, или, как думает Даль, к *личить*, н. ч. считает, повѣряет?

Вопрос о нѣмецких словах в малорусском распадается на два: а) о заимствованіях через польскій на пр. *бавовна* (bawełna, baumwolle) *бікус* (бигос, соб. соус, beguss), *бляха, броварь, вагі, вірша, галун* (квасц), *гаптувати, геть-*

ма́н, голдувати, груба, гунство („бранное на ребят слово: густве́ньска душа, собачья, Павл. Мр. грам.=hundsfott), *кга́нок*, у Павл. во мн. ч. *кганки*, крыльцо (gang), *кни́пець* (короткій нож у сапожников, kneif) *кніт, драбина, дя́кувати, дзиклик, жартувати, карбувати, кахля, коштувати, крам, кухоль, кушнір, купервас* (купорос), *ляда, лёх, лихтарь, любисток, малювати, мандрувати, міркувати* (mercken), *мож-джір-мущір* (mörser), *мордувати, муровати, мусити, на́бор-на́бір* (na-borg, borgen), *обце́ньки* (hufzange), *орчик*=ortscheit, паля (pfahl), *паля* (удар линейкой), *пано́вка* (pfanne), *паньчоха* (чулокъ, bundszuh), *парахвія, пліндровати, пляшка, прас* (утюгъ, Павловск. грам.), *ратувати, рахувати-рахуба, ри́марь, ри́нва, риштува́ння, саквы, смак, сма́лець, спи́ж* (бронза, glockenspeise), *спис, стельмах, стусан, ухналь*, большой гвоздь (hufnagel), *шинок, шкода, шляхъ, шмарувати, шорувати, шпарувати, шпикгувати* (spicken), *цямрина* и др.

а) О заимствованіях помимо польскаго языка. Тут возможны опять заимствованія через Словаков со стороны Угорщины, и заимствованія непосредственныя от Нѣмцев, селившихся на Руси изстари. Ср. в Ип. л., под 1259: „Данило..нача призывати (в Холм) прихожаѣ Нѣмцѣ и Русь“ (Ип. [1]196); под 1268: въ Володимери „Марколтъ.. Нѣмечинъ (=Нѣмьчинъ) зва къ собѣ всѣ князѣ на обѣдъ: Василка, Лва, Воишелка, и начаша обѣдати пити и веселитися“ (ib 204); под 1287: созва бояры Володимерьскыя... и мѣстичѣ Русціи и Нѣмцѣ“ (ib. 216), под 1288: по Володимерѣ Васильковичѣ плакали: „все множество Володимерцевъ, мужи, и жены и дѣти, Нѣмци и Сурожьцѣ, и Новгородци и Жидове плакахуся яко во взятье Іерусалиму, егда ведяхуть я во полонъ Вавилоньскый“ (ib. 220). Пока можно указать на нѣсколько слов, которых у Линде нѣт, хотя, конечно, нельзя ручаться, что они заимствованы именно непосредственно: *ба́рма*, пѣна на вскипяченом меду, вареньи, нѣм. barme (*bärme*) fet; пѣна всплывающая на верхъ и осадокъ (Grimm Wb.); *бендю́гй*, дроги, роспуски (bindwagen?), *рептух*, (reiftuch?); *рунду́к* (крыльцо, rün-

dung, от полукруглой формы); *швидко*, образованное, как *прудко*, *хутко*, от *g'schwind* (напрасно, думаю, Гейтлеръ, Rad. *XLIV*, 133, считая мр. слово туземным, сближает его с лит. *swẽdža*, *swẽsti*, хлестать); *линтварь*, овчина (linde waare?); *чмирь*, табачный сок в трубкѣ (schmiere, мазь, коломазь); *ширіtвас*, кадка, перерѣзъ (schrotfass).

Мр. *бéшкет*, слово на востокѣ обще извѣстное: „А що нам суча баба з серця утнеть який *бéшкет*, так і того треба боятись,“ Квітка; „розкажу тобі, який мени бешкет зробили у Безверхім хуторі,“ id. (именно „гарбуза піднесли,“ отказали); тiлько великим грішникам часто і даром проходить, а маленьким—такого завдають бéшкету, що і на старость буде в пáмъятку,“ Котлярев. В послѣднем значеніе неопредѣленно, в родѣ „задать жару, чосу и т. п., в 1-х—пакость, стыд. Линде поль. *biszkunt* объясняет: psi figiel, psota: „psich pełen biszkuntów, kradzieżą niewskórawszy, udał się do buntów" (XVIII вѣка). Это единственный приведенный у Л. примѣр; слово, значит, в польском весьма мало извѣстное. Невѣроятно, чтобы в мр. оно было заимствовано из поль., тѣм болѣе, что в послѣднем оно и в звуковом отношеніи кажется болѣе искаженным, чѣм в мр. Оно перешло или из др. верхне нѣм. в то время, когда в нем основное *ск* (*sk*) перед *i* еще неизмѣнилось в *ш* (*sch*), а т (t) еще неперешло в *z*, или — из одного из герм. нарѣчій и в болѣе позднее время сохранявших эти звуки. Ср. др. вн. *piscîzan*, срвн. *bescîzen*, агс. *bescîtan* (герм. ф. корня—*skit*, сканд. глаг. *skîta*, *skeit*), нов. вн. *bescheiszen*, а) concacare; б) inquinare; в) impudenter decipere; нов. вн. *beschiss*, fraus: list und beschiss; on hintergang, on allen beschiss, lug trug und b.; mit *beschiss*, dolose (Grimm Wb.). Замѣчательно, что в мр. сохранилось значеніе предполагаемое нѣмецким, именно пакости, дѣйствія постыднаго для того, кто ему подвергается (ср. русс.: „его в таком-то журналѣ, как водится, обо....“), между тѣм, как производнаго значенія (fraus) невидно. О первообразной формѣ (skid-) нѣмец. *bescheid* нельзя думать, по несходству значеній.

Мр. *не до шмиги*, синоним мр. не до діла, не до ума (индик спéчений не до ума), не до смаку, не до сóли: „що ни óзьме, до чого ні кинетця, усе не так, усе не до *шмиги*“, Квітка, неладно. В брусс. *недошмыги* (Слов. Носовича) вошло с тѣм же значеніем из мр., на что указывает *ы* из *и*. Собств. значеңіе: не по угольнику, стало быть не по мѣрѣ, неточно: поль. *szmiga*, нѣм. *schmiege*, węgielnica z bokami składanemi, dla naznaczenia różnej ukosności; ztąd „przyrznąć na szmigę, t. j. na ukos; robić co na węgielnicę i szmigę“ (Linde). Отлично от этого Поль. szmigać, ч. švihati.

Мр. *ченчиковáти*, *чимчиковати*, нти, плестись, брести. В звуковом отношеніи можно бы ср. *чéнчик* (=черничик; ср. мр. *чернéць*, род. *ченця́*, мн. *ченці́* (у Квитки и *чéнці*), но оставалось бы сомнительным объясненіе „брести, *какъ странствующій монах*, каких было много в XVI—XVII в.,“ если бы не слѣдующая аналогія: „Первые благочестивые царіе християнские пішо въ пустыню *драбантовали*“ т. е. шли. Іоанн из Вишни, в транскрипціи П. А. Кулиша, Исторія возсоединенія Руси I, 297.

— Мр. „*Вершля́г* хоч шклянку розбиває, Та штуку з криці вигинає,“ Гребенка,=так тяжкій млат, Дробя стекло, кует булат, Пушк.. Нѣм. *verschlag*-hammer—у мѣдников (die starken bläche dünn zu schlagen) и *vorschlag-hammer* des vorschlägers, у кузнецов. В словарѣ Л. нѣт.

—Мр. *хи́морода* и пр. Запорожец, показывавшій фокусы, „то він *хи́мородою хи́породив*. Сказано—каверзники.“ З. о Ю. Р. I, 79. Попытка объяснить это сл. в моем соч. „О нѣкоторых симв. Харьк. 1869, 35, сближеніем с зима, неудачна. Как и нѣкоторыя другія сл. названія знахарей и знахарства (хорут. *côprija*, *côprnik*, при др. вн. zoupar; мр. *характерник* при χαρακτήρ, п. ч. он защищает себя или других от пули, сабли и т. п. посредством амулетов, таинственных письмен и т. п.; ср. серб. (тур.) *амајлија*, Кар. Рјеч.; хорв. *grabancijaš*, см. Jagić, Volkssage von dem Gra-

bancijaš dijak Arch. f. sl. Ph. II, 437 сл.: словац. *bosorka*, вѣдьма и нѣкр. др.) это слово м. б. заимствовано. Именно в *хим-* может заключаться нѣм. *geheim* (как в *швидко*—g'schwind), а в *род*—нѣм. *rath*. В связи с этим может находиться вр. *химостать*, ворожить, кудесить; врать; м. б. и *схимистить* стянуть, украсть, предполагающія +*химость* в коем можно до болѣе удовлетворительнаго объясненія подозрѣвать нѣм. *geheime kunst*. Это послѣднее слово, извѣстное чуть ли не во всѣх слав. нар. кромѣ болг. и серб. (между прочим в мр. *куншт*, рисунок, гравюра, *кунштик*, id=kunst stück), могло зайти в русс.—в другой діалектической формѣ: *konst*, *chôst* (в Аппенцелѣ), *kûst*, *kust*; *kunst*, др. вн. *chunst*, собств. scientia, doctrina, disciplina, и само по себѣ, без эпитета, имѣло значеніе сокровеннаго знанія, волшебства, как и сред. внм. *künnen* („sie kan sô vil"=она знает, т. е. она вѣдьма, „вона не про́ста"): „mit künsten oder mit kräutern"—чарами: *kunstbuch* — чорная, волшебная книга, „das geheime künste lehrt" (Grimm, Wb.).

По поводу предположенія, что *хим-* из *g'heim-* (g'hîm-) ср. также вр. *шиматься*, таиться, скрытничать.

— Мр. *чаклувати*, колдовать; „де́-що мішати та варити на чаклуваньня" (Квитка) м. б. из +*шакл*овати (ср. прозвище *Шакл*овитый, думный дьяк, казненный при Петрѣ). Ср. связь между мороченьем, blendwerk, gauckelwerk, обманом, шутовством и колдовством, на пр. в серб. чаратан (Караdж. Рјечн.), чара*тан*ик, *чарла*тан (Jagić Arch. II, 454—5) *шарлатан*, и затѣм ср. нѣм. *schäck*er, der *schä*ckert, scherz treibt, schalk; einem etwas abschäckern," „einen mit etwas beschäckern"—betrügen. Далѣе отстоит по знач. *schächer* и *schäcker*, räuber, übelthäther, bösewicht, schelm, armer schelm.

О НѢКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ
ВЛІЯНІЯ НЕБНОСТИ НА СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Статья эта была окончена в Январѣ 1878 г. С сокращеніями она изложена профессором Ягичем в его Archiv für Slavische Philologie, III. Теперь в ней прибавлены лишь нѣкоторыя ссылки на сочиненія, которых я незнал при ея составленіи.

А. П.

Харьк. 21 Янв. 1879.

I.

1. s, *ц*, *с*. Ссылаясь на Mikl. O slov. s и пр. в Rad. J. Ak. IX; Leskien, Beitr. VII, 140; Mikl. Altsl. Lautl.[3] 251, 266—7, принимаю, что s (зѣло), отличное от *з* (земля), предполагается всѣми славянскими нарѣчіями и что случаи мнимаго удержанія гортанных (в русс. ногѣ, пеки, словац. nohe, Geitl. Fonol, 106—107; Mikl. Altsl. Lautl.[3], 240, 242, 257, новѣе их измѣненія (нoѕѣ, нoзѣ, пеци [1]).

Наиболѣе ясны условія возникновенія s, *ц*, *с* из *г*, *к*, *х*, перед *ѣ* и *и* из *ai*:

а) В падежах: нoѕѣ, боѕѣ, боѕѣхъ, боѕи, дроуѕии, дроуѕѣмъ = ржцѣ, вълцѣ, вълцѣхъ, вълци, ции, тацѣми= снъсѣ, доусѣ, доусѣхъ, доуси.

---

[1]) То, что до сих пор принадлежность на пр. всему древнерусскому языку форм, как *дрўзи*, *руцѣ*, признается не всѣми серіозными изслѣдователями, служит не столько упреком тѣм, которые доказывали это положеніе, сколько свидѣтельством о недостаточной принудительности доказательств, свойственных нынѣшнему языкознанію.

Аналогично с этимъ *зг* должно измѣниться въ *зs* (ср. поль. miazdze, drzazdze) откуда діалектическое *зд'* (д' небное), *зд*, а *ск* в *сц*, откуда діалект. *cm'* (т' небн.), *cm*.

б) В нарѣчіях: блаsѣ=льгъцѣ=тисѣ.

в) В повелит.: вьрsи, – sѣте=пеци,—цѣте=вьрси,—сѣте.

г) В корнях: sѣло, sѣница=цѣл, цѣна.

Твердое произношеніе, как поль. w bo*dz*e, предполагает болѣе небное, я думаю, без того шипящаго оттѣнка, который слышится в нѣкоторых польских говорах (dźiś и пр.), такое, как в юж. врусс. говорах (не только бѣлорусских) на пр. в *пайдзицє*. Для людей незнакомых непосредственно с этим произношеніем слѣдует замѣтить, что́ небные *дз'*, *ц'* вовсе не равны сочетаніям *д-з'*, *т-с'*. Эти послѣднія мы имѣем полную возможность произносить так, что их стихіи несливаются, стало быть, совершенно отлично от цѣльных *дз' ц'*: ювр. *дз*ѣло (=дѣло,) *цѣ*ло (=тѣло) даже по мѣсту произношенія совершенно отличны от *д-зѣ*, *т-сѣ*. Это не какая либо тонкость: это факт, доступный всякому внимательному русскому наблюдателю. Былобы поразительно услышать *на рѣтсѣ* v. *на рітсі* вмѣсто *на рѣцѣ*, *на ріці*. Тоже слѣдует сказать о различіи по мѣсту произношенія твердых сочетаній *д-з*, *т-с* и цѣльных, недѣлимых звуков *дз* (на пр. в діалект. мр. *дзелений*), *ц*; сочетаній *д-ж* (на пр. мр. рад-же=радъ же) т-ш (напр. в поль. *тш* из *trz*: trzeba), д-ж', т-ш' (с небными ж', ш) и цѣльных звуков *дж'*, *ч'*, *дж*, *ч*. Это распространяется и на тѣ случаи, когда звуки на пр. *ц*, *ч* несомнѣнно возникают из *т-с*, *т-ш*, на пр. в мр. *оцце́* из *от-се*, мр. поль. *орчик*, валек для пристяжной, из нѣм. *ortschît=ortscheit* (Linde, Matzenauer). Весьма распространенное, поддерживаемое и Славянами ученіе о *всегдашней* сложности *дз*, *дж*, *ч* и пр., если неошибаюсь, имѣет національную нѣмецкую подкладку. С русской точки произношеніе на пр. *метшу* вм. *мечу*, *мечю*, *вид-жу* вм. *виџу*, *виџю* (серб. џ) очень далеко от дѣйствительности.

В вышеупомянутых случаях возникновеніе s, *ц*, *с* вряд-

ли может быть названо йотацизмом, если под последним разумѣть участіе j (не миѳическаго, подобно жизненной силѣ или ѳлогистону, а дѣйствительнаго) в измѣненіи согласных, непосредственно к нему примыкающих. Приняв за исходную точку сочетанія глубоко-гортанных с *аі* (не аj), можно думать, что по мѣрѣ того, как *аі* в *гаи*, *каи*, *хаи* подвигалось по направленію к *ê* (переднему по отношенію к *е* в *же*на) и острому *і* (звукам опредѣленным близостью конца языка к зубам), гортанные *г*, *к*, *х* направлялись к той же точкѣ и дали наконец звуки д͡з' ц' с' произносимые при помощи конца языка и самой передней части неба, покрывающей корни передних зубов. Посредства *гj*, *кj*, *хj* могло вовсе небыть. Путь гортанных миновал также область произношенія задненебнаго j и шипящих.

[*Позднѣйшее примѣч.* Взгляд Миклошича на разсматриваемое явленіе виден из слѣдующаго: „*ки* переходит в *кjи*, *тjи*, *тси*, откуда *влътси*, то есть *влъци*; также измѣняется *ги* в *дjи*, *дзи*, откуда *бодзи* из *боги*; из *бодзи* позже *бози*. Измѣненіе „*х* (Микл. пишет *h*), состоит в том, что в силу слѣдующаго *и* (і) стѣсненное дыханіе („der aus der enge hervortretende luftstrom") направляется к зубам, а не к небу, откуда *грѣси* из *грѣхи*,“ Altslovenische Lautlehre³, 239.

„Измѣненія *к*, *г*, *х* происходят от того, что древ. слав. (asl.) в туземных словах незнает *к*¹, *г*¹, *х*¹ и что поэтому ему чужды сочетанія *ки*, *ги*, *хи*. Когда поэтому во мн. ч. склоненія -ъ (-а) *к* встрѣчается с *и*, то мѣсто произнесенія должно передвинуться от границы твердаго и мягкаго неба на перед, при чем образуется *т*, соединяющееся с паразитным j, которое переходит в з, откуда *ки*, *тjи*, *тзи*, *тси*, *ци* (раки, раци). Т. о. *ги*, *дjи*, *дзи*, *зи*. В других случаях паразитное j переходит в *ж*: *ки*, *тjи*, *тжи*, *тши*, *чи* (влаки—влачити); *ги*, *дjи*, *джи*, *жи* (убоги—убожити),“ ib. 256.

Мнѣ здѣсь неясно, слѣдует ли считать *ки*, *ги*, *хи* за ступени дѣйствительныя, или идеальныя, т. е. существовавшія лишь в мысли говоривших, как недостижимыя цѣли? В послѣднем случаѣ: гдѣ начинается дѣйствительное произношеніе? С *тjи*? или с *тзи*? или прямо с *тси*? Сколь-

ко ступеней пройдено мыслью, прежде чѣм появился звук? Если *ки* и пр. приняты за дѣйствительныя ступени, на что повидимому указывает мнѣніе что вр. *пеки* и пр. есть остаток старины (ib. 240), то вмѣстѣ с этим принята извѣстная степень небности гортанных, отсутствіе которой в началѣ должно было между тѣм служить объясненіем измѣненій этих гортанных в ц и пр.]

Случай *влъсвѣ, влъсви* своим *с* из *х* показывает, что вліяніе сочетаній *вѣ, ви* на предыдущую гортанную может быть таково же, как и вліяніе непосредственно слѣдующих *ѣ, и*. Были ли свойственны упомянутыя формы (*-свѣ, -сви*) и западным славянским нарѣчіям? Судя по аналогіи с нижеслѣдующим, нѣт.

Ц. сл. *ѕвѣзда* (Срезн. Пам. юс. письма 91, 121) нов. болг. *дзвезда*, русс. *звѣзда* и пр., но поль. *gwiazda*, полаб. *gjozda*, н. луж. *gwězda*, в. луж. чеш. *hwězda* из *gwězda*. В позднѣйшем періодѣ русс., поль. мы видим, что гортанная ставши небной уже неподлежит *дзетацизму*: б. русс. нагй (= nah'i), руки, поль. gier (gra), kieł, nogi, ręki. Можно думать, что переход в ѕ, *ц*, *с* есть слѣдствіе временной невозможности непосредственной палатализаціи гортанных. Согласно с этим в основ. слав. *гвѣзда* [1]) гортанная удерживалась лишь до тѣх пор, пока *в* было твердо. За тѣм в одной половинѣ *в* достигло той степени небности, при которой предыдущее *г* тоже стало небным, откуда *г'вѣзда*; в другой *в* смягчалось лишь до степени превращенія предыдущаго *г* в ѕ.

Другіе извѣстные случаи этого рода: *звиздати* хорут. *zvizdati*, русс. обл. *звизнуть*, свиснуть, т. е. сильно ударить, *звѣздануть*, id. (м. б. по ошибочной этимологіи от *звѣзда*, ударить так, чтобы в глазах зазвѣздило), поль. *gwizdać*, в. л. *hvizdać*, ч. *hvizdati*. При *свист-* слѣдовало бы ожидать западно славянской ф. *х'вист-*, однако есть н. луж. *śẃicaś*.

---

[1]) Первое лит. ž, лат. z в žwaigzdė, zwaigzne образовалось независимо от слав.

Цвисти, цвѣтъ при поль. *kwitnąć, kwiat*, полаб. *kjot* и пр. Русскія формы с *к* легко могут быть заимствованы из польскаго: они нигдѣ неустраняют форм с *ц*, свойственны южным и западным областям и самим значеніем указывают повидимому на заимствованіе: мр. *квітка*, преимущественно искусственный цвѣток, украшеніе на шапкѣ молодого и т. п. Форма с т, на пр. в ситском говорѣ *твѣт*, и с *с* (*свѣток* ib., ср. Два изсл. о звук. Р. яз. 86; *твѣток, твяток* и в кур. губ.) по видимому предполагают *ц*.

Цвѣлѣти, цвѣлити, в серб. болг. *ц*, в русс. ст. *цвѣлити* (Сл. о полку Иг., Ипат. лѣт.[1], 201), русс. обл. *твелѣти* (Погаръ, Черниг. г.) б. м. из *твилѣти, цвилѣти*. Впрочем относительно врусс. *квéлить* (квѣлить?), доводить до слез, дразнить, замѣченнаго во многих врусс. губерніях от орловской до архангельской, а равно относительно *квелый, квелкій* пискливый, чувствительный, слабый, вряд ли можно сомнѣваться, что это не заимствованія. Ср. в Палеѣ 1494, непредставляющей слѣдов западно-славянских говоров: „како ударю в' подружье мечем и росквелю дѣти мои?“ (Пам. стар. русс. литер. III, 56). Старинная форма с *к* могла здѣсь удержаться и вопреки стремленію, сказавшемуся в *звѣзда*, быть может, под вліяніем старанія сохранить звукоподражательность слова? Ср. на пр. в витеб. г. *хвисток* свирѣль (Этн. сб. II). Мнѣ кажется, что подобнаго рода отклоненія от общих звуковых правил возможны во всѣ періоды языка. Ср. на пр. русс. *гаркать, каркать* вопреки правилу, что *ар* между согласными даст или ър, ьр (=ор, ер) или *оро, ере*.

Отличны от разсмотрѣнных условія образованія ѕ, *ц*, *с* в глаголах *-а-ти* и именах ж. р. на *-а*.

Глаголы, образованные как *подвиѕати, нарицати, насмисатисѧ*, имѣющіеся в ц-слав., серб., хорут., с большою вѣроятностью могут быть предположены и для древняго періода остальных слав. нарѣчій. Они есть в стар. русских памятниках. При том сходство их с литов. *bėgioju, bėgioti* (т. е. бѣгёю, без j, ср. Микуцкій, Варш. Унив. Изв. 1874, Наблюд. и выводы 23) слишком велико для того, чтобы

счесть их рѣшительно явленіем только діялектическим. Діялектичны только ф. с *ст* из *ск* (*блистати, ристати*) в коих *-ста-*, равно как и *-са-* в *насмисатисѧ* должно было произноситься отлично от твердаго *стати, сад.* Глаголы эти лишь по степени длительности сходны с гл. измѣняющими конечную зубную корня в *жд, шт* и пр. (враштати), но в звуковом отношеніи образованіе их неодинаково (ср. против этого Geitl. Fonol. § 127, 2; 128 3), ибо гл. как *врашта-* предполагают характер *и* (врати-), а глаголы как *-сѫѕа-* непосредственно примыкают к болѣе первообразным безхарактерным формам (сѫг- в -сѫшти). Если для *-сѫѕа-* нужно предположить, в отличіе от случаев *ноѕѣ* и пр., цоту (-сѫг-ja-), то этот звук был передненебный, близкій к *и, ѣ* в *боѕи, боѕѣ* отличный от задненебнаго j во *враштати* и пр.

Такое же *j*, измѣняющее *г, к* в ѕ, ц, и отличное от j, измѣняющаго *г, к, х* в *ж, ч, ш* (вельможа), находим в именах:

Стьѕа, стьѕи, род. -ѕѧ (на пр. Срезн. П. юс. п. 121); поль. *ż* в *ścieżka* ср. с *ż* из *dz*, происшедшим в силу новаго смягченія, на пр. в *xiężyc* при *xiądz, pieniążek* при *pieniądz*; в русс. при *стезя* — областн. *стегá* (кур. пск.), *сцягá* (витеб.), *зга* (через +*здьга*, +*здга*): зап. русс. „того слѣпый плачет, что стеги (ср. „и зги,“ „ни зги“) невидит“ (Микуцкій).

Польѕа (полѕи, Срезн. П. юс. п. 113), русс. обл. *польга*, мр. *пільга.*

Сльѕа (Срезн. ib. 96), поль. *łza* из *słza, słdza*, полаб. *slădza*, болг. *сълдза*, кор. *сарг-*, как и для *селех* (т. е. *селег*), *селезень* (К ист. зв. 167); *г* в хорут. *sraga*, stilla.

Поль. *jędza*: русс. *яга-баба=стьѕа*: *стьга.* Я думаю теперь, в отличіе от прежняго (О мифич. знач. нѣкотор. обрядов 91), что это *jędza* лучше объяснить сближеніем с литов. *angis*, слав. ѫжь (=змѣй-баба, Афанасьев, Поэт. воззр. III, 588), при чем ѕ из *г*, а чеш. *d* (*Jedu-baba* при Jezinka) остается неясным, как и русс. *д* в *глод* при ст. сл., серб. поль. *глог*, crataegus.

При *стьѕа* находится странная хорут. ф. *stezda*, сходная с хорут. *žlězda*, серб. *жлиjезда*. Миклошичь считает *d* вставным, как в *mezdra*, *d-jama* (Vergl. Gram. I, 254), но случаи эти несходны. Как ниже я пытаюсь объяснить ст. сл., болг. *жд* из *дж͡дж͡*, так здѣсь можно бы предположить +*стьѕѕа*, +*жлѣѕѕа*, т. е. *дз͡дз͡а*. Возраженія против этого никак недолжны опираться на предполагаемую невозможность произнести двойное ѕ перед гласною. Я думаю, что иностранцу может показаться невозможным („laut physiologisch unmöglich") восточно-малорусс. двойное ж, j: збіж'жя, війя' (vijja = oje, дышло). Принимая ф. +жлѣѕа (= желѣза) нужно предположить, что и поль. *zołzą* из *зълѕа*.

Звуку ѕ в *стьѕа* соотвѣтствует *ц* в суф. *-ица* и в *лице* и т. п.

Имена на ѧѕь (при коих ѧгъ, Mikl. V. Gr. II, 317), *-ѧць*, *-ьць* имѣют то общее с именами, как *стьѕа*, что ѕ, *ц*, в них, в отличіе от случаев, как *ноѕѣ*, *ржцѣ*, измѣняет слѣдующее *ѣ* в *и*: мѣстн. *кънѧѕи*, *-ѕихъ*, *отьци*, *-цихъ*, *лици*, *-цихъ*. Это указывает на присутствіе в формѣ предполагаемой данною -ѧѕь и пр. вышеупомянутаго преднебнаго j.

Несомнѣнное позднѣйшее отвердѣніе ѕ в *xiądz* и предполагаемое с большой достовѣрностью в *сльѕа* дают нѣкоторое основаніе отнести к случаям с основным ѕ и ст. сл. *тризъ* (+триѕь?)=лит. treigis: „възьми ми юницу тризу и козу тризу и овьнъ триз," atwesk man treigę karwę ir treigę ożką ir treigę awyną, Бытія 15, 9. Кажется менѣе удовлетворительным мнѣніе, что *тризъ*, *treigis*—сокращенія из *тризимъ*, как *bimus*, *trimus* — из *bihimus* (Mikl. Gr. II, 49). Хотя на сильныя сокращенія (в родѣ врусс. *-съ* в *да-съ* из *су*, *сýдарь*, *осударь*) и нѣт правила, но они могут быть принимаемы лишь на основаніи не предполагаемых, а данных посредствующих форм. При том для литовскаго в этом случаѣ нужно бы предположить, кромѣ формы с *ż*=слав. з (żėma=зима), еще ф. с *г* (trei*g*is).

Неостанавливаясь здѣсь на разсмотрѣніи болѣе трудных случаев ст. сл. ѕ, неподтверждаемаго польским (ѕвѣрь)

и соотвѣтствующаго литовскому *ż*, а равно и случаев діялектическаго (поль., мр. серб.) *дз* из *з*, прибавлю еще одно замѣчаніе к вопросу, о коем Jagić, Stud. üb. Zogr. ev. Arch. II, 222, слѣд.

С точки зрѣнія языка, в коем сочетанія *ѕѣ, цѣ, сѣ* и *ѕи, ци, си* (из гортанных) чувствовались, как небные самаго передняго порядка, нужно предположить, что и согл. д, т, з, с, б, п, в, м, р, л, входя в такія же сочетанія (гра*ди*, гра*дѣ* и пр.) тоже становились переднебными, стало быть измѣнялись существенно, хотя и не настолько, чтобы это могло отразиться на практическом правописаніи. Поэтому можно принять не менѣе трех оттѣнков этих звуков: а) *да* и пр. (конец языка и низ передних зубов); б) *дѣ, ди* (конец языка и основаніе верхних передних зубов, или самая передняя часть неба); в) *де*, о чем — ниже. Глаголам с корнем на гортанную и с измѣненіем ея в ѕ, *ц, с*, (—двиѕати) соотвѣтствуют в кругу глаг. с корнями на другую согласную такіе, в коих эта согласная неподвергается видимым измѣненіям (заплѣтати). Небыло ли тонкаго различія между таким *да, та* и совершенно твердым?

II.

ж, ч, ш, соотвѣтствующіе зубным в сочетаніях де и пр.

Гортанные измѣняются в *ж, ч, ш*, во 1-х, при тѣх условіях, при коих д, т, з, ц, с, б, п, в, м, н, р, л остаются на письмѣ в ст. сл. неизмѣнными, т. е. измѣняются лишь слабо (ср. *боже, можеши* с *брате, ведеши*); во 2-х, при условіях, при коих *д, т* и пр. измѣняются по правилу в ст. сл. в жд, шт, ж, ч, ш, бл̑, и пр , н̑, р̑, л̑: *движеши*, но *страждеши*. Здѣсь рѣчь только об измѣненіях в шипящіе перваго рода. Из того, что мы незамѣчаем разницы в произношеніи между *ж* в *можеши* и *движеши*, конечно послѣдует, что ея никогда и небыло.

Болѣе замѣтные относящіеся сюда случаи слѣдующіе:

1. Перед *е*:

а) зват. боже, иноче, душе, вълшве, кънѧже, отьче при роде, горазде, брате, крьсте, съпасе, рабе и пр.

б) очеее, ижеое (иго), ушесе при чудесе, небеое.

в) В глаг. с характером=основн. *а* в темѣ настояща-го вържеши, печеши, вършеши при веде-, плете-, грызе-, пасе-, гребе-, пьне-, бере-.

г) В корнях: жена, чело, шесть при *де*бел и пр.

2. Перед плавными в словах, соотвѣтствующих русс. полногласным: жлѣбъ—желоб, шлѣмъ—шелом, чрѣпъ—череп и пр.

3. Перед *ь*: а) внутри слов: в корнях перед плавными (жьлтъ, чьрнъ, шьрсть) и другими согласными (жьдати, шьдъ, чьнж) и суфиксах: *-ьск* (божьскъ и пр., кънажьскъ, отьчьскъ, но господьскъ и пр.), *-ьн* (влажьнъ и пр., княжьна, дьньшьнь (дьньсь), но плодьнъ и пр.), *-ьда*, *-ьба*, *-ьство*; б) на концѣ: *ръжь*, лъжь и пр., но ядь, кость, рьль, рѣнь, голжбь и пр.

4. Перед ѧ в корнях (жѧти, чѧдо, но дѧтьлъ, сѧдж) и суф. (идошѧ, но нѣсѧ; мѣсѧць; отрочѧ, кънѧжѧ, но русс. *потя́*).

5. Перед *и* а) в корнях (жити, чити, но дивъ, зима, сила и пр.) и суф. *-ие*, *-ин*, *-ит-* (Грьчинъ; но людинъ, русинъ, от рус-, а не от русь;—очитъ но мастить), *-имъ* (отьчимъ), *и-ти* (тжжити, точити, вършити, кънѧжити, коньчити, но водити, платити, возити, носити).

6. Перед *а*, стоящим на мѣстѣ этимологически—требуемаго ai:

а) В корнях: *жалѣти*, лит. gailéti, нарѣч. *жаль*, лит. gailu.

Чары (=+каир-), лит. *kéréti*, *kirti*, чаровать.

Часъ (=+каис-), зенд. т-каеша, herkommen, übung der gesetzlichen vorschriften, *abschnitt*, vers, paragraff (Fick Wb.[1], 46), согласно с чѣм *часъ* значило бы zeit-abschnitt. Если же *ча-съ* (Mikl. Gr. II, 318), то—к *чаяти*, как *годъ*, *время* при *жьдати*, или, что кажется лучше непосредственно к *кѝ* лежать, аналогично с *чи:нъ* ряд (соб. положенное), момент: *не въ чинъ*, не в пору (Mikl. Lex.), *о тъ чинъ* (Нестор, Влад. Моном.)—в тот час, в ту пору.

Чаеши (=+каі-ја-си), кор. кй (по-чити), так что здѣсь надѣяться=полагаться на что.

Русс. *Ча-х-нуть*, сохнуть, *чахлина*, сухія дрова, скр. çjâjate, brennen, frieren, гот. hai-s fackel, кор. *кй*. (Fick. Wb.[1], 43, б. м. ошибочно относит сюда *сияти*, отдѣляя это от *синь*, *сивъ* (ib. 47).

Жасъ, мр. *жах*=литов. gaisas, ночное зарево, сѣверное сіяніе (как внушающее ужас), подобно тому, как, согласно с русскими лѣтописными и нынѣшними свидѣтельствами об ужасѣ, возбуждаемом сѣверным сіяніем и т. п., это явленіе в врусс. (сѣв.) называется *спо́лохи*, мн., и б. м. подобно хорут. *burjava*, сѣв. сіяніе, при чеш. *buriti*, поль. *burzyć* в зн. возмущать. Что до объясненія *жасъ* из *гад-с* (лит. *gandu*, *gąstu*, *gąsti* пугаться) через *га̄дс*, *га̄с*, *гѣс* (Geitl. Fonol. 101), или через *генс*, (геис), *гѣс*, то замѣчу только, что литов. *gand* — находит полное соотвѣтствіе в врусс. *жуда́* ужас, *жудко* (ошибочно пишут *жутко*, согласно с приложеніем), гдѣ необычно только у=ж послѣ шипящей (ср. ждоу, +пажкъ при правильном пажкъ = русс. паук, павук). Для перехода доисторич. слав. *ен*, которое само по себѣ сомнительно, в *ѣ* (Schmidt, Zur Gesch. des ind. vocal. I, 85—7) я немог усмотрѣть ни одного убѣдительнаго для себя примѣра, что, конечно, важно лишь для меня. Предположеніе для древне-славянскаго яз. сочетаній гортанных с *ѣ* (+гѣс-) считаю невозможным, точно так, как и встрѣчаемое на письмѣ в позднѣйших яз. сочетаніе шипящих с *ѣ*. Согласно с этим, предполагая для *жаба* форму до слав. *гаиб-* (из *габh*, а не из *гамбh* из коего вышло бы *гжба* или +*жжба*), я недумаю, чтобы выраженія „*жаба* kann mit ǧabh nur durch *жѣба* vermittelt verden“ (Mikl. Gr. II, 15), или „*жаба* weist auf *гѣба*“ были вѣрны.

б) В суфиксах внутри слова (но не на концѣ, гдѣ в этих случаях падежное *ѣ*=*и*): гърчай но хоудѣй; пржжаль, печаль, пишталь, но кждѣль; бѣжати, но хотѣти, оубожати, но хладѣти.

Какого рода шипящіе (то есть =*можеши* или =*движеши*) перед *а*=я (не=ѣ), как в суф. *-арь* (гърньчарь),

-атъ (кольчатъ), *-анъ* (снѣжанъ) и перед у (жупа, чути, шумъ, отьчухъ), это мнѣ несовсѣм ясно. Перед *у* скорѣе =движеши, т. е. с j измѣняющим *д* в *жд* и пр.

III.

Сопоставленіе ѕ, *ц*, *с* и *ж*, *ч*, *ш* дает повод к слѣдующим вопросам и замѣчаніям.

1. Против мнѣнія, что ѕ, *ц*, *с* и *ж*, *ч*, *ш*, будучи измѣненіями основных *г*, *к*, *х*, происшедшими при различных условіях, соотвѣтствуют друг другу, можно привести слѣдующее мнѣніе Гейтлера: „Перед *ѣ*, которое первоначально есть двоегласная, *с* никогда неизмѣняется в *х*; слѣдует оставить взгляд, будьто бы *с* в *тисѣ* возникло из *х*: *с* есть звук исторически предшествующій звуку *х*, который никогда неизмѣняется в *с*“. „Напрасен вопрос, чтобы могло развиться из основнаго *хаі*: мы этого незнаем, потому что *хаі* никогда невозникало. Между тѣм перед *ѣ*, возникшим из *ā*, могло нѣкогда развиться *х*, потом перешедшее в *ш*: *лишай* impetigo произвожу от *лих* в смыслѣ „liché plané místo“ посредством суффикса *ѣи*: *лихѣи*.... Как *глухъ* относится к *глуси*, так *влъхвъ* к *влъсви*; как *пастухъ*—к *пастуше*, так *влъхвъ* к *влъшве*: *в* неостановило перехода *х* в *ш* перед мягким *е*. Еслибы *куповасте* (при *куповахъ*) возникло из *куповахте*, как это думают, то было бы *куповаште* (как връшти из връхти),“ Fonol. § 153. Это мнѣніе, уничтожающее параллелизм между ѕ, *ц*, *с* и *ж*, *ч*, *ш* по отношенію к *г*, *к*, *х*, предполагает, что, всѣ *х* возникли из *с* на почвѣ славянской и „нѣт *славянскаго х*, которое бы навѣрное возводилось к основному *к*“ (ib. § 150, стр. 116). Под славянским *х* здѣсь разумѣется общеславянское: автор неотрицает существованія діялектическаго измѣненія *к* в *х* (ib. стр. 117). Это послѣднее измѣненіе весьма обыкновенно в разных нарѣчіях и в предѣлах одного и того же, так что нерѣдко невозможно сказать, что *к* принадлежит такому то нарѣчію, а *х* другому; ср. на пр. серб. *клашње* и галиц. *холошні*, вр. *колоша*, штанина; *каяти*, vituperare и *хаять*, каять; *кал* и серб. *хала*, sordes; *клюд* (клюжій, уклюжій)

и *злюд* (нехлюд), то и другое в предѣхах русс. яз.; *kibić* и *chybić* сущ. ж., *kibitny* и *chybitny*; поль. *х* из *к* здѣсь непосредственно, по крайней мѣрѣ без посредства какого либо свистящаго или шипящаго звука. Подобное происхожденіе слѣдует принять и для части общеславянских *х*. Этот вопрос требует подробнаго изслѣдованія. Приведу лишь немногіе примѣры:

Лих, оставшійся, излишній, нечетный и пр. может быть, как это и дѣлается, отнесено лишь к одному семейству с скр. *рич*, *ринакти*, λείπω, linquo, лит. *lékmi*, *likti*. Между прочим общеслав. *лих*, *лихо* нечетное число [ст. сл. токъмоѥ и лихоѥ, серб. тако или лихо, поль. cetno-licho, чеш. suda, sudo (=скр. сандhа—соединеніе) neb lich (=čili licho), мр. *чіт чи лишка*] = литов. lyg' ar *lék*.

Русс. *про-рѣха*, *прорѣх*, прорѣзанное, пропоротое, прорванное мѣсто в платьѣ, вед. pêkhâ и пр. (Fick Wb.[1], 168), литов. *rëkiu*, —*kt*.

Соха, столб или бревно, шест съ развилиной = лит. *szaka*, вѣтвь, развилина оленьих рогов (русс. *сохатый*, лось) и пр., б. м. к *сак* рѣзать, куда и *соха*, земледѣльческое орудіе, через посредство значенія вѣтви, развилины, или, что менѣе вѣроятно, непосредственно. Ср. Fick. Wb. *sak*, schneiden. Иначе Mikl. Alstl. Lautl.[3], 263.

Отложивши вопросы, каково именно было основное *к*, от коего — этого рода славянское *х*, — можно сказать: если *х* в *лих* предполагает одновременный гортанный звук (все равно *к* или *kh*, *кх*), а не свистящій, как в *сух*= sausas, то лишь из *х* можетъ быть выведено не толко *ш* в *лишити*, но и *с* в *лиси*, *лисѣ*. Этим увеличивается вѣроятность того, что и *с* в *сусѣ*, *суси* то же из *х*, а не сохранившееся первоначальное *с*.

Невидно основанія утвержденію Гейтлера, что сочетанія *хаі* в славянском никогда небывало. Напротив, в виду литовских форм с *ai*, *oj*, можно думать, что *и* в им. мн. вълци (лит. wilkai) и *ѣ* в дат. ед. ржцѣ (лит. rankai) и мѣстн. ед. ж. (лит. rankoje), в нарѣчіях на -*ѣ* (лит. -ai), образовалось в славянском независимо от литовскаго. С вѣ-

роятностью можно думать, что и *ѣ* в мѣстном ед. м. р. вълцѣ (греч. οι в οἴκοι) и мн. вълцѣхъ (греч. -οις) образовалось на славянской почвѣ. В сочетаніи +*хаі*, все равно, возникло ли в нем *х* из *к* (лисѣ) или из *с* (сусѣ), твердое *х* могло стоять с таким же правом, с каким оно стоит перед твердыми гласными в *лих*, *сух*, формах общеслав. и в формах діалектических с *х* из *с*, как вр. мр. колыхать,—ти (п. kołysać), мр. прохати, волохатий, пелехатий (пелес), жах и др. [1]). Из этого -*хаі* при стяженіи *аі* в *ѣ* возникло передненебное *с*, соотвѣтствующее s, *ц* и отличное от с= лит. *с* (сух—sausas) и =лит. *sz* (соха=szaka). Что же до *с* в *куповасте*, то оно дѣйствительно могло непереходить через *х*, так как, сколько знаю, нѣт древних примѣров сочетанія *х* с послѣдующим *т* твердым, а тѣм болѣе с -*те*. Слѣдует ли тоже сказать и о серб. -*смо*=-*хомъ*?

2. Ряды s, *ц*, *с* и *ж*, *ч*, *ш* (из *г*, *к*, *х*) невполнѣ аналогичны, т. к. звуку s=*дз* должно бы соотвѣтствовать не *ж*, а *дж*. Этот послѣдній звук можно предположить лишь весьма гадательно, ибо на серб. *джаснутисе*, на темное *джебрак* (поль. чеш. żebrak, н. луж. żebrić=поль. żebrać), на болг. *джелѣзо*, мр. обл. *джерело*, *джук*, *джаворонок*, поль. dżgać, жигать, колоть, можно смотрѣть, как на явленія позднѣйшія, предполагающія чистое длительное (spirans) *ж*, как в серб. *джак*=нѣм. sak, как в мр. обл. *дзелений* при *зелен* (с з=лит. ż), в поль. *bardzo* вм. стар. barzo (Malinowski, Modlitwy Wacława, § 78). Во всяком случаѣ, если *дж* и было когда либо в *боже* и т. п., то оно потеряло свой одновременный элемент гораздо раньше, чѣм s, измѣнившееся в *з* лишь в части нарѣчій, независимо друг от друга.

Отношеніе *ч* из *к* и *ж* из *г* слѣдует тому закону, по которому в русс. чеш. хорут. из отзвучной зубной тј выходит *ч*, *ц*, отзвучная одновременная (русс. свѣча), а из

---

[1]) Гейтлер думает иначе: „zakon měnění *s* v *ch* ne pouze vznikl, ale i skonal než vznikla nařečí (Fonol. § 150). Против этого I. Jireček, Rozprawy, 66,

звучной дj—длительная (spirans): межа, meze, meja. Другими словами: при извѣстных условіях, языкъ легче освобождается от звучных элементов в *дж*, s, чѣм от отзвучных в *ч*, *ц*. Эти условія требуют болѣе точнаго опредѣленія сравнительно с тѣми, при которых такой разницы между звучными и отзвучными незамѣчается (латыш. *аужу*, *пушу* при литов. *ауджю*, *пучю*, франц. chien, jardin, при болѣе древнем *ч*, *дж*) или замѣчаются обратныя явленія: превращеніе отзвучных в длительные при удержаніи звучных на степени одновременности: κρείσσων но ὄζω, στίζω.

3. С бóльшею увѣренностью, чѣм относительно *г*, можно думать, что измѣненіе *х* в *ш*, *с* произошло без посредства такой ступени, как +*дж* по отношенію к *ж*. *X* во время этих превращеній было spirans tenuis и вовсе незаключало в себѣ того эксплозивнаго элемента, какой позже развился в в. луж. *kh* из *х*, а частью из *к*. Соотвѣтственной этому общеславянскому *х* spirans media *h* вовсе небывало. Если бы она существовала, то в условіях образца *богѣ*, *боже* измѣнилась бы в *з*, *ж*. Если в польском в словах заимствованных из южн. и зап. русс. (Sapieha=Сопѣhа, Сапѣhа, с а из *о* неударяемаго) *h* перед *ѣ* дает *ж* (Sapieże), а не *з*, то это—явленіе относительно позднее, как и однородныя с ним поль. skrusze, pysze, w Polszcze (вм. -сѣ, -сцѣ), чеш. dště, vojště, češti (из *šče*, *-šči* вм. -сцѣ -сци) и стар. зап. русс. у Витьбще, у Смоленьще (Грамота Рижан к Витеб. князю, Срезн. Пам. русс. письма 240; Русс.-лив. акты № 49, около 1300 г.).

4. *К вопросу о способѣ происхожденія* s, *ц*, *с*, и *соотвѣтствующих им ж*, *ч*, *ш*. Мнѣ кажется, что принятый в Ц. сл. письменности способ выражать небность согласных (ь, ѧ и явно йотированныя ꙗ, ю, ѩ, ѭ) не в мѣру повліял на объясненіе относящихся сюда явленій. Людей, непосредственно знакомых на пр. с русским или польским произношеніем „голу*бя*“, „gołębia“ несбивает начертаніе *бꙗ*=*бя*=*bia*, пока рѣч идет о знакомых им случаях. По крайней мѣрѣ я могу сослаться на свои слова, что=*і* в ꙗ, ю,—не самостоятельный звук, а небность предыдущей сог-

ласной (Замѣтки о мрусс. нар. 9—10), хотя и сам, употребляя недостаточно ясное выраженіе „мягкія гласныя“ (Два изсл. 68), мог дать повод думать, что говорится не о гласных, обусловленных предыдущими небными согласными, а о гласных именно йотированных [1]). Для иностранцевъ латинская транскрипція *golubja*, недѣлающая разницы между *бя*, *бья* (b' небное+ja), *бъя* (b твердое+ja), или влечет за собою прямо ошибочныя заключенія, или дает одностороннее рѣшеніе там, гдѣ требуются еще предварительныя изслѣдованія. На пр. изслѣдователь, изобразивши *ишють* в видѣ *jašjut*ɪ и имѣя за тѣм дѣло лишь с этим послѣдним, говорит о вліяніи „des parasitischen j на слѣдующую гласную (чеш. ješitný) (Beitr. VI, 139), тогда как еще вопрос—существовала ли форма *яшјуть* со звуком j и неизображало ли *шю*, как я в этом увѣрен, слога из недѣлимой небной шипящей со слѣдующею гласною? Или: „Das griechische ῥεῦμα wird abulg. *rjuma* (NB в памятн. XV в. *рюма*, в болѣе древнем *роума*). Damit ist der weg gewiesen, wo wir den diphtong *eu* im slavischen zu suchen haben“, именно между прочим в *ljubŭ*, *ljudije bljudą*.... „Der diphtong *eu* ist *also* im slavischen wie im nordischen auf seinem zweiten elemente betont gewesen. Dadurch sank das erste zu *i* und weiter... zu j^{a} (Zeitschr. XXIII, 348—9). Стало быть +*леўб*, +*льуб*, *лјуб*. Я недумаю здѣсь доказывать, что дифтонга *еу* (eu) в слав. языкѣ вовсе небыло. Может быть он и был, но пусть средством вывести его на свѣт неслужит начертаніе *ljub* (с ł или с l?) весьма далекое от дѣйствительнаго произношенія *люб*. Сперва нужно доказать что это *люб* (*л* небное+*у*) возникло из лју, т. е. по русскому написанію, *лйю*. Покамѣсть я

---

[1]) О том, что в литов. написаніе *turiu*, *busiu* означает лишь tur'u=турю, bušu=буcю см. И. Юшкевич, О говорах лит. яз. Матеріялы для слов. и грам. V, 419, Ср. Kursch. Gr. der Lit. spr. § 38 сл. Необходимо отличать *рійкю*, рѣжу, *кяпуры кяпуре* шапка и т. п. от случаев присутствія j: *пьяуну* (Лат. пляуну), *апьимты* (ap'jimti) обнять, *апьемимас*, объем.

считаю себя в правѣ думать, что во множествѣ случаев переход слогов твердых в мягкіе совершается без посредства j. Как *лыко*=łyko переходит в нѣкоторых мр. говорах в *лико* (со среднимъ *л*) без посредства +*лјыко*, так без такого посредства *л, и, р* достигают и крайней небности произношенія. Ср. на пр. *нутряной* замок и вр. обл. *лютряной*, *рама* (rahmen) и мр. *ряма* (лит. rémas), *струк* (strąk) и *стрюк*, *друк* (drąg) и мр. *дрюк* и пр. (Два изсл. 130); также *дужій* и вр. *дюжій* и пр. [1]). Замѣтим, что сочетаніе согласной с j вовсе несоставляет трудности для многих говоров и слоги с j на пр. в *рьяный*, *рьюсь*, *лью*, *ничью* рѣзко отличаются от *ря*, *рю*, *люб*, *чю*. И так, прежде всего надо сдѣлать вѣроятным существованіе ф. *ljub*, а за тѣм—показать возможность *ь* перед гласною в +*l̑ïub* (ибо когда в *знанье* *ь* было гласною, то оно стояло перед согласною j), наконец—возникновеніе этого *ь* из *е*.

Этим я нисколько неотвергаю дѣйствительности существованія и важности „паразитнаго" [2]) j в слав. нарѣчіях. И кто рѣшился бы сдѣлать это в виду на пр. мрусс. форм, как голу́бъята, голу́бьята и пр. (Два изсл. о звуках 129) или *мня* (mńa) из *мъя*=*мѧ*)? Все дѣло в мѣрѣ. Вмѣсто того, чтобы в случаях *либо*, *щить* говорить о том, что паразитное j, невполнѣ соединенное с предыдущею согласною, возымѣло силу уподобить себѣ слѣдующее *у* (Beitr. VI, 136—7), я считаю болѣе правильным говорить об измѣненіи слогов *лю*, *щю*, вовсе незаключающих в себѣ j, в *ли*, *щи*. При этом остается вопросом, можно ли в подобном стремленіи цѣлаго слога различать *уподобленіе* гласнаго

---

[1]) В число этих примѣров я помѣстил было (Arch. f. sl. ph. III, 367) мр. *люшня* предполагая что оно из +*лушня*, *лучня* (по дугообразной формѣ). Сравненіе с польск. *luśnia* и пр. заставляет принять мнѣніе, что это из сред. нѣм. *liuhse*, fulcrum laterale vehiculi, Matzenauer Cizi slova, 246.

[2]) „Паразитнаго" в смыслѣ развившагося для удовлетворенія потребностям чисто фонетическим, лишеннаго этимологическаго основанія.

элемента согласному. Не на всякой ли ступени эти элементы в слогѣ гармонируют друг с другом? Я думаю, да.

Обращаясь к шипящим и свистящим порядка s, *ц*, я думаю, что предположивши с одной стороны двойственность состава на пр. *ч* в +petšeši, а с другой усматривая вездѣ паразитное j и имѣя основанія думать, что j может переходить в шипящую на пр. послѣ р в чеш. поль., весьма естественно было принять, что *š* в *tš*=ч возникло именно из j.

Это—способ объясненія весьма распространенный, не смѣю сказать, единственный. Приведу для примѣра слѣдующее:

„Для *печеши* от *пекж* переходныя ступени слѣдующія: +*pekješi* (т. е. вмѣсто *е* появилось *je* или, выражаясь б. м. точнѣе, между *к*, которое с самаго начала (von vorne herein) перед *е* и *і* было болѣе небно, т. е. произносилось в болѣе передней части уст, чѣм перед *а* и т. п., и между *е*, *і* само собой возникло j), отсюда *pečješi*, наконец *pečeši*. Посредствующая ступень сохранилась в написаніи *běšję* [1]) и др. Против принятой т. о. ступени +*pekješi* можно возразить, что если уже для болѣе древняго времени принять *е*=*je*, то из *pleteši* (от pletą) должно было выйти +*plešteši*. Против этого однако слѣдует напомнить, что *звук j был очень слаб*, как и тот, который появляется теперь в слав. языках перед небными гласными, и что повсюду гортанные скорѣе и легче подвергаются вліянію j, чѣм зубные...... Может быть в болѣе древнее время произношенія *je* вм. *е* вовсе небыло послѣ зубных (как на пр. его нѣт в нынѣшнем сербском и др.), а появленіе j послѣ гортанных зависит лишь от того, что эти звуки сами по себѣ перед *е*, *і* произносились небно (Leskien, в Beitr. VI, 264—5). Для объясненія себѣ перваго из этих двух предположеній, я принимаю, что под „ein sehr leiser j laut“ может разумѣться на пр. *плетешь* (=pl'eteš), форма существующая

[1]) *Бѣшѧ*? *бѣшꙙ*? Но вѣдь это, кромѣ ринезма, не что иное, как ст. русс. *бѣшя*, т. е. небное *ш*+*а*, а не *ш*+*j*+*а*.

нынѣ в вр. и предполагаемая формою *плетёш.* Если это так, то здѣсь нѣт даже слабѣйшаго j, а есть лишь небное *те* = *t́e* = *tě*, незамѣтно переходящее в бр. *це*, которое, я думаю, предполагается болѣе шепелеватым польским *cie* =*će.* Аналогично с этим *те* было бы не *че* (из *к-*), а *ке*, которое и точно есть в ювр. (*пекéш, пекёш*=*плетеш, плетёш*) и сколько извѣстно необнаруживает стремленія ни к *че*, ни к *кје*. Допущеніе такого произнощенія *плетеш* для общерусскаго и общеславянскаго крайне затруднительно. Это, по видимому, признавал и проф. Лескин, допуская и другое, по моему единственно возможное, что в *плетеши је* вовсе небыло. Если при этом он принимает j, как условіе перехода гортанных в шипящіе, то аналогія между *плетеши* и *печеши* (из +pekješi) устраняется. Я же думаю, что устранить слѣдует предполагаемое *kje*, но удержать равенство *-те-* из *та* с *че* из *ка*, т. е. такую близость этих *те, че* в др. слав., какая только возможна при их явственном различіи, и аналогичность в ходѣ их сближенія от противоположных точек.

Взгляд проф. Миклошича можно видѣть на пр. из слѣдующаго:

„Послѣ ч, *ж, ш* прейотація (в ст. сл.) по правилу теряется (мжчж и пр.)... Однакоже именно в древнѣйших источниках она нерѣдка (послѣ шипящих и шт): čjueši... ašjutъ... čěsъ, učję, pritčją..“ Этому написанію автор, как и Шмидт, Beitr. VI, 129, на котораго он ссылается, придает буквальное значеніе, т. е. полагает, что j есть здѣсь дѣйствительный звук: „Прейотація послѣ *č, ž, š* и послѣ *št, žd* трудно объяснима, и если бы вывод этих звуков из *kj, gj* и т. д. неимѣл столь прочнаго основанія, то формы, как čjuješi, hotęštju [1]) могли бы потрясти всю теорію. Нужно принять, что из kju (=русс. *кйу*) сначала возникло *tšu, ču*, а из *ču* лишь через паразитное j (J. Schm., Beitr.) — -čju, Altslov. Lautl.[3] 291—2.

---

[1]) Mikl. изображает *х* посредством *h*.

Мнѣ кажется, что в ст. сл., др. русс. произношенія *ćja*, *ćju*, в ст. сл. *štja*, *ždja* и пр. небыло, как нѣт его и в современных рус. говорах; что *чю*, *штю* значило лишь то, что по польскому написанію *czіи* (=*č'и*) и пр.; что теорія образованія *чу* и пр. из тшу, а этого—из *kjу* (*кйу*) невѣрна.

Невижу никаких основаній предполагать, что нынѣшнее юврн. и свр. (Два изсл. 67, 89) *кя, кё, кю* (только в суфиксах, а не в корнях), или литов. *кя, гя* [*кяуне* куна, *кяурай* сквозь, *кялва* (у Куршата kalwa) холм, *кяльс* дорога, *гялда* жолоб] образовалось через kja (=къя) или k'ja (кья); что через посредство явнаго j происходит дальнѣйшее измѣненіе этих *кя, ки* и пр., на пр. с одной стороны *к* небное в *т* небное (Ваньтя, Переясл. Влад. г. и личное произношеніе Тієвъ, лошти=ложки, вилти), с другой в *ц'*, *дз'* (которые могут и отвердѣвать), на пр. в одном из польских говоров (в памят. XV в. drodzim = drogim, Бод. де Курт. О древнеполь. я. § 48), или в латышском *цауне* куна, *цельш* дорога, *дзесна* (гаисма) утренная зоря, Bielenst. Lett. spr. 170, *дзегузе* кукушка. Я думаю, что вышеупомянутое *кя* и пр. аналогично с *чя*: Подобно тому, как *кя*—из переднегортаннаго *ка* через ряд ступеней с недѣлимым *к*; древнее (а изрѣдка и новое: хорут. *čisel*=кысел) *чя, чю* и пр. происходит из заднегортаннаго *ка, ку* через ряд столь же неразложимых ступеней, между коими нѣт ни *kja*, ни *тja*, ни *тша* и за коими (т. е. за *чя, чю*) слѣдуют *ча, чу*. Подлежит объясненію не появленіе здѣсь паразитнаго j, мнѣ кажется, небывалое, а направленіе рядов от *к'а* к *кя* и от задняго *ка* к *чя* и *ча*. При этом, если под объясненіем разумѣть не установленіе звуковых рядов, а указаніе их соотвѣтствія направленіям в измѣненіи органов и условіям этих измѣненій, то это внѣ средств нынѣшняго языковѣдѣнія.

5. При объясненіи происхожденія шипящих, кромѣ паразитнаго j, обыкновенно принимается, что еще до шипящих существовали готовые звуки *е, ь, ѧ, и, ѣ*. Однако, если не без основанія можно думать, что s, *ц*, *с* (в *боsѣ* и пр.) непредполагают готоваго *ѣ*, но возникали вмѣстѣ с ним,

по мѣрѣ его образованія из *ai*; то стоит допустить, хотя бы лишь за тѣм, чтобы вызвать доказательства противнаго, что и *гласные, стоящіе послѣ шипящих, не предполагаются этими шипящими, но возникли вмѣстѣ с ними на славянской почвѣ.*

а) *ai=a въ жя, чя, шя* (позднѣе *жа* и пр.). ^{+}ai превращается в *a*, предшествует ли ему гортанная, переходящая при сем в шипящую, или же j: *г, к, х+ai=жя, чя, шя*, как *j+ai=я*. Ср. бивѣ и т. п., а также *ядьно* cauter, ustio (к. *idh*, ср. скр. *êdhas*, гр. *αἶθος*, Fick. Wb.[1] 26); *яз-ва*, foramen, forea, куда и *jas-kinia* specus, латыш. *aiza* (Mikl. Wb.) лит. *aiža*, щель, *ižti*, *inža* трѣскаться, лопаться, шелушиться, *aižinti*, шелушить, *ižas* льдина (Микуцкій); *яръ,-ость*, осн. ф. $^{+}$*air-*, лат. *ira* и пр. (Fick Wb.[1] 22); ср. еще *ясти*, *яхати* и нѣкоторыя другія менѣе извѣстныя как пол. *jask-rawy* при лит. *aiszkus*; врусс. *яса́*, перемѣна кушаньев, при *ис* (*искати*) в значеніи желать, подобно тому, как *вытѣ*, кор. *ав* (aveo), позыв на ѣду и ѣда); врусс. *язаться*, браться за что, рѣшаться и пр. (ûгh, литов. igiti, Fick. Wb.[1], 23).

Мнѣ кажется, что из этого соотвѣтствія между *gailu* и *жаль* с одной стороны и *aiza* — *язва* с другой неслѣдует непремѣнно, что как *ja* из *jai*, так *жя* из *гjai*. Этот послѣдній случай может имѣть мѣсто там, гдѣ j этимологически дано, как в глаголах -ю-ши, -а-ти. Там, гдѣ этого нѣт, упомянутое соотвѣтствіе может означать лишь то, что гортанная, постепенно измѣняясь в шипящую, дѣйствует на *ai* также, как j, т. е. сообщает перевѣс первому элементу *a* (болѣе гортанному) над вторым i (болѣе зубным). Мѣста́ произношенія j в *язва* и *ж* в *жаль* были смежны и находились болѣе назади, чѣм мѣста s, *ц* (sѣ, цѣ) и чѣм нынѣшнее обл. вр. и мр. *жяль, чяс*. Если из одного *гаі*- выходит с одной стороны *sѣ* в *sѣло*, с другой *жя* в *жяль*, то виною может быть не то, что в послѣднем *гjai*, а отношенія тоническія: *aí* в первом случаѣ и *ái* во втором.

Общеслав. *жа, ja* из *гаі, jai* может вовсе непредполагать не только ступени *гѣ*, но и ступеней *жѣ, jѣ*. Русс.

ѣду, ѣхати, ѣсти — не из *ja*, а из *jê* с передненебным j, аналогичным с s в *sѣло*. Польское *бялы* предполагает уже стяженное из *ai*, *ê*, слѣды котораго имѣются в памятниках XII — XV вѣка (Бод. де Курт. О древнеполь. яз. § 84). Это мнѣніе находится в связи с мнѣніями о замѣнах в поль. основных *ь* и *е* (К исторіи зв. 71—3). Из *ê могло* развиться *ea* [1]), но этот дифтонг *вовсе не непремѣнно* предполагается польским *бялы*, ибо графическія указанія (Beala ib.) скудны и при шаткости правописанія недостаточно убѣдительны (*Beala* может значить лишь тоже что *Biała*= Бяла) [2]), между тѣм, как в обл. ювр. вяду́ из веду́, веду, дано *я*, образовавшееся, хотя и при других условіях, из є помимо дифтонга.

Примѣч. Остается вопросом, слѣдует ли для древняго языка предполагать +гаі и пр. =*жя* и в тѣх случаях, когда сравненіе с другими языками к этому непобуждает? Не возможно ли *жя* (=жа), невызванное сочетаніем *ai* в +*гаі*? Если *ai* в этих случаях необходимо, то в нѣкоторых словах оно может быть исключительно славянским, на пр. в *жаба*, *жаръ* aestus, *чадъ* при *кадити*, в врусс. *жаровой* лѣс, Арх., высокоствольный, с вѣтьями лишь ближе к вершинѣ, при латыш. *ga'r'sz* (+гаряс) долгій, *gar'* вдоль, *gar'am* вдоль мимо, мр. ноуз.

Принимается, что слав. *а*, *я* начальное = ă в *азъ*, *язъ*, лит. *aż*=*asz*, *агнѧ agnus*, *язьно*=скр. *аджина* руно, шкура, при *аджа* козел, лит. *ożys* гр. αἴγίς. Послѣднее сближеніе подкрѣпляемое аналогіями скр. *урaна* баран (+варана) и *урнâ* во́лна, скр. *мêша* баран и лит. *maiszas*, слав.

---

[1]) Возможность развитія дифтонга из звука цѣльнаго, непредставлявшаго никакой двойственности стихій, нетолько долгаго (в Поль. XIV—XV в. если и не всѣ то многія замѣны *ѣ* срединнаго и конечнаго долги), но и краткаго, на пр. ъ, ь (К ист. зв. 106) неподлежит сомнѣнію.

[2]) Ср. чеш. *Sceaslav* (Чяслав?) в пам. 1175 (Филол. Зап. 1877, V—VI, 71), лит. *peaklon* (пякло-н, в ад) в пам. XVII в. Schl. Lit. Gr. 8).

мѣхъ, Fick.; Mikl. Altsl. Laut.[3], 267, может быть подвергнуто нѣкоторому сомнѣнію. Если исходить из ф. *язвьно*, *язв-ень* („Иракла глаголють во лвѣи язвени ходяща,“ XVI в., А. Попов, Обз. хроногр. I, 14) и думать что *язьно*, *язно*, кожа, шкура из *язвьно*, то можно неотдѣлять от *язва* (лат. aiza), имѣя в виду относительно значенія лит. *iż-in-ės* мн. шелуха (соб. трѣснувшее или содранное) и названія шкуры с представленіем драть: *скора*; поль. стар. *łupież* шуба, тулуп: „kedi ktho nagany abo othzowye ·skazanya (рѣшеніе) pana krakowskego... *lupyeze* gronostayowe to gest take koszuchi... ma dać, 1449; lupieże laszyczne... liszye, kunye. Lelew. Ks. Ust. 62, 70. Если против сближенія *язьно* с *aiza* сослаться на ф. *азно* (Mikl. L.), то вѣдь и *я* из *ai* встрѣчается в видѣ *а*: *азва*, *адро* (ядро, нѣдро).

Как бы ни было, если начальное слав. *я* и невстрѣчает в других языках *ai*, то все таки одна из возможностей—его происхожденіе из слав. *ai*, а другая—прямо из *а*:

Ячая, библ. 1499, Бусл. Матер. 51: в ıчьицѧ златыя=чашицы; русс. *ячея*, лунка, очко невода и сота. Mikl. Gr. II, принимая за осн. ф. *ıачая*, считает темным. Geitler Rad. XLIV, 128, исходя от ıа и от значенія haustrum, ansa, manutrium, считает за кор. ıєм (чеш, *jílec*, manubrium): +ıатѣя, а со вставкою *к*—+*ıа(т)кья=ıачая*. Я считаю ıа невѣрным; значеніе *рукояти*, если оно есть, производным от знач. сосуда (как на оборот мрусс. *крючок*—корчик, чарка, от рукоятки крючком), а за тѣм возможным сближеніе с лит. *akas* (око, ср. *akis*) ополонка, прорубь, латыш. *aka* колодязь. ı в началѣ этого слова и *а* суфикса=*ья* произошли ли одновременно и одинаково?

б) Слѣдует ли думать, что образованіе шипящей из гортанной перед ѧ предполагает уже в этом послѣднем элемент *е?* Мнѣ кажется, нѣт. Мнѣніе мое о первоначальном произношеніи ѫ, ѧ (в соч. К исторіи зв. 209—20) я и теперь удерживаю в существенном [1]). Разсматривая юсы са-

---

[1]) См. Jagić, wie lautete ѫ bei den alten Bulgaren, Arch. f. sl. ph. III, 312 сл.

ми по себѣ, мы простираем отвлеченіе слишком далеко, именно до того, что устраняем черты, нужныя для различенія этих звуков. Как вообще так и здѣсь гласная подлежит разсмотрѣнію сама по себѣ лишь на столько, на сколько она сама по себѣ может составлять слог. Поэтому мы можем говорить об отдѣльно взятом ж (ж-троба, ж-трьнь), но не о таком же ѧ, в опредѣленіе коего входит то, что оно встрѣчается лишь послѣ j и других согласных (кромѣ гортанных) извѣстной степени небности. Мое предположеніе, что первоначально в обоих юсах составным элементом было *a*, неговоря о других его сторонах, неточно в том, что, строго говоря, гласная не может оставаться тою же послѣ согласных столь различных как заднегортанные и шипящіе; но за тѣм я бы сказал, что в ką (кан͡=кж) было *a* гортанное, в č'ą (чан͡=чѧ)—небное, то которое выходит, когда мы стараемся произнести *a* послѣ средненебнаго j. Стараясь произнести гортанное *ан͡* послѣ j мы получаем, по моему предположенію не ѩ, а ѭ с задненебным j. В этом характерѣ j и гласной, на сколько она им видоизмѣнялась, состояла разница между винит. +земjж, откуда стар. поль. źem'ą (в коем *a*), русс. землю и родит. ед. +земjѧ, откуда ст. поль. źem'ą, źem'ę ст. русс. земля, землѥ. Вышеупомянутаго различія между *a* гортанным в ж и *a* небным в сочетаніи средненебной согласной с ѧ и без общепринятаго предположенія что общеслав. ж=ǫ, ѧ=ę достаточно для объясненія нынѣ существующих замѣн юсов. Предположеніе, что общеслав. ж=ǫ, ѧ=ę, на мой взгляд, неможет объяснить нынѣ и издавна существующих форм, как поль. обл. ćelą (=ан), русс. теля и т. п., поль. обл. (кашуб. и др.) bądą (бандан͡). Раннее появленіе діялектических замѣн юсов ограничивает время их предполагаемаго основнаго произношенія (с элементом *a*), но недоказывает невозможности такого произношенія. Так б. м. уже в XII—XIII вѣкѣ в различных болгарских говорах существовала наклонность к замѣнѣ ѧ через *e*, которое предполагает ę. Это послѣднее сохранилось еще в началѣ нашего вѣка у Болгар Седмиградіи („tvui-te ßv*en*te r*an*tze, Кочубин. От-

чет о занят. слав. нар. II, 51 отд. отт., Запис. Новоросс. Ун. XX), а по достовѣрным свидѣтельствам, из коих послѣднее М. Ст. Дринова, сохраняется до нынѣ около Костура в Македоніи, гдѣ ѧ=*ен* (ен̑, ę: *рендо́ве* мн. но *ред*, *йензик*, *гренда*, *пендесе)*, ѫ=*ъм*, *ън* (*мъндро*, *зъмби*, *гъмби*, по *ржка*, т. е. *ръка*), Период. списание на бълг. книж. дружество, год I, XI—XII, 163—4. Отсюда явствует поспѣшность мнѣнія, что „den bulgarischen denkmälern *der frühesten zeit* sind die nasalen vocale eben so fremd, wie dem heutigen Bulgarisch" (Arch. II, 282). В других болг. говорах можно, мнѣ кажется, усмотрѣть слѣды элемента *а* в замѣнах не только ѫ, но ѧ [1]). По крайней мѣрѣ трудно утверждать, что бы природные Болгары, как Миладиновы, без всякаго основанія ставили *а* в „аз щ*а* да смир*а*," „паднало," „пад*наха*," *ся* (сѧ) мо*лат*ъ (=ѧть) (Б. н. п. 62) и пр. Понятно, что 2-е и 3-е *а* в пад*наха* не тоже, что первое, но изобразить это слово в видѣ *паднъхъ* значило бы стереть особенность этих глухих. Проф. Дринов в примѣч. к пѣсням, записанным им в Панагюрищѣ, говорит что *а* (=основному *а* и =ъ, ь: т*а*нк*а*, л*а*джица), произносится как чистое *а*; *â*, между прочим в *сâ*=сѧ (прочуло сâ) и в *сâ*=сѫть (дошле сâ)—нѣсколько глуше; ѫ (да ти кажѫ, 1-е л. ед.; сѫ=сâ=сѫть)—как широкій и так сказать глубокій глухой звук; соотвѣтствующій ему небный звук „похожій на темное *е*" Дринов изображает в видѣ *ê*: повика *ê* (=ѭ), Период. сп. I. с. 147—9. Если мѣстами произносится р*о*ка, р*у*ка, р*а*ка (ib. 161, 171), то можно думать, что послѣднее произношеніе болѣе близко к основновному ѫ=ан̑, чѣм два первые.

Подобным образом неподлежит сомнѣнію, что в нѣко-

---

[1]) Тѣ самые случаи в Слѣпч. кн., в коих пр. Лескин видит подтвержденіе своего мнѣнія о переходѣ ją (=ѧ, ѭ) в ję, именно раждаѣщи, грѣдеть (Arch. II, 284) допускают и другое объясненіе, т. к. в том же памятникѣ ѣ= нетолько ѥ, но и ꙗ: достоѣниѣ, вънезаѣпѫ, ѣще (=ꙗще, аще), трѣвнъ (=трявнъ), Срезн. П. юс. п. 115.

торых польских говорах уже в XI—XII ѧ склонялось к *ę* с предыдущею небною (Бод. де Курт. О др. п. яз., 80), но не из этого произношенія, а из болѣе древняго, заключающаго в себѣ *a* объясняется преобладаніе начертаній *an*, *ą*, *a* для ѧ в болѣе поздних памятниках (на пр. Malinowski, Modl. Wacł. §§ 57—63) и нынѣшнее діалектич. произношеніе *swianty* и пр.

Недумаю, чтобы могло считаться доказанным, что ст. русс. *жадати* (жядати, но отнюд не żjadati), ст. поль. *żandać=żądać*, чеш. *žádati* произошло из *żǫdati*. Обратное предложеніе считаю болѣе вѣроятным. Общее между основн. *žand*—и лит. *gend* (если сюда относится лит. *daug jo pasigenda* многіе его (мертваго) жалѣют, resp. бажают) может заключаться никак не в элементѣ *e*, а развѣ в начальной точкѣ движенія славянолитовскаго *гand*—по направленію к средненебному *жа*. Mutatis mutandis—тоже самое об отношеніи ѧк (lank со средненебным *л*, отличным от нынѣшняго русс. *ля*) в ѧшти к лит. *lenkti*.

в) К вопросу, что именно предполагается славянским *ь* в *жьлтъ* литовское geltas, *чьрвь*, литовское *kirmis*. Есть случаи, относительно коих нѣт разногласія в том, что *ь* предполагает звук в родѣ и (i), на пр. в суф.—*ь*=is, *ьскъ*=iszkas, iskas, -*ьба*=iba. Этих случаев, по качеству (не по количеству) гласной, нѣт основанія отличать от случаев слав. *и*=лит. ī (живъ=gīwas, *чистъ*=skīstas). Косвенным отвѣтом на вопрос о качествѣ этого дославянскаго *i* дает то, что оно сочеталось с предыдущими гортанными, неизмѣняя их в шипящіе. Если, как и я, несчитать возможным, что оно измѣняло глубокогортанные в небногортанные, то оно немогло быть сходно с нынѣшним вруcс. и польским *и* или мрусс. острым і (из основн. *ѣ*, *о*, *е* иногда *у* и *и*). Судя по предполагаемому мѣсту произношенія глубокогортанных, это основн. *i* могло быть или то же, что вруcс.-поль. *ы*=y, или тоже, что вост. мрусс. среднее *и*, весьма мало отличное от вышеупомянутаго *ы* [1]). Этот звук

---

[1]) Отсюда неслѣдует, что мр. среднее *и* есть вмѣстѣ древ-

был конечно цѣльный, недѣлимый, отличный от предполагаемаго двоегласнаго *ы*. Переход от +*г-ыск-* к *-жьск-* (божьскъ) и от *гыв* — к *жив* (живъ) мог, мнѣ кажется, совершиться без посредства j (не мифическаго, а различаемаго слухом туземцев), как в болѣе новое время и при других наклонностях органов—переход от *гыну* к *гину*, от *рукы* к *руки*, от *strzechy*, существующаго и нынѣ, к *strzechi*. Предположивши и для *чьрвь* ступень *кырвык*, *кырмык*, можно думать, что на этой ступени *ь* немогло существовать даже, если краткое *ы* произносилось глухо. На этой ступени могло существовать лишь минимум разницы между зародышами *ъ* и *ь*, так что язык легко мог пойти и к тому и к другому звуку. *Возникновеніе* ь *совпало с нѣкоторой палатализаціей предыдущей согласной*. Независимо от этой согласной свойство ъ, ь, как и ѧ, неопредѣлимо (К Истор. зв. 32). Считаю возможным процесс от *-ыр* к *ьр*, почти обратный тому, который видим в *Тырново* (как русс. корреспонденты с театра войны изображают болг. *Трново*), *тырло* (как юрусс. чабаны произносят болг. или серб. *трло*, см. Караџ Рјечн). Г. Кочубинскій, на этот раз недостаточно чуткій, говорит: „В теченіе моего долгаго шатанья между Чехов, я вездѣ внимательно вслушивался в выговор слов, как *vlk*, *plný*, особенно при пѣніи, и слова эти *иначе незвучали* для меня, как *vylk*, *pylný*, гдѣ *y*=глухой звук" (Основн. вокализ. I, 110). Я со своей стороны теперь думаю, не во вред основной слав. формы *вълкъ*, *пълнъ*, что *в настоящее время*, кромѣ м. б. нѣкоторых говоров [1]), в чеш. *vlk* звучит гласное l

нее общеславянское, ибо на пр. мр. *жи*, чтобы достигнуть нынѣшнягв своего произношенія=*ży*, должно было перейти через ступень, условленную небностью *ж*: *ži*.

[1]) В одном из моравских говоров (опавском) syrdečko, myrkva, vylček (vlček), pylny (plný), Šemb. Dialektol. 56. „Valaši Unvaldští kladou toto *y* po *r*: pryv (prvé) hrynec, sryp" ib. Это доказательство, что мѣстные наблюдатели по меньшей мѣрѣ нехуже посторонних могут замѣтить гласную спереди или сзади р, л, гдѣ для этого есть основанія.

среднее, т. е. конец языка прикасается не концу зубов, как в русс. поль. *la*, а к небу над самыми губами, и глухого звука ни спереди, ни сзади *l* неслышно.

Укажу здѣсь на нѣчто, хотя несообщающее вышеизложенным гаданіям непоколебимости, но объясняющее их происхожденіе и во всяком случаѣ, мнѣ кажется, заслуживающее вниманія изслѣдователей.

И. Юшкевич говорит: „Без всякой причины во многих литовских книгах употребляется у (ы). В литов яз.... есть только мягкое і (и)“... Слѣдовало бы писать *gïvas* v. *gīvas* вм. *gyvas*. Широкое у (ы) можно бы удержать только в восточно-литов. говорѣ (в вост. половинѣ шавельскаго уѣзда и к вост. от р. Невѣжи), в котором оно употребляется, хотя впрочем довольно рѣдко, на пр. svirnaly gulėja, в клѣти он спал (Матер. для слов. и грам. изд. Ак. V, О говорах литов. яз. 421).

Schleicher, Lit. Gr. 9: „i, į, y ist das gewöhnliche i.... Kurzes i wird *aus* und *anlautend*, bisweilen auch im inlaute etwas dumpf gesprochen, nach *e* zu, änlich dem poln. y, doch nicht so stark von i unterschieden als dieses, so z. b. in *ir* (und, auch), kàsgi (quisnam); diss findet sogar bei betontem i statt: einì (du gehst); *kìrvis* (axt); diser unterschied ist indes fein.”

В книжкѣ „Букварь Жмудско-русскій... по методѣ Золотова, перевод И. Кречинскаго“ (Букварс жемайтишкайрусишкасис и пр.), Ковно 1865, гдѣ переводчик немудрствуя лукаво передает русским правописаніем (с ерами) звуки жмудскаго говора, мѣстности коего я опредѣлить не могу,. находим:

(а) *ы* вм. е: мотеры, паты (жена), карвы (корова), бобу́ты (бабушка), мѣргайты (дѣвушка), кяпуры (шапка); несче́сты (несчастье), у́пы (рѣку, вин. ед.), че́сы (мѣстн. ед. от *чесас*, час), обыдвы (обыдвѣ, обѣ), ѣ́ды (ѣл); де́вы (дал).

(б) ый вм. *ё* рядом с ій: вѣ́на, выйна (одна); дена, ді́йна, дыйна (день).

(в) Постоянно в суф. неопр. *-ты*, *-тый-с* (эйты, ке́лтыйс подняться), в *ыр* (и, но *ира* (īra) есть), сы (пасыслепты

скрыться), дыделей (очень), тыктай (только), высус (весь) и пр.

(г) В суф. жувыс (рыба); вальтыс (лодка); шуныс (собака); дивына абрбзда (чудесную картину); нукрывыдиты [1]) (обидѣть); девышкас (божій), но кудыкишкас (дѣтскій), дангишкас (небесный), жемишкас (земной).

(д) В корнях перед *р, л* на мѣстѣ славянскаго глухого зв.: дырва (нива); пыртис (баня), ант пырмос (на первой), галвовыршис (темя); твыртс (твердый); неужмыршк (незабудь); падырбты (сдѣлать); вырпети (дрожать), мырты (умереть); апсывылксу (надѣну), вылна (вóлна, шерсть); выльнис (волнá).

Что звук здѣсь неочень опредѣленный, на это указывают такіе же случаи с *и*: кирсты (жать); кирпты (стричь); пиртей (в банѣ); *миилтай* (мукá); вилкс (волчок, юла); вилнес (волны). Шипящіе, по видимому, в этих и других случаях требуют *и*: шилкай (шелк); ширдыс (сердце); чистас.

Из того, что этот звук *ы* в нѣкоторых случаях (на пр. на мѣстѣ ė, в—ты) должен быть признан поздним, еще не слѣдует, что он таков же на пр. в *кырмыс*. Что в послѣднем случаѣ ему предшествует болѣе острое *і*, это дóлжно быть еще доказано, а до тѣх пор мы имѣем право думать, что если дѣйствительно есть литовскіе говоры с *-ыр-, -ыл-*, далеко отстоящіе от небности, предполагаемой латышским ci'rpt (стричь), ci'rst (бить, рубить), ce'rme (червь), то эти говоры в этом отношеніи могут быть древнѣйшія. В таком случаѣ форма *кырмыс* своим *ыр* так же мало указывает на слав. *ь* в чьрвь, как ф. *выльнис, вылна, дылгас, пылнас* могут заставить предположить общеславянскія *+въ'лна, +вълно', +дългъ, +пълнъ*, между тѣм, как на это *ъл* неуказывает ни одна из наличных славянских форм.

г) На вопрос, предполагают ли шипящіе зв. в началѣ полногласных слов нынѣшнее *е*, я в своем соч. К ист.

---

[1]) *ӣ* долгое. Ср. гивéну, *ги*венты (жить), *ги*волис (животное), гивастис (род. ед. жизни), гимине (семья), милю (люблю)— милéты, литы (лить), даугибе (множество), туртибе (имѣніе).

зв. 160 отвѣтил т. о: „Начальная шипящая в *жолоб* и *жлѣб*, а равно и там, гдѣ в русс. *ере* (*жрѣба*), свидѣтельствует только о том, что до возникновенія формы *жлѣб* и пр. между начальною гортанною и слѣдующею плавною стояла гласная, при помощи которой *возникло* j *при гортанной*, откуда *-ж, ч, ш*... Но *ж* в *жолоб—жлѣб* и пр. само по себѣ несвидѣтельствует, что этою гласною послѣ гортанной было именно то самое *е*, которое мы застаем в слав. нарѣчіях в историческую пору. Покамѣст мнѣ некажется невѣроятным, что при гортанной перед основным *а могло возникнуть неорганическое* j, повліявшее на эту гортанную, но неизмѣнившее *а* в *е*, как на пр. в *жаба* (от габh-) или в частицѣ *ча* при *-ка*". Здѣсь я впал в рутину относительно j. Теперь считаю излишним говорить здѣсь о неорганическом j: *га, ха, ка* могло измѣниться в *жа* и пр. без его посредства.

За тѣм нахожу вѣроятным, что ф. *жлаб, члан, жлаза, жласти* легче могли развиться из форм, в коих послѣ шипящей стоял звук породы *а*, чѣм из *же-*, *че-* [1]). Русскіе слоги *ло* в *желоб, шелóм, шеломя́* могли возникнуть из *ла* или одновременно с предполагаемым измѣненіем *жа* в *же* *ша* в *ше*, или позже. *Жо, шо* в русском суть явленія позднія, діялектическія, происхожденіе коих в одном из главных дѣленій русс. яз., именно в ювр. настолько ясно, как и *ё*: *жóлоб* не *желобóк, шолом* но *шеломя́*, холм. Мнѣніе, что „die färbung von ⁺*želb* zu *žolb* reicht.. in sehr alte zeit zurick, da r. *žolob*, poln. os. *žłob* gleichmässig aus *žolbъ* enstanden *sind*" (Schm. Zur gesch. des vocal. II 91) предполагает общерусскую ф. *жолоб* болѣе древнюю, чѣм *желоб*, с чѣм я не могу согласиться.

Что предполагать в первом слогѣ, послѣ шипящей

---

¹) Предположенія, что *жлаб*—из *жлѣб* через *жляб*, или, на оборот, *жлѣб*=žlěbъ из *жлаб*, кажутся маловѣроятными. Ссылаться по поводу *длијето-долото* на болг. *трѣва* (Schm. zur Gesch. d. voc. II 169) трудно, ибо *трѣва* есть лишь *трява*, а не *trěva* и относится к *трава*, как мр. *ряма, коморя* к *рама*, комора.

в *жрѣбд*, звук ли *е* (жеребя) или *а*, будет зависѣть от рѣшенія, происходит ли *ѣ* в жрѣбя из *е*, или из *а* через *аі*. В послѣднем случаѣ осн. ф. -+*жăраіб*-. Но если бы было доказано, что *жрѣ* предполагает *жере-*, *гере*, в этом *гере* нужно бы принять глубоко гортанное *гэ-*, сходное с вышепредположенным *кы* в +*кырмык* (чьрвь), от котораго к *же-* могло совершиться движеніе по направленію к среднему небу.

д) Предполагается ли *ке* и пр. сочетаніем *че* в *печеши*? В своей статьѣ, напечатанной в Ж. М. Н. Пр. 1873, X и перепечатанной в соч. К исторіи звуков, стр. 19, я высказал предположеніе: „первое *е* в *везете* древнѣе, чѣм второе, котораго в лит. *veżate* еще нѣт, из чего слѣдует, что сходство слав. глагольнаго характера (или т. наз. связочной гласной) *е* в *везете* с греч. ε в ἔχ-ε-τε лишь случайно, т. е. невосходит ко времени единства этих языков“. „*Случайно*“ можно бы выпустить, чтобы неподавать мысли об отсутствіи достаточных основаній. Из одинаковых основаній в отдѣльных друг от друга нарѣчіях возникают весьма сходныя явленія, при чем весьма трудно допустить взаимное вліяніе этих нарѣчій. Ср. на пр. твор. мн. ч. на *-ма* (tenkýma prstama и пр.) в чеш. морав. Šembera Zákl. Dialektologie 12, 36, 63) и в сѣв. вр. (частыма молебнама Гилф. был. 700, конима добрыма ib 712); чеш. vleču vlěčou (vleku, vlekou) můžu, můžou (mohu, mohou), Šemb. ib. 11 и мр. волочу́, волочу́ть, мо́жу, можуть вм. волоку, волокуть и пр.; чеш. обл. mnoho vojakach (Šemb. ib. 20) и серб.; русс. областн. (не общерусс.) мѣстный ед. м. р. темы *а*—на *у* с перенесеніем ударенія на послѣдній слог (на свѣту́, стогу́, берегу́, вм. на свѣ́тѣ, мр. у сто́зі, на бе́резі) и тоже в серб. свиjет, свиj̏ету (что, как признано, предполагает свѣту̏), бре̑г—бре̏гу.

Проф. Шмидт (Z. f. v. spr. XXIII 361—2) тоже находит, что 2-е *е* в *везете* не могло быть общеевропейским. С этою частью его мнѣнія я согласен.

За тѣм считаю сомнительным то его мнѣніе, что *а*

др. в. н. *wegat*, лит. *weżate* уничтожает между прочим литовско-славянское единство, а равно и слѣдующее:

„Единственная теорія.. равномѣрно принимающая в соображеніе всѣ факты, состоит в том возвышеніе тона *a* в *e* („die tonerhöhung des *a* zu *e*") во флексіи настоящаго вр. постепенно и волнообразно распространялись на предков европейцев. Во 2, 3 л. ед. дѣйств. (act.) оно проникло ко всѣм; но во 2 л. дв. и во 2, 3 ед. сред. (med.) движеніе было недостаточно сильно, чтобы дойти до литовцев и германцев, сохранивших свое *a*; во 2 л. мн. волна достигла еще до нѣскольких германских племен, но непроникла до остальных и до литовцев" (ib. 362).

Мнѣ кажется, что теорія заимствованія в таких случаях оставляет такой же простор для случайности, т. е. неизвѣстности причины, как и теорія самостоятельнаго движенія основнаго звука по сходным, но не тождественным путям. Представить себѣ издалека катящуюся волну, которая занесла в слав. языки второе *e* в *везете* и ослабѣла у берега литовскаго языка (weżate), по мнѣ труднѣе, чѣм думать, что внутри славянскаго языка возникло стремленіе породившее второе *e* в *везете, ведете* и измѣнившее в соотвѣтственных случаях *га, ка, ха* в *же* и пр. (печете). Внутреннее движеніе, произведшее в литов. *e* в *esu, eszis, eszutas* и пр. из донынѣ существующих *asu* и пр. (К ист. зв. 20—1), дало и лит. *esz* при *asz* (=aż). Трудно усмотрѣть, почему в этом случаѣ „нельзя построить даже единой пралитовской формы" (Schm. ib. 338) и почему для этого *esz* нужна волна, идущая от армянск. *es*, греч. ἐγών, латин. *ego*, гот. *ik*?

Такое же отношеніе, как между литов. *sukate* и слав. *печете*, существует и между лит. *suka, sukawa, sukata, sukawe* и славянскими *печеть, печевъ, печета, печемъ*. Спорно мнѣніе Шмидта, что „в *ед.* ч. *изъявит.* н. дѣйст. (ind. act.) всѣ европейскіе языки согласны в том, что во 2 и 3 л. измѣнили *a* в *e*... *Отклоненіе литовскаго* яз. в 3 л. *лишь мнимое*. Считаю невозможным, что на пр. лит. *wéża* равно скр-му *ваһа-ти* и потеряло личное окончаніе

(как учит Шлейхер); потому что вѣдь *ti* и сокращенное из него *t* сохранилось послѣ гласных, как и послѣ согласных в так называемом безсвязочном спряженіи: *ei-ti, eit* идет *dûs-ti, dûs-t* даст и пр., так что предположеніе, будьто окончаніе потеряно во всѣх темах настоящаго на *-a-*, насильственно.“ Поэтому, мол, лит. *weža* есть первоначально 3 л. мн. ч., из +*wežą*, +*wežant* (ib. 258).

Это можно допустить для множ. числа, хотя может быть и 3-е ед. поставлено вм. 3-го дв. и множ. как русс. *они есть*, Что же до насильственности объясненія лит. *weža* из *weža-ti*, то она такова же, как объясненіе на пр. мр. *везé* (ювр. везе) из существующаго рядом *везéть*: *ть* в *везе* опущено, но в безхарактерных глаголах неопускается: *їсть, вість, дасть*, кромѣ є рядом с *єсть*. Стало быть нельзя заключать от сохраненія *ti* в *dûsti* к невозможности его опущенія в *weža*.

IV.

Измѣненія гортанной + ти или ть.

При объясненіи ц. сл. *шт* в *пешти, пешть* и пр., кажется необходимым, несмотря на существующія возраженія, по примѣру Шлейхера и др. принять вліяніе *и, ь* слѣдующих за *т*. Возраженіем служит супин, но болѣе достовѣрная форма его есть не *пештъ*, а *пешть* (Mikl. V. Gr. III, 118; Altsl. formenl. in paradigm. 37). *Пешть* может представляться неправильностію сравнительно с *битъ* и требует объясненія, но само по себѣ есть факт достаточно прочный. В стар. русс. супины, на *ть* при неопредѣленном на *-ти* довольно часты (Из запис. по русс. грам. II, 298—9). Пр. Лескин замѣчает: „Schleicher nahm an (Comp.[3] 293), dass hier eine analogiebildung nach dem infinitiv (облешти) vorläge; zu dieser annahme ist aber weiter kein grund vorhanden, als etwa der weiche vocal *ь* im auslaut, dieser jedoch erklärt sich ebenso gut, wenn man annimmt, *шт* sei das prius, da nach dieser lautgruppe eben *ъ* nicht stehen kann“ (Beitr. VII, 131) Ср. Mikl. V. Gr. I, 189. Но *ь* в древ.

ц. сл. стоит послѣ *шт* вовсе не потому, что это сочетаніе само по себѣ недопускает послѣ себя *ъ* и др. твердых, а потому что *ь* условлено его происхожденіем. Сочетанія *шта, што, штъ* в позднѣйших нарѣчіях русс. серб. болг. вполнѣ возможны. При том, как упомянуто, *облешть* аналогично со ст. русс. супин. „поидоша воевать" (Ип. 33), гдѣ конечно неможет быть рѣчи о том, что *т* само по себѣ требует послѣ себя *ь*. Мало вѣроятности, чтобы *облештъ* могло быть *prius* сравнительно с *облешть*, ибо есть довольно достовѣрные древніе случаи, указывающіе на выпаденіе *к* перед твердым *т*, так что из +лектъ (из легтъ) должно бы выйти не *лештъ* а *летъ*:

— *пле(к)тѫ* при лат. plectere и дрвн. flëhtan. Fick. Wb.[1], 376.

— *летъ* при лит. *lëkiu, lëkti, lakioti*, глаг. *лет-ѣ-ти, -иши* предполагает или имя в родѣ *летъ*, или глаг. в родѣ *плетѫ*; *т* в нем встрѣтилось с *ѣ, и, j* уже послѣ выпаденія *к*; лештѫ предполагает чистое *т*, а не *кт* (+лектјѫ), как думает Фик (Wb.[1], 602).

— *нето-пырь* и в сл. Дан. заточн. по сп. XVI—XVII в. (Калайд. Памят. росс. слов. 237) *нопотырь*, что Калайдович, я думаю, основательно исправляет в *нотопырь*. Первая половина—из *не(к)то-, но(к)то-*, 2-я или из *п'т-ыр-ь* (кор. пат-, как думает пр. Гаттала), или из—*пырь* от *пар* (=пур). Во всяком случаѣ: „ночной летун," что может быть соглашено с полаб. netipar, netipart, мн. netiporḍé (по Шлейх. Polab. Spr. 102, а здѣсь=å, из *ы*; *t* суф. как в папороть), мотылекъ, т. е. ночная бабочка?

— *пѧтъ*, лит. penktas, латин. quin(c)tus. *Пѧть* (сущ. ж.=пятерка) или образовано от прилаг. *пѧтъ*, как *седмь*—от *седмъ* (прилаг.=са(п)тама-) или *четвьрть*—от *четвьртъ* (Mikl. V. Gr. II 55), или, хотя восходит к времени до потери *к* в *пятъ*, и=скр. *панкти*, но подобно этому *пѧтъ* и вмѣстѣ с ним потеряло *к* потому, что в то время *ти* еще неизмѣнило предыдущей гортанной в шипящую. В противном случаѣ мы ожидали бы ф. +*пѧшть*, +*пячь* и т. д.

Чтобы получить из +*пек-ти* форму +*петји*, из коей

кажется удобным производить наличныя слав. ф. *пешти, пеħи* и пр., Даничичь предполагает форму +*петти*. Было уже замѣчено, что эта послѣдняя ненаходит аналогіи ни в том предполагаемом пути, по которому из +*гребти*, +*тепти* через +*гретти* и пр., выходит *грети, грѣти, тети, чрѣти*, ни в том стремленіи в силу коего д, т, з, с+т=*ст*, аналогично с чѣм б, п+ти=*бсти, псти*: от *вед—вести, вестъ*, от *вѣд*—причастіе *вѣстъ, вѣсто*, от *вез—вести,греб—гребсти*, серб. *грепсти*, русс. *грести* [1]). Если бы при господствѣ этих законов возникло +*петти*, то из него бы вышло или +*пети* или +*пести*.

Допустивши однако +*петти* при романских звуковых

---

[1]) Лескин видит во *власти* (влад-) диссимиляцію, в *вести* (вез) ассимиляцію, а в *зѧбсти* (зяб) вставку (Beitr. VII, 133). Мнѣ кажется, что здѣсь во всѣх случаях одно и тоже стремленіе держать несліянно конечную согласную корня и *т* суфикса, принаровляя их однако к удобству произношенія. Принявши, что, *д, т, з* в *вед, мет, вез* произносились так, что язык находился у внутренней стороны передних губов, выше их конца, и что при произнесеніи *т* в *-ти* конец языка находился ниже острія передних зубов, прикасаясь к нему; затѣм, скользя языком по внутренней поверхности передних зубов от перваго положенія ко 2-му, мы получим—*дзти, цти, зсти*, откуда—*сти*. Сходный результат получиться, если *д, т, з+ти* передвинуть на одну ступень к среднему небу, что, кажется, будет ближе к дѣйствительности. Таким образом *с* является здѣсь средним между вышеописанными *д, т, з* с одной стороны и *т* с другой. Другого рода, так сказать губной призвук *с* появится при непрерывном движеніи произношенія от *б, п* внутрь к вышеописанному *т*: отсюда *с* в *гребсти*, как посредник между губною и зубною. Существованіе нов. чеш. ф. *píct*, конечно, неможет быть приводимо в доказательство, что вышепредположенное *-цт-* должно было упѣлѣть. Неизвѣстно, что будет дальше с этим *píct*. *с* из *ц* и *ć* (небн.) из ц' (небн.) есть в свр. говорах (Два изсл. о зв. р. я. 87, Колосов Замѣтки о яз. и нар. поэз. Отч. 5, Арх. Волог. и Перм. г. 330) (v. 46). На сколько это объясненіе измѣнится если принять в разсчет лит. *vèsti* (ved. латыш. vezt—с *з*?), *mèsti* (met, лат. mest), neszti (лат. nest), *vežti—vèszti*? В виду лит. *-bti, pti*, слав. *-бсти, -псти* слѣдует считать спеціяльно славянским.

наклонностях, мы все таки неполучим *нетjи*. Франц. *fait* не аналогія, ибо в подобных случаях *i* возникает не из зубной, которая остается (Ит atto и пр.), а из гортанной посредством ея палатализаціи и превращенія в j: amie (amicam), delié (delicatus), doyen (decanus), ст. фр. preier (прованс. pregar, +preg'ar с *ія*, prejar, лат. precare), ст. фр. sairment (sacramentum), ст. фр. lairme (lacrymam), *Joret Du C*, 50—1. При том относительно мѣста возникновенія j большая разница между *fait* и +*нетjи* из *нетти*. А можно ли переносить в древность слав. яз. потерю j перед зубною (вр. поди) и вмѣстѣ обнаруженіе ея дѣйствія позади (серб. доћи, дођем), сомнительно.

Что до принимаемой Эбелем аналогіи +*неjти* (отк. +нетjи) с кимвр. *noith* (nox) из ир. *nocht*, то Лескин справедливо замѣтил, что хотя есть ф. *хто* из *кто*, но для перехода *х* в j нѣт аналогій, если несчитать *glavaj* = *glavach* у угорских словинцев (Beitr. VII, 132). Дѣйствительно, можно сказать, что никогда наклонность к палатализаціи гортанных в слав. яз. небыла так велика, как теперь. Между тѣм до нынѣ во многих нарѣчіях *х* болѣе гортанно, чѣм *г*, *к*; на пр. в поль. strzechy при nogi, ręki. Поэтому в то отдаленное время, о коем рѣчь, трудно представить себѣ возможность перехода *к* в *х* (+нохть), а еще труднѣе—*х* в j (+нојть).

И так, мнѣ кажется, нужно воротиться к предположенію вліянія *-ти*, *ть* на предыдущія гортанныя, вліянія, отвергать которое на том основаніи, что л, н, р неассибилируют гортанных (*огнь*, *грѣхъ*, *грибъ*, *хлѣбъ* и пр.) ошибочно: эти звуки по мѣсту произношенія во всяком случаѣ были ближе к гортанным, чѣм *т* в *-ти*, *-ть*, а чѣм далѣе друг от друга взаимодѣйствующіе звуки, тѣм болѣе замѣтных измѣненій можно ожидать в том из них, который менѣе устойчив, или в обоих.

Видимая неизмѣнимость *-ти*, *-ть* там, гдѣ оно слѣдует за гласной или согласной негортанной, заставляет думать, что и в сочет. *-кти* и пр условіем измѣненія *т* послужило предварительно измѣненіе гортанной, так что сначала

имѣла мѣсто регрессивная, потом прогрессивная ассимиляція.

Исходя от регрессивной ассимиляціи, предположим, что во время перехода *кти* и пр. в *ци* и пр. существовало по группам нарѣчій неменѣе трех способов произношенія *-ти, ть.*

а) в сзап. нарѣчіях *-ти, ть,* было наиболѣе остро, т. е. непереходя в запад. русс. ц' (*ходзиць*) было наиболѣе близко к мѣсту произношенія сего послѣдняго. Отсюда из +*пекти*—+*пецти,* из +*нокть*—*ноц-ть* (два слога) из +*могти,* +*могть* — *мод͡зти, мод͡з-ть* и +*моцти,* +*моцть.* Затѣм из +*пец-ти*—+*пецци, пеци* и пр. Это, по крайней мѣрѣ, по результатам, сходно с итал. *direzzare* (из +directiare), *sezione* (sectionem).

б) Во второй группѣ нарѣчій, которая в это время в других отношеніях могла уже непредставлять единства, *-ти, -ть* (предположим) произносилось при помощи части неба над самыми верхними зубами, может быть нѣсколько мягче, чѣм в нынѣшнем вост. мр. *пекти,* во всяком случаѣ с другими результатами относительно дальнѣйших измѣненій *-кти,* что могло быть условлено, иным, болѣе глубокогортанным характером *г, к.* Отсюда, сходно по результатам с итал. *succiare, tracciare* (+suctiare, +tractiare), из +*пекти*—+*печти* и за тѣм +*печчи,* из *могти*—+*мод͡жти,* +*мочти,* +*моччи.* Из +*печчи* и пр.—в одну сторону русс. *печи,* хорут. *peči,* хорв. (около Вараждина) *peči, poč,* а в другую, с превращеніем перваго *ч* в spirans (сходно со *што* из *что,* мр. *штити* из *чтити, пошта* из *почта,* а может быть с серб. *шћи, шћера,* если оно из +*чћи*=*дћи,* а не из *хћи* (Jagić Arch. III, 375)—*пешчи, ношчь* [1]). Эта послѣдняя ступень с полною достовѣрностію предполагается ц. сл. -мъ *пешти*

---

[1]) В области свистящих звуков со *-шчи* из *-ччи* аналогично поль. *ść* из *ćć:* ср. в Bibl. Zof. dwanaczcze (162, 168), oszmnaczcye (172), dwanacze (162), т. е.—*ćće* из *d'śće* = дьсѧте= десѧте) с болѣе поздним *-śće* (уже ib. dwanascze 163, czwartego na scze dna 164).

о чем — ниже. Относительно *врѣшти* возможно сомнѣніе, должно ли было коренное *-хти* перейти через ступень *-чти*, *-ччи*, что указывало бы на эксплозивность древняго *х* сравнительно с нынѣшним, кромѣ влужицкаго.

б) Караджичь совѣтует Русским произносить серб. ћ в *доћи* как *дотьчьи* (NB. с удвоеніем? *ь* конечно лишь как показатель мягкости), аналогично с *дођe*, как *додьжье* (Lex. 1852 г., 2-я ненумерованная стр.). Повидимому эти звуки занимают середину между русс. небным *т'*, *д'* и поль. (Варш. и др.) *ć*, *dź*. Так и в разсматриваемом случаѣ предположим, что в серб. сочетаніе *-кти* и пр. пошло по пути среднему между предположенными для групп *а* и *б*, именно +*пећти*, *пећћи*, *пећи* и аналогично с этим *моћи*, *врћи* (вршем). Первоначальное отсутствіе или малая извѣстность особаго начертанія для этого трудноуловимаго звука—причина древне серб. (XII в.) написанія *мокь*, *кьки*.

Общій смысл этих гаданій тот, что в разсматриваемом отношеніи ни над сербским (ср. Даничичь, Rad. I, 121), ни над каким либо другим слав. нарѣчіем время непрошло безслѣдно: всѣ они болѣе-менѣе одинаково далеки от исходнаго *-кти* и пр.; разъединеніе их умѣряется параллелизмом путей развитія.

V.

Измѣненія сочетаній ск, ст и *зг, зд.*

Сочетанія с гортанными (*ск*, *зг*) имѣют в том отношеніи свойство чистых гортанных *к*, *г*, *х*, что подобно им, измѣняются в шипящіе, и при том до неразличимости в настоящее время одинаково, в обоих условіях, упомянутых выше (II), именно в случаях аналогичных с *можеши* и *движеши*. Сочетанія с зубною раздѣляют свойство чистой зубной, измѣняясь в шипящіе только в случаях *движеши*=*страждеши*. Здѣсь я разсматриваю измѣненія сочет. *ск*, *ст* с одной и *зг*, *зд* с другой стороны лишь со стороны их сходства, думая лишь напомнить нѣкоторыя частности, на которыя прійдется ссылаться ниже, между прочим и по поводу мнѣній г. Кочубинскаго.

1. *ск, ст* во всей сѣверной полосѣ слав. нарѣчій или очевидно измѣняются в *шч'* с небным *ч*, или предполагают это измѣненіе.

а) Всѣ русс. говоры предполагают, а отчасти сохраняют ф. **ѥщ'е** (щ гораздо болѣе небно, чѣм вост. мр. йщэ, щэ; ср. скр. *ати*, греч. ἔτι, лат. at, et, *eti-ат*; **ѥще** предполагает *аст+ја-*; ср. лат. *ast=at*) [1]), **свищю** (šč'u), **ищю** и пр. Замѣтим измѣненіе *ч'* в *т'* (небное) в перм. **штювáть** (мр. вост. **цькувáти**, поль. *szczwać* с потерею гласной корня в силу отсутствія ударенія, падавшаго, как в русс. на характер *а*), новг. тв. *шти* (щи), *штянóй*; отвердѣніе этого *т* в твер. **ѥшто** (из ѥщё). Другое врусс. діялектическое измѣненіе—*щ* в *шш* (ѥшшо, ишшо и пр.; в мр. спорадически шо=що), *сш* (Два изсл. о зв. 70, 88). Это послѣднее древнему яз. было на столько чуждо, что вм. *ис-шло* и при *и-шло* (=+из-шьло) находим *ищьло* (1284. Зам. о мр. нар. 86), форму выходящую за предѣлы русс. яз.

б) Для польско-кашубскаго *šč*, болѣе-менѣе твердаго, необходимо принять ступень *šč'* между прочим потому, что еще в XV в. существовала небность всѣх шипящих, а равно и *с* dz (=ц. сл. *шт, жд*), хотя вѣроятно не во всѣх говорах: ср. в Bibl. Zof. poczyϕtek 11, czyϕszczy 16, 17, czyuczyc 59, wyeczyoor, do wyeczyora 64; mlodsyϕ, starsyϕ 33 (=š'ϕ), szyosty 62, naszyϕ 71, straszyϕc 163, opassye

---

[1]) Ясно, что для объясненія общеславянскаго *щ* в **ѥще**, я принимаю основное *ст+ј*. Так и в Arch. III, 376. Пусть это предположеніе невѣрно, но с другой стороны ничѣм невызвано опроверженіе г. Б. Раича (Arch. III, 721), который без всякой нужды доказывает, что из одного *ati* могло выйти только **ѥть**, а из *ati+a* — только несуществующія діялектическія *јеce, јеђе,* **ѥче**. За тѣм предоставляю судить другим, лучше ли исходить при объясненіи **ѥще** от скр. *ати*=греч. ἔτί, которое значит *еще*, или, как L. с, находить в **ѥще** частицу=скр. *ча*, лат. *que* (ѥ-*ш-че*)? Замѣчу только, что этимологически неусловленное *с* перед *т*, на пр. в *-ьство=-итва-м* кажется неменѣе достовѣрным, чѣм подобное же *с* перед *к*.

(=opaše) 163; dszdzyc 51 (džďž'e), na puszczyǫ (=čǫ) 61 zasczyczyyenym 16 (=zaščićenim), gedzyeno 80 и др.

Обще со ст. русс. ст. поль. *šč'* из *с-ш*: słońce weščło, ziarna weščły, wščedł (Linde Sł. wzejść); в Bibl. Zof. zczedl 16; slunce wesczdlo 186, sczedszi 188 и аналогично с сим zž=ždž, ogyen szdzegl 69. Діалектич. (Мазовец.) *sc* вм. *šč*, а равно и *z*, *c*, *s* вм. *ž*, *č*, *š* могу считать столь же относительно поздним явленіем, как и соотвѣтственное явленіе в сѣв. вр. (Два изсл. 86—8) и смежных бѣлорусских мѣстностях (ib. 72—3) [1]).

в) К упомянутым поль. говорам примыкает в этом отношеніи полабское, в коем *sć* или *sť* из *šč'*, в отличіе от нынѣшняго мазовецкаго, до конца сохраняло небность. Покрайней мѣрѣ иначе я немогу объяснить ф. каковы *stinang* (sćińą, щеня), stjauko, skieyko (щука) и др. Schl. Polab. spr. 38, 140.

г) В н. луж. неразличают написаніем *šć* v šč=русс. щ от šć=поль. ść=русс. ст': hyšće (hysczе) и sczena=ścena. Тоже в в. луж.: hišće (еще) и šćerniśćo и пр.

д) В южной полосѣ хорут. šč (jošče и još и пр.). Небность этого сочетанія остается в нѣкоторых (?) хорв. говорах (šć, Mažur. Slovn. Hèrv. § 61), в резіянском говорѣ (Бодуэн де Курт. Фонет. резіян. г. § 57). То что во многих хорут. говорах слышится „болѣе острое *ш* (Mikl. V. Gr. I, 252), а в бохинско-посавском šč=š (Бодуэн де Курт. Отчет о занят. по языковѣд. в 1872 г. Вып. II, 101) ср. с вышеупомянутым *шш*, *сш*, *ш* из *щ* в русс., а равно с стар. франц. sch=н. фр. ch=лат. sc (eschelle, échelle), с итал. sc (нынѣшн. *ш*: angoscia, франц. angoisse), с нов. в. нѣм. sch из др. вн. sc (=ск) в schaffen (scaffan), fleish (fleisc; Grimm. D. Gr. I², 144 (¹174).

---

[1]) Удивляюсь, каким образом г. Кочубинскій рѣшается строить заключеніе о невозможности родословнаго древа на таком основаніи, как его утвержденіе, что будьто тј (=ц. сл. шт) в бѣлорусском и сербском=ц, а дј (=жд) в бр.=дз (Основн. вокализ. I, 35—7).

e) В стар. чеш. до XIV и XV в. идет небное *šč'* (или šć) из *st* и *sk* (J. Jireček, O účincích přidechův, Rozpravy etc., 57; Gebauer Hláskosloví 104); неменѣе как с XIV в. *šč* из *sc* (mistři pohanšči, ркп. 1379); но уже в XIV в. является небное *šť* из всякаго *šć* : *čeština* и пр.; *dště* (дъсцѣ) vojště, cešti; čt из čč=čci: němečti. Аналогично с этим в словенском *sc*, неизмѣнившееся в *šč* v. *šć*, дает первоначально небное, потом отвердѣвшее *st*, а *cć*—ct: deste, slovensti; macte (из maccě, а это из matcě), zahratce (из -ccě-, dzcě, -dce от zahradka). В том же слов. нар. шипящая перед *ť*, *t* из с остается: mačte (-čcě от mačka, кошка), hrušte (-šce, hruška), Hattala, Sr. Ml. § 152.

Рядом с господствующим чеш. *šť=šć*, и это послѣднее или остается в чеш. и морав. говорах, или, как в домажлицком и средне-чешском дает *chč* из šč: *chčesti, nechčesti, chčebetat* (Šemb. Základ. Dialekt. 17, 22, 35, 48). Это послѣднее явленіе слѣдует сравнить с чеш. *hřebí, hřibě*, в коих начальная гортанная нетолько нестарше *ж* (жрѣбий, жрѣбя), как думают Гаталла и Гейтлер (Fon. § 126), но предполагает уже ассибиляцію р (г), или, как в *hlíza* (жлѣза) сильную палатализацію *л*. Подобным образом чеш. *třída, střemcha, střevo*, поль. *trzoda* и пр. из *čřěda, čřevo, czrzoda*. О послѣднем—Бод. де Курт. О древнеполь. яз. § 57, гдѣ и обратный случай: измѣненіе *rz* в *r* вслѣдствіе палатализаціи предыдущаго *s, z, ž*: *środa, źródło, źrebię* из sřoda, zřódło, žřebię [1]).

---

[1]) Труднѣе объяснимы во всяком случаѣ далеко отстоящія от этих спорадич. явленія, как болг. *бръю* (из *бръзо*), мр. „*на глах лободах*" (в поговорочном архаич. выраженіи = на злах), что я сравнил (Два изсл. о зв. 137) с *х* и *с* (прохати). Относительно спорадич. рѣдких форм, как *викер* (Паремейн. 1271, Бусл. Хр. 73; дальше правильно *вечер*), мр. (брест. у. гродн. губ. и др.) *кéрез* (через), *кароватu, поскепаны* (Сл. о П. Игор.), проскѣпъ (Лавр.[1] 76) =серб. проспијеп, думал (Arch. f. Sl. Ph. III, 378), что *кароватu* можно вывести из *чяроватu* через неб. *т*: +*тяр*-, которое бы относилось к *чяр*-, как свз. мр. покéмиш к вост. *тямиш*; но теперь считаю это неудачным, т. к. остается необъясненным переход

ж) Діялектическія серб. ф., как *шhита*, прямо предполагаются формами, как серб. *штит* и т. п. Аналогично т' из ħ перед н': *божитни, синотни, гатник*, формы пошедшія по направленію очень далекому от превращенія *ч* в spirans (вруcc. всéнощная, свр. гасьник из гацьник, гачник). Отвердѣвшее *ч* сохраняется в *ишчешљати, ишчупати, рашчинити, рашчистити*.

з) *Шч* из *ск, ст, чт* до нынѣ сохранилось в нѣкоторых болгарских говорах, как в Дебрском *шчо* (из *что, што*

+*тяр-* в *кар-*. Вѣрнѣе будет исходить из явленія, в дѣйствительности коего несомнѣваюсь, т. к. встрѣчал его сам, именно из наклонности нѣкоторых дѣтей произносить род гортанной вм. шипящей: заставляешь произнести *пшеница*, выходит *пхени́ца, пахеница*, при чем *х* может быть или звуком средним между *ш* и *х*, или чистым *х*. Всѣ вышеприведенные примѣры спорадичны, а потому могут считаться происшедшими от вліянія отдѣльных лиц. Болѣе, так сказать, эпидемическое явленіе того же рода— переход *с* в общеславянское или діялектическое *х*. В обоих случаях—движеніе по направленію, противоположному переходу гортанных в шипящіе.

Иначе думает Миклошичь:

„Хотя измѣненіе *ке* в *че*—праславянское, однако нѣкоторыя *ке* незахвачены звуковым переворотом и сохранились до нынѣ. Так существует хорут. (nsl.) *krez* при *čez* вмѣсто *krêz* и *črêz*, первое основано на *kerz*, второе на *čerz*. Нов. слов. *krêpa*, ubit lonec, при *črêp*. Мр. *керез* при *через*. *Гърло* в праславянском звучало: *гердло*, что сохранилось в чеш. *hrdlo* (gerdlo, grêdlo), коего нельзя выводить из *žřídlo* (žerdlo); также, именно из *gerbę* слѣдует объяснять ч. *hřibě*; ч. *hlíza, hláza* при *žláza* основано на *gelza*; подобным образом ст. сл. *кръть* talpa — из *kert*; +*кръть*, серб. *крт* кроxкій—конечно (wohl) — из *kertъ*: гот. *hardu*, греч. κρατύς. Далѣе я думаю, что за основанія для *-гага* в *изгага* πύρωσις, для *гасити* и *казити*, слѣдует принять *гег, гес, кез*, из коих первое имѣется в формѣ *жег-*, послѣднее — в *чез-*". Altsl. Lautl.[3], 247.

Разномысліе идет здѣсь весьма далеко. Я пока невижу необходимости отступать от своего мнѣнія: *krez, krêpa, керез* — из чрѣзъ, чрѣпа, через: *грьло* непредполагает *гердло*; *hřídlo, hřibě, hlíza*—из *žř-, žl-*; *кръть* не из керт-; *изгага, гас-, каз* непредполагают *гег, гес, кез*.

как в русс. говорах), Костурском—*Бобишча, Олишча*; *Корешча-кол* (Яринов в Период. спис. на Бълг. книж. друж., год. I, XI—XII, 159, 164; ср. Mikl. V. Gr. I, 289—90: къšče, dъščісъ). В других болг. говорах, со включеніем древ. ц. сл., *шт'* из *шч'* (=ск, ст) возникло многими столѣтіями раньше чѣм в чеш., м. б. еще до начала ц. слав. письменности. При этом ц. слав. язык сохранил в себѣ доказательства такого перехода, именно в формах, гдѣ *ч* этимологически дано. Из форм как *бес-чина*, которыя, Mikl. V. Gr. I, 216, напрасно считает за „unaussprechlich" и „unrichtig" (мы чувствуем полную возможность различенія *сч* и *шч*, особенно послѣ гласных, и неможем в той же способности отказать писцу Супр. ркп. и пр.) возникает *беш-тина, иш-трьва* (Mikl. ib. 215 — 6, 188). Эти послѣднія объяснимы без посредства полной ассимиляціи свистящей предлога и послѣдующей шипящей; но так как имѣются формы *и-чрьва, бе-чина* (ib.) *бе-чину* (Срезн. Пам. русс. п. 195), и аналогичныя с ними *и-цѣлити*, которыя удобнѣе всего объяснять из *беч-чина иц-цѣлити*; то, сходно с предложенным объясненіем *пешчи* из *печчи*, можно также объяснять и *беш-чина* из *беч-чина*.

2. *зг, зд*.

а) Основное видоизмѣненіе этих сочетаній в русском есть *ждж'* (небное дж': бреждже́ть (брезг-), ѣжджю), которое частью, по говорам, отвердѣвает и дает за тѣм *жж*, частью сохраняет мягкость (мѣстами и до нынѣ), откуда діялектическія формы ж'ж' (ѣжжю), *жд'* (ѣждю) *жг'* (стар. новг. дъжгь), см. в моей ст. Замѣт. о мрусс. нар. 81—5. Относительно *жд'* ср. на пр. костром. *можд'елёнок*, теленок, собств. слабый, хилый (мозглый), мозгляк, как *тел*а при скр. *таруна*, нѣжный, молодой, гр. τέρην, мягкій нѣжный); обл. вр. *можжевельник, можжевельник*, juniperus *можжуха*, сушоная можжевеловая ягода. Относительно *жч* в стар. русс. памятниках см. l. с. 81—2 и Колосова, Очерк, 47, пр. 3; *щ* в *дощ*, встрѣчается в мр. говорах, в коих по общему правилу конечные звучные неизмѣняются в отзвучные, но, как бы ни было, объяснимо только из дожджь.

б) Что цер. слав. *раждиѥ*, — *гвожденъ* предполагают

ж'дж͡, в этом убѣждают формы как *вѫжджелѣти* и пр., (Mikl. V. Gr. I, 188, 214) из *+вѫж'дж͡'елѣти, въз-желѣти*. Беру назад свое мнѣніе, что „русская форма *дъждь*" (первоначально двусложная) может быть только мнимо тождественна с такою же ц. слав. (Зам. о мр. нар. 83). Здѣсь может быть разница во времени происхожденія, но сходство процесса полное. Неудовлетворительно также ib. 82 выраженіе, что в случаях *иждити* (=из-жити) „ст. сл. язык опускает или, что на тоже выйдет, переставовляет второе ж в *+ижджити* (в галиц. св. 1144 г. ижчивши). Опущеніе есть здѣсь лишь движеніе *дж͡'* по направленію к д' (тому д', что в русс. *дядя*), а перестановка здѣсь совершенно фантастична.

Предполагает ли нов. болг. *дъж*, *виж* отвердѣніе конечнаго *жд* (дъжд серб. дажд) или же, по крайней мѣрѣ в нѣкоторых говорах, исчезновеніе *д* в *жд* произошло через посредство сильной палатализаціи, как в хорут. *dež*, род *dežja*, *drožje*, во всяком случаѣ эти формы предполагают *дъждь* и, я думаю, *дъжд'ж͡'ь*, хотя, б. м. в хорутанском— с болѣе слабою ассибилаціею *дж'* чѣм на пр. в русском. Тоже о серб. *мождина* (мозг-) в коем *г* сочетанія *зг*, чтобы стать *д*, должно было перейти ступень *ж'ђ*.

б) В сѣверо-западных нарѣчія в общем—тоже. В поль. *maždžę*, *druždžę*, *drzaždže* (сред. р. от drzazg-), *gwiždžę*. Сходно с мр. *дощ*, *дощу*, *вищати* (визг-) в поль. *brzeszczy* się (брезг-), *deszcz* (deszczu и *dždžu*, что указывает на *дъжджь*) *dreszcz* (дърг). Кашеб. jeżdżę. Полаб. *bresdjoje* (taget), т. е. breźdźoje (Шлейх. P. Spr. 141, читает *brezg'o je*, что вошло бы в колею стар. сѣв. вр. *дъжгь*). — Нлуж. *rozdže*, влуж. *Draždźany*. Чеш. *rožď'i* (rozha), *zmíždití* (mizha), *hyždĕn*, *hvíždí*, слов. *raždie*, *zmiaždit'* (но druždža-ti)—из *ždž'* с чѣм. ср. *šť* из *šč'*.

3. Основныя sj, zj=общеслав. *ш'*, *ж'* (*пишж*, *кажж* с первоначально небными шипящими) [1]. Подобно этому

---

[1]) *ш*, *ж* перед *лj* (мышлѥнъ, кажнѥнъ) может быть, лишь явленіе діялектическое. Хотя в поль. *myślę ś* и может быть из

первый шипящій звук в замѣнах *ск, ст, зг, зд* есть явленіе общеславянское. По отношенію ко второму элементу замѣн разсматриваемых сочетаній разница представляемая звуками *шч* (твердое), *шш, ш, шт'* (небное), *шт*; *ждж͡* (тв.), *жж, ж, жд'* (небн.), *жд, жг'* (небн.)—лишь позднѣйшая. Сомнѣніе относительно первичности шипящаго втораго элемента в замѣнѣ *зд, зг* может быть только относительно одного хорут. *žj*. Сомнѣніе это может и неоправдаться, т. к. переход от ђ к j через небное *г'* весьма возможен. Во всяком случаѣ это нарѣчіе немѣшает для *ск, ст* принять общеславянское измѣненіе *ш'ч'* (ш'ћ). Шипящій характер второго элемента условлен таким же характером перваго. Здѣсь, как и выше, относительно замѣн *к, г+ти,* можно принять два момента ассимиляціи: регрессивный и прогрессивный.

Еслибы в предположенном выше западно славянском +*пецци* (=пек-ти) *ти* когда либо прежде возъимѣло силу превратить гортанную в шипящую, то вѣроятно получилась бы форма не *пеци*, а *печи*, подобно тому, как в нов. поль. от *czćić*—не *czcę* (что могло быть возможно пока *ч* и *ц* раздѣлялось остатком глухой гласной), а *szczę*. Так как западно слав. ц (=тј) я пытаюсь объяснить тоже ц'ц', а дз͡ (=дј)—из дз͡'дз͡', то из невозможности предположить шипящую для поль. *piec* для меня вытекает такая же невозможность для *świeca, przędza*. Мнѣ кажется, что изслѣдователи заключающіе от *chłoszczę, gwiżdżę* к предшествующей ступени *ч, дж͡* в *świeca, przędza* недостаточно принимают в соображеніе между прочим особенность характера измѣненій основных *ст, зд*.

Другое заключеніе относительно происхожденія цсл. болг. *шт, жд* (=тј, дј), основаннаго на измѣненія *стј, здј* откладываю до слѣдующаго.

ś' (ср. dušić, душити), но может быть и нѣт. Подобным образом м. б. лишь діялектична ассибиляція зубных перед рј (ц. сл. съмошрж, оумжждрен, Mikl. Gr. I, 187). В русс. литер. *мышлю*, но *казню*; *смотрю, бодрю*.

VI.

Измѣненія tj, dj = ц. сл. шт, жд.

1. По господствующему мнѣнію, *шт, жд* в *свѣшта, межда* и т. п. объясняются из перестановки *тш, дж*, которая будьто бы подтверждается Дорійским βρίσδα при ῥίζα. Признаюсь, теперь мнѣ это объясненіе непостижимо: а) В этом случаѣ предполагаемая перестановка обнимает весь ряд однородных звуков. Другого такого примѣра в области славян. языков нѣт. По крайней мѣрѣ, сколько извѣстно, никто его неуказал. Обыкновенно перестановка является лишь как отдѣльный случай, как исключеніе: из мазов. *rśioda* (środa), словац. (Гемер. и др.) *zväl* (взял), серб. *све* (все), мр. *шевлія* (заблуд. шалвея, salvia) неслѣдует что в тѣх же говорах так перестановляется всякое śr, vz, vs, лв. Столь же единичны такіе случаи, как мр. *ведмідь* (медвѣдь), *колóпні*, род. *колопéнь* (кобрин. у. гродн. г., вм. коноплі, конопель), *тверезий*, вр. *твepёзый* (терезвый), *намісто* (у Гуцулов в Буковинѣ *монество*). б) Допустим однако удивительное, что *всякое тш, дж* (=tj, дj) перестановляется. Такой процесс предполагает существованіе в языкѣ раздѣлимых обыкновенным сознаніем элементов *т-ш, д-ж*. Но такая раздѣльность нисколько неподтверждается нынѣшним славянским и, если неошибаюсь, романским произношеніем *ч, дж*. Это, как уже упомянуто (I), звуки совершенно цѣльные и весьма отличные от сочетаній *т-ш, д-ж*, которыя тоже встрѣчаются. *Дж͡, дж͡'* мы

изображаем двумя буквами лишь чтобы невводить новых начертаній, а не то, если дадим волю своему стремленію к точности, прійдется потребовать, чтобы читатель для всякаго нашего фонетическаго изслѣдованія выучивался новой азбукѣ, рискуя потом прійти к выводу, что игра нестоила свѣчей. Если нѣкогда *ч*, *дж͡* состояло из двух явственных элементов, то это должно быть доказано не одною нѣмецкою трансскрипціею; если нѣт, то в *ч*, *дж* столь же невозможна перестановка, как и в *т*, *д*, или в *т' д'*, или в ћ, ђ. в) Допустим однако, что равенство *ч* и *ш-т*, *дж͡* и *д-ж* доказано. В таком случаѣ и брусс. *ц'*=*т'с'*, поль. *ć*=*ц''*=*т''с''* и т. д. Что это за странный язык *ц. сл.* и *болг.*, который перестановляет элементы *тш*, *дж*, вмѣсто того, чтобы слить их в цѣльные *ч*, *дж͡*, или упростить еще болѣе, что требовалось бы, по видимому, удобством произношенія? И как это случилось, что в слав. нар., столь богатых звуками этого рода, мы встрѣчаемся часто со случаями упрощенія, в родѣ хорут. *teja*, н. луж. chojźiś (=chodźić), и ни разу, кромѣ спорнаго случая, с перестановкою? Не простительно ли искать другого пути для объясненія *шт*, *жд*?

2. Сказанное выше (IV, V) дает возможность ввести в изслѣдованіе новыя данныя. Если счесть маловѣроятным предложенное выше объясненіе *пешти* из *печчи* через *пешчи*, то все же по меньшей мѣрѣ вѣроятно слѣдующее соображеніе: *шт*, *жд* происходят с одной стороны из *ск*, *зг*, *с-ч*, *з-ж* (*иштисти*, *иждити*), с другой стороны—из *ст*, *зд*, *т*, *д*. Несомнѣнно, что в первых 4-х случаях *шт*, *жд* должны были перейти через ступень *шч*, *ждж͡*. Отсюда вѣроятно, что они перешли туже ступень и во вторых 4-х. К этому теоретическому соображенію присоединяются свидѣтельства. М С. Дринов говорит: „я имѣл случай слышать своими ушами, что многіе македонскіе Болгаре произносят *щ* не как *шт*, а как *шч* или *сч*" (Период. Спис. год I, XI—XII, 204). Хотя, к сожалѣнію, примѣры, встрѣчающіеся в напечатанных образцах, записанных Дриновым (см. выше), недостаточны, но все же из этого одного свидѣтельства можно заключать, что произношеніе *шт* или *шт'*

которое древнѣе (шюмаштю, Будил. Изслѣд. XIII Сл. Григ. Богосл. 12 и др.), никогда небыло общеболгарским. Извѣстно, что на Руси с незапамятных времен существует преданіе, что ц. сл. щ или ш҃ слѣдует произносить как *шч*, при том нетолько в словах, ставших обычными в русском языкѣ, но вообще, без исключеній в пользу *шт* или *шт'*. Проф. Лескин говорит: „Вездѣ, гдѣ русс. язык, вм. свойсвеннаго ему *ч* (т. е. тш), позаимствовал из ст. болгарскаго *шт* из *тj*, вмѣсто этого *шт* является *штш*, *шч*. Это можно понять только предположивши, что было не *шт*, а еще *штj*, в коем *тj* согласно с русским правилом измѣнилось в *ч*, так что возникло *шч*, на пр. из *дѣлажштjаго* (štja-ago)—dělająštšago. И там, гдѣ русс. яз. удержал ст. болг. *жд*, в произношеніи слышится иногда *ždž*. Оно встрѣчается по Буслаеву в русс. пам. XII в., на пр. в *дъжчь*, и должно объясняться таким же образом“ (Beitr. VI, 164). На мой взгляд j как звук, а не как знак небности предыдущей согласной, немогло существовать на пр. в -штја- (из tja) послѣ того как оно ассибилировало предыдущую согласную. Допустим однако сочетаніе *тja*, *тje*, то есть по русс. пониманію *тъя* или *тья*. Сколько извѣстно, в историческое время нѣт такого русскаго закона, по которому бы на пр. *щастье* (-st'je) преобразовывалось в *щаще*, а тѣм менѣе *платье* (-t'je) в *плаче*. Допустить прогрессивную ассимиляцію со стороны *ш* в сочет. *штя* (šťa), а тѣм менѣе в *шта*, как стремленіе повсемѣстное, тоже трудно. Правда, есть два примѣра, именно діялектич. *що* из *штё*, *што*, *чьто* (Два изсл. о зв. 70, 87—8, 135) и ситск. *пѣщо* из *пѣжтё*, *пѣжьте* (ib. 88); но рядом с этим существует совершенная легкость произношенія *шт* (в што = чьто не менѣе, как с XIII в.; Грам. Смольнян 1284 г. Собр. гос. грам. и договоров II, 6) и свойственное многим говорам стремленіе превращать свое собственное *щ* в *шт* (шти, штепка). Если человѣк привык на пр. к своему *жди* (от ждать), то зачѣм ему превращать ц. сл. *гашти* в *гащи*? Поэтому мнѣ вѣроятно, что ц. сл. *шч*, извѣстное уже в весьма древних памятниках (в Слов. Григ. Слов. *имжиче* и еще 10 при-

мѣров, Будилов. I. с. 24), в первые вѣка христіянства было, если не единственным, то почти всеобщим в Болгаріи, и болгарскими учителями занесено на Русь. Этим наиболѣе удобно объясняется всеобщность русс. щ=шт. Само собою, что это *ш'ч'* было небно.

Что до *жд*, то здѣсь на против общее правило требует его произношенія как *жд*: *надежда* а не *-жджа*. *Дъжчь*, как и ⁺*дъждж̑ь* есть форма русская, незаимствованная. В основаніи этого слова может лежать лишь ф. с *зг* или *зд*, что одно только дѣлает возможным отсутствіе в ней діялектич. различій. Исключенія из правила *жд*=*жд* весьма рѣдки: в юрусс. поуч. Ефр. Спр. XIII в. *тужчими* (т. е. тужд̑жими), Срезн. Свѣд. и зам. гл. VI, 50). Можно думать, что в самом болг. *ж'дж̑'* гораздо раньше превратилось в *ж'д'* (небн.) и *жд*, чѣм *шч'* в *шт'* и *шт*.

3. И так мы можем спрашивать не о том, как возникло *шт* (довольно ясно, что оно — из *шт'*, а это из *шч'*), а о том, как произошло *шч'* (=тј), гевр. *жд̑ж'* (=дј). На этой точкѣ стоит г. Кочубинскій с тою особенностью, что по его мнѣнію русское *ч* (=тј) предполагается всѣми славянскими нарѣчіями, это *ч*=*тш*, в ц. слав. же „шипящій звук послѣ *т* (в тш) вызвал впереди второе шипѣніе." В доказательство первенства *ч* перед *шт* в болгарском он приводит из Супр. ркп. (243) „сѫштиимъ въпльчениимъ" и из Дебрской пѣсни, записанной Дриновым, *тъпчеше*. Об этом рѣчь ниже. Для оправданія перехода *ч* в *шч* г. К. ссылается только на мр. *шчо* (Основн. вокализ. I, 50—1), которое однако образовалось вовсе не из *чо*, как думает г. К., а из *што*, а это из *что*, *чьто* [1]). Я тоже непахожу аналогій, кромѣ рѣдких спорадич. случаев, которые могут быть чисто личным недоразумѣніем: *Щурила* (вм. Чурило, Гильфердинг Былины 523, —7, м. б. в силу сближенія его щурить), *щеботы* (Рыбн. IV, 59). Другіе примѣры (Колосов, Матер. для характерист. сѣв. вр. нарѣч. 30) объясня-

---

[1]) Считаю ошибочным предположеніе, что *що*—из *ч'чо* (в) моей ст. „Разбор соч. Житецкаго „Оч. зв. ист. мр. нарѣч." 74.

ются иначе: *щанъ* из *дщанъ*, а не из *чанъ* (которое из ччанъ), *перщатки* не из *перчатки*, а из перстьчаты, перщчаты (рукавицы); *помущается, пещеры* — заимствованія из книжного языка, а не фонетич. преобразованія форм *помучаешися, печера*.

Совсѣм на оборот думает Колосов (Очерк и пр. 47): „из *шч* могло явиться *ч* через уподобленіе перваго элемента второму: свѣшчя=свѣчча=свѣча.“ Здѣсь я считаю маловѣроятным переход длительнаго, болѣе легкаго для произношенія *ш* в сочет. *шч* в одновременное *ч*, обратно стремленію мн. русских говоров измѣнять *щ* в *шш, ш*.

Нѣчто подобное относительно *жд* — в Бусл. Гр. § 36, прим. 6: „смягченіе *д* в *жд* свойственное ц. сл. языку уцѣлѣло.. на пр. в арх. *урождай*, пск. тв. пенз. *забиждать* (обижать), твер. *поваждать* (давать повадку), сиб. *прихождане, неурождай*, ряз. *обийжда* (обида), *обиждать*. Особенно любопытен в областном языкѣ остаток ранняго ц. сл. смягченія *жд* вм. *жж* в олон. *прiѣждял, проѣждял*, Рыбн. II, 253, 255,“ К этому прибавлю из Колосова, Зам. о яз. и народ. поэз., Отч. 5, губ. арханг., вологод., перм., 48: *урождай* (в. устюж., сольвычег., ирбит.) прихождать (тотем.), прихождане (и прихожане, арх.), обвождять лошадь (тотем., обводить; не обвожжать ли?), горождане, обиждаться (тот. кадн.), съижденіе (тот. съѣденье); в одном ублаждать (тот. кадн.) *жд* из *г*.“

Прежде всего неслѣдует смѣшивать *жд'* из общерусс. *ждж͡'* из *зд, зг*, как в прiѣждял (-ѣждж͡ял, -ѣжжял, -ѣжжал) с *жд* из *дj*. За тѣм это послѣднее в русс. говорах никак неможет считаться уцѣлѣвшим от того времени, когда в этом отношеніи небыло разницы между ц. сл. (болг.) и русским. Ни русское *ч, дж = ж* немогли возникнуть из *шт, жд*, ни на оборот. Областное спорадическое русское *жд* допускает двоякое объясненіе: Или это „плѣнной мысли раздраженье,“ заимствованіе из книжнаго языка, как *младъ* и др., в пользу чего говорят формы образованныя по ошибочной аналогіи, как *обийжда* (обида), *ублаждать* (благ), *съижденье* (ср. впроч. и в поль. jedzenie при jedzą,

wiedzą), а равно и то, что в малорусс. ф. с *жд* почти исключительно в слѣпецких думах и псальмах (на пр. в Зап. о юж. Руси I, ненахождали, знахождае, вхождае, 53, 57, 59), или же — что предыдущее объясненіе вѣрно лишь отчасти и что ф. как сѣв. вр. *урождай* образованы самостоятельно через *дж҄'дж҄, жд'*. Второе объясненіе нахожу маловѣроятным потому, что, судя по *жд'* и *жж* из *зд*, *урождай*, если бы было незаимствовано, должно бы звучать аналогично с русс. *вождж̑и, вожди, вожжи* (пишут иногда *возжи*; ср. поль. *wodze*, литов. *wadżos*), именно *урождж̑ай*, *урождяй*.

4. При равенствѣ прочих условій, которое установить, конечно, нелегко, объяснять форму русскую из ц. слав. и на оборот, болѣе рисковано, чѣм возводить ту и другую к третьей, ими предполагаемой. По этому правилу ни *голова* из *глава*, ни на оборот. Т. о. я пытаюсь принять за общую русско-болгарскую форму основного *тj—ч'ч'* (как и для +*к-ти—ч'ч'и*), а основного *дj—дж҄'дж҄'*. Отсюда мнѣ кажется легче вывести с одной стороны *шч'*, *ждж҄'* и *жђ*, а с другой русс. *ч'*, *дж҄'* (небн.).

Быть может еще в XII—XV в болгарском на мѣстѣ *шт* или *шт'* слышался звук удвоенный. В этом смыслѣ можно понимать то, что в Норов. псалт. относимой к XIII в., при *шт* (просфештаетъ) и *щ* (нощиѫ), стоит *щт*: на сѣдалищти, нощтиѫ, при исходищтихъ (Срезн. Пам. юс. письм. 61, 211). Другой такой памятник—статья болгарскаго происхожденія, со слѣдами большой древности языка в Сборникѣ XV в. Моск. Общест. Истор. и Древн. № 180 (Бусл. Ист. Хр. 151 — 8, 641 — 56), гдѣ рядом с *шт* и щ (ib. *жд'*: надеждю 157, 20) находим и щт: немыщтенъ 156, 10, приѣмѣшающтаго 156, 31, нищтии 157, 13, ащте 157, 14, истъщтить 157, 17. Один раз замѣтил я щ вм. *ш:* богатѣйщѫ 157, 9, гдѣ м. б. просто описка, а не произношеніе, как мѣстами в мр. богатіщий.

5. Преполагаемое удвоеніе +*свѣч'ча* и т. п. находит слѣдующія аналогіи:

а) В вост. мрусс. j в оконч. *je* из *-ие* (resp. *ии, ию,*

цjи) удвояет предыдущую согласную, между прочим зубную, при чем само, как самостоятельный звук, исчезает: *плáт'тя* (=t't'a) из *-тиє*, *колод'дя́* (d'd'a) из *-диє* (Два изсл. о зв. р. яз. 131). То, что здѣсь невозникают ни свистящіе, ни шипящіе звуки зависит от свойства j: при болѣе зубном j получаются формы с *ц'ц'*, *дз'дз'*, встрѣчаемыя мѣстами в брусс.: *плац'цє*, *колóдздзє* (Носович, Бр. Слов.; Два изсл. о зв. 72); при болѣе заднем j получилось бы *ч'ч'*, *дж'дж'*.

б) В древ. греч. τj между гласными дает или аттич. ττ (κρεíττον), которое могло возникнуть через форму=мрусс. *т'т'* в *плат'тя*, или σσ (κρέσσων, κρεíσσων). Мнѣ кажется, что в послѣднем случаѣ σσ объяснимо лишь через ф.= брусс. *ц'ц'*, при чем переход *ц'* в *ć* (*ś*) и *с*—как в нлуж. chojźiś (chodźić), сѣв. вр. *яснóй=ясьнóй=яцьнóй=ячьный* (ячменный). В мр. и брусс. первый элемент удвоенія *т'т'*, *ц'ц'* столь же небен, как и второй. Поэтому затруднительно припять предположеніе Курціуса, что в греч. сначала +μέλιτ*z*α (с мягким z, из +μελιτjα), за тѣм, „durch den verhärtenden einfluss des τ." — +μελιτσα, откуда с одной стороны в силу прогрессивной ассимиляціи μέλιττα, с другой, в силу регрессивной, μέλισσα (Grundz. d. Gr. Et.[2] 593). Признаваемая „общепризнанным фактом" перестановка ι (j) на сю сторону λ, μ, ν, ρ (οφεíλω, κτεíνω, φθεíρω из — λjω и пр.), а также в случаѣ κρεíσσων (Curt. ib. 609—10) с точки брусс. *прóйци* (проти(в)), н. луж. *chojźiś* представляется не перестановкою j (ибо в *прóци*, chozis, звука j вовсе нѣт), а возникновеніем его в силу небности ц', ź. Эта небность при этом может оставаться, как в приведенных примѣрах, из чего слѣдует, что появленіе j спереди согласной не есть вознагражденіе за потерю небности. За тѣм может слѣдовать отвердѣніе согл., как в одном из словац. говоров: *majc* (из mać). *majceri* (=maćeri), *hojscina* (hosćina), Šemb. Zakl. Dial. 78. Вот еще нѣсколько примѣров этого рода из области ю. слав. нарѣчій. В Крижевацкой границѣ: na vrajnčiću koňu (Različ. dela Iv. Kukuljevića Sakcinskoga, IV, Zagr. 1847, 133), ojćeš li

(хочешь) 134, 135 (но neću), mojmče (134 et pass., из +мом'че с *м* небн.), štrajnga (139, из штранга, der strang); aingeli, Mijajla arkajngela (186, Koprivnica, u križ. v orm.).

Если ζ из δj в δζω (и в соотвѣтствующих из γj (через δj) и из j через δj) предполагает удвоеніе, что можно предположить, судя по σσ = τj и по δδ = δj в нѣкоторых древн. греч. говорах (κριδδέμεν при κρίζειν, stridere, Curt. Grundz.[2] 548—9), то для ζ одна из предшествующих ступеней=брусс. дз̑дз̑, а для δδ=мр. *д'д'*. Мнѣніе, что беотійск, θερίδδω произошло из *дз* в θερίζω, жну, подобно тому, как будьто бы, ττ—из τσ (Grundz.[2] 598), кажется менѣе вѣроятным.

Эолійское *βρίσδα* (при общем ρίζα=Fρίζα) принимается за перестановку из—*ζα* (Schleich. Zur vergleichend. sprachengesch. и Compen.[1] § 184, 4; Curt. Grundz.[2] 628) и приводится как единственное доказательство существованія перестановки *ч, дж* в *шт, жд* в ц. сл. и болгарском; но б. м. это σδ должно служить аналогіею не для перестановки *дж* в *жд*, а лишь для превращенія перваго элемента удвоенія *дж̑дж̑* в spirans. Именно *βρίσδα* и эол. σδυγόν (при общ. ζυγόν=+д-југам) Curt. ib., м. б. из Fρίζζα, ζζυγόν, т. е. с первоначальным небным *дз̑дз̑*, откуда *з'дз' з'д' зд*; ср. выше, стр. 12, хорут. stezda. Конечно, удвоеніе из *дј* не между двумя гласными, а в началѣ слова (σδυγόν) должно быть явленіем довольно рѣдким по затруднительности произношенія. В слав. языкѣ неизвѣстно для этого ни одного достовѣрнаго примѣра, ибо *ждегоуть*, встрѣченное Миклошичем один раз в пам. XIV в. (Lex. s. v.) и возводимое Шмидтом к корню *dagh* через дјаг (Beitr. VI, 140), само нуждается в подтвержденіи. Оно может быть неправильно отвлечено писцом из форм как *иждегж, раждегж* (т. е. иж-д-жегж и пр.) или же из форм, в коих в силу исчезновенія *ь* в *жьж* (жьг-) развивается ждж̑' откуда жд' (серб. од образа *зажди* Џевердана;" т. о. и *уждити, сѫждити* и пр.) (Ch. Mikl. Altsl. L.[3] 246). Точно также и *dż* в поль. *dżgać* (русс. жигать) может быть того рода что в *джелњзо*, но не того, что в мр. *меджа* = *miedza*.

Как бы ни было, но на удвоеніе начальнаго звука в греч. говорах указывает и написаніе Ττῆνα (Τῆνα=Δῆνα=Ζῆνα при Δεύς=Ζεύς, Curt. ib. 547).

Перестановку, обратную предполагаемой в βρίσδα, именно σδ в δσ Шлейхер (Zur vergl. Sprachgesh. 159) принимает для Ἀθήναζε вм. -ασ-δε. Однако и здѣсь можно обойтись без перестановки, предположив из основного *-зде* формы *зд͡з'* и *д͡з'*, а так как ζ превращается в чистую spirans, то и *з*. По поводу этого слѣдующее:

„В нѣкоторых мѣстностях (около Рагнита), говорит Шлейхер, вм. *zd* слышится чистое *z*: *barza*, *laza*. И у рыбаков Куришгафа я слышал только *veizét*, наст. *véizu* вм. *veizdéti*, *veiždžu*" (Lit. Gr. § 23, 7). К этому прибавлю, что и в жмудском букварѣ, на который я ссылался выше, хотя *лазда* палка, *жвайзде*, звѣзда, *омздис*, *вамздис* дудка, но и *вамзис* ib. 27, *привейзѣты* присмотрѣть, *вейзу* смотрю, *пар неапсывейзейима* по неосмотрительности, *павейзеймас* взгляд. По мнѣнію Шлейхера (l. c.) это явленіе объясняется тѣм, что из *d* образовалось сначала *dz*, из коего в одну сторону чистое *z*, в другую перестановка *zd*, как в греч. σσ из ζ, в цсл. *жд* из *дж*. „Замѣчательно однако, что это *zd* в литовском вызвано не слѣдующим j."

Т. о. Шлейхер принимает за обще-литов. форму не *barzda* а $^{+}$*bardza*, построенную чисто теоретически, однако необъяснимую, за отсутствіем этимологически-даннаго j. Поэтому можно попытаться думать иначе. *zd* в *barzda* из *dzd*, а это из *dd* (как в vez-dinti *vèz-damas* от ved). Гдѣ *dd* недано этимологически, там оно могло возникнуть из *d* вслѣдствіе неизвѣстных тонических условій, б. м. подобных тѣм, которыя заставляли между прочим стар. хорват. писателей удвоять согласную, слѣдующую за болѣе тяжким удареніем. Ср. также изрѣдка в поль. Bibl. Zofii paddło, 166, ukratdli 166. Предполагаю, что такое сначала малозначительное удвоеніе могло дойти до диФФеренцированья своих стихій. Б. м. поль. wszystko из wšittko (стар. поль. формы с одним t, как wszitką, Bibl. Zofii 167 обычны), а чеш. všecko из všetstko, všettko, všetko. Затѣм литов. *zd*,

дает ⁺zdź, откуда ⁺źź, ź: ⁺veizdzéti, ⁺veiźźeti, *veiźét*. Вышеприведенное *лазда* при *вамзис* показывает, что здѣсь нужно смягченіе и что для объясненія *barza* (=barzda, борода) нужно ⁺*barzdźa*.

в) Романскіе языки представляют массу случаев превращенія неударяемаго *e*, *i* перед гласною в j, образующее с предыдущею согласною многообразныя новыя сочетанія, из коих отмѣчу:

α. *tj* между гласными послѣ ударенія = итал. zz (из ⁺ц'ц': giustezza), исп. z (отзвучная, почти spirans, с чуть замѣтным притяженіем языка к зубам: dureza), франц. ss (justesse), отношеніе коего к италь. zz объясняет греческое σσ=τj.

β. dj (с латинским d, а равно и j, gj, bj, vj) между гласными послѣ ударенія=италь. ggi (т. е. первоначально *дж͡'дж͡'* или ђђ: seggia). Итал. *seggo*, *veggo* (sedeo, video) предполагают небное *д'д'* и его переход к гортанному порядку. Франц. *ж* из *dj* через *дж͡* (siege) относится к *ss* в justesse, как греч. ζ в ὄζω к σσ=τj. Исп. y (=ij т. е. ⁺jj) из дj (poyo = ит. poggio = podium) аналогично с хорут. meja (⁺mejja=ц. сл. межда).

β. Итал. dj с другим j, отличным от предыдущаго, болѣе зубным, = zz (v. z.) со звучным z (по Дицу *ds*, но скорѣе dz=дз), происшедшим вѣроятно из сочетанія в родѣ брусс. *дз͡'дз͡'* (дз' небн.): mezzo (medius), razzo (radius). Условія при которых между двумя гласными — одно z (bazo = badius) неясны. Все это аналогично с западно-слав. *дз=з* (=⁺дj).

6. Ц. сл., болг. *шт*, *жд* (т. е. первонач. *шч'*, *ждж͡'*= тj, дj) двояким образом наводят на предположеніе для них переходной ступени *ч'ч*, *дж͡'дж͡'*: во первых тождеством *шт*=тj с *шт* в *пешти*, которое, по предложенію, из ⁺*печчи*; во вторых самим своим видом *шт*, *жд*, необъяснимым посредством перестановки из *ч*, *дж͡*.

Для остальных слав. нарѣчій имѣет силу только первое из названных основаній: если для *пеħи* и пр. нужно предположить, как предыдущую ступень, шипящую из *к* в

+пекти и если т. о. ћ в *пећи* предполагает болѣе сложный звук (ћћ?), то можно предположить и для ћ в *свијећа* тоже самое. Т. о. вся гипотеза относительно замѣн тј, дј слѣдующая:

а) цсл. *свѣшта* из *-штя, шч'я, ч'чя,*
межда из *-ждя, -жджя; дж'джя;*
русс. *свѣчя* из *-ч'чя, меджя* из *дж'джя;*
серб. *свијећа* из *-ћћа, међа* из *-ђђа,*
хорут. *svěča* из *-ч'чя, meja* из *mejja*, а это из ђђа, близкаго к сербскому.

б) запад. слав. *svěca* из ц'ця, medza (resp. z) из— дз'дз'а.

Общій характер первой группы тот, что ј в ней болѣе заднее, между тѣм, как во второй — зубное.

Позднѣйшее прим. В частностях здѣсь нужны поправки. Хорут. *-ča*—из *-чя*, но удвоеніе могло существовать не на этой ступени, а на предыдущей, когда на мѣстѣ *ч* стоял звук, изображаемый во фрейзинг. ст. посредством *к*. Несомнѣваюсь, что в *choku* (=хочу) немогло стоять ни твердаго *к*, ни того, которое в русс. *-кя*. Ср. Mikl. Altsl. L.[3], 223. Взгляды этого ученаго на *шт, жд* и пр. ib. 215, 218—19.

Выводить *ж* в *боже* из ѕ в *боѕи, боѕѣ*, или на оборот, значило бы предполагать, что звательн. *боже* находился когда либо в тѣх звуковых условіях, которыя произвели ѕ в *боѕи*, или на оборот. Подобно этому группы а) не слѣдует выводить из б), ни на оборот, ибо онѣ относятся друг к другу приблизительно, по общему характеру звуковых наклонностей, как *боже* к *боѕи*. Так и в группѣ а) главнѣйшія діялектическія различія предполагают не друг друга, а лишь общую исходную точку.

Недумаю, чтобы что либо в этом родѣ могло быть доказано „unwiederstehlich,“ но, сколько могу судить, изложенное предположеніе требует новых опроверженій, а не повторенія *наличных*.

7. За тѣм обращаюсь к мнѣніям г. Кочубинскаго, *Основн. вокализація* и пр. гл. III, „*Судьбы ъ и сочетаній т, д, +ј как основа классификаціи*,“ при чем ъ я оставляю в сторонѣ.

Г. К. думает, что русскіе *ч*, *дж* (из *т*, *д*) предполагаются всѣми славянскими нарѣчіями. Главный аргумент — сходство русс. *ч*, *дж* с литовским (*пучю*, *аудж͡ю*), откуда заключеніе, что это сходство возникло до раздѣленія славянолитовскаго языка.

При этом принимается, что существующія жмудск. и лит. формы этого измѣненія t, d, изображаемыя посредством *ti*, *di* (*jautiu*, *żodiu*, Шлейх.) или tj, dj (что сбивчиво) „представляют случайное совпаденіе с формами доисторическими" (Осн. вок. 52). Однако а) такого совпаденія м. б. вовсе нѣт, ибо ф. *путю*, *аудю* по небности зубных и по отсутствію явственнаго j столь же далеки от основных tj, dj (с зубными t, d еще неподверженными вліянію j), как и формы ассибилированныя; б) формы *йутю* и *йучю* могут относится друг к другу приблизительно как поль. pisańe (нѥ) и вост. мр. *писан'ня*, или как *lub'ę* к *люблю*: *-тю* и пр. может непредполагать *-чю*. Происхожденіе *-тю* из *-чю* и т. п., неможет быть выводимо из того, что *ч'*, *дж͡'* весьма древни, т. к. предполагаются латышскими *ш*, *ж* (пушу, аужу); нужно было бы знать, существует ли в говорах с *тю*, *дю* стремленіе измѣнять *ч'* в *т'*, на пр. в *чяудми*, *чюсти*, чихать. На оборот, вывести *пучю* из *путю* также трудно, как мр. *видю* из *видж͡у*, с тою разницею, что *путю*, *аудю* вѣроятно возникли фонетич. путем из *tj*, *dj*, а *видю* — по аналогіи, без всякой связи с доисторическим *dj*, которое, по звуковым вост. мр. стремленіям, дало бы *вид'дю* (как суд'дя, суд'дю).

Сравненіе русс. *ч*, *дж* (из т, д) с литовским у г. К. изолировано. При сравненіи болѣе обширных и полных рядов звуковых явленій, между литовским и русским оказывается даже нѣкоторая противоположность. Если устранить завѣдомо позднѣйшую небность гортанных в вруcс. (*рукѣ*, *ногѣ*, *пекёш*, *могим*), то в русс., как и во всѣх славянских, гортанные переходят в шипящіе и свистящіе уже при таких условіях, которыя недостаточны для подобнаго измѣненія зубных; тѣ и другіе в русс. аналогично измѣняются в шипящіе лишь под вліяніем этимологическаго j,

так что *брыжджю* (брызг) = *пъжджю* (ѣзд-). Совсѣм иная система звуков сказывается в том, что лит. зубные превращаются в шипящіе при тѣх условіях, при которых гортанные непосредственно смягчаются: jauczù (jaut - чувствую), aùdżù (ау- тку), grumżdżù (grumzd - грожу) при klikiù (кличу), smáugiu (душу), treszkiù (жму), rezgiù (вяжу). Тот же порядок предполагается латышским в коем вм. небногортанных — ц, дз. Отсюда видно, что литовсколатышскій язык представляет в замѣнах дj, тj лишь явленія аналогичныя, а не тождественныя со славянскими.

8. Одно из доказательств, приводимых Бодуэном де Куртенэ (О древнеп. яз. § 37) в пользу того, что поль. c, dz (= tj, dj) возникло из *ч*, *дж*, состоит в том, что в поль., как и в русс., *stj*, *zdj* = *šč*, *żdż*. Г. Кочубинскій (Осн. вок. 40 — 1, 50, 64) распространяет заключеніе от измѣненій *ск*, *ст*, *зг*, *зд*, + *j* к измѣненіям *т*, *д* + *j* на всѣ славянскія нарѣчія. Я уже упомянул (V, 3), что по такому способу заключенія вліяніе начальной свистящей в *ст* и пр. сравнивается с нулем. Между тѣм измѣненія *ст*, *зд* во всѣх слав. нарѣчіях болѣе сходны между собою, чѣм *т*, *д*, именно потому, что заключают в себѣ *с*, *з*, которыя сами по себѣ + j дают во всѣх слав. нар. измѣненія *ш*, *ж*, до неразличимости сходныя.

9. Г. Кочубинскій, отвергая мнѣніе, что серб. ћ, ђ тождественно с праславянским *тj*, *дj* [с чѣм невозможно несогласиться в виду очевидности того, что *т* + *j* — два звука, а ћ — один (чего впрочем г. К. непризнает), а также — в виду невѣроятности того, что бы звук мог оставаться неизмѣнным тысячу лѣт и больше], старается свести на нѣт разницу между русскою и сербскою замѣною тj, дj: „ћ = русс. *ч*, но болѣе мягкаго выговора“ (39); „ћ можно понимать, как своеобразное позднѣйшее видоизмѣненіе ч“ (41); „ч = шт, ћ = шт'“ (43); ђ есть своеобразное *дж*. Так как русс. *плачу* предполагает *плачю*, а мр. *виджу*—*виджю*, то для г. К. разницы между серб. и русс. в этом осношеніи недолжно бы быть. Мнѣ же кажется, что разница между этими нарѣчіями в этом существовала все-

гда до самой предположенной выше (6) их исходной точки. Это сказывается, я думаю, в смѣшеніи ћ с *к'*, ђ с *г'* (хокю, мегю), между тѣм, как русс. *ч*, *ж* = основ. тј, дј, сколько извѣстно, никогда и нигдѣ необнаруживали такого сродства. Звук *г'* в ст. серб. *мегю* несовсѣм чужд русскому языку, но он является лишь из ј, а не основнаго д, именно в ст. русс. Гюргевичь, Гюрги (Ип. лѣт. pass.).

Ссылаясь на Караdж. Посл. XXXI, гдѣ сообщено, что около Сеня и Рѣки *ж*, *ш*, *ч*, ћ, џ, ђ выговариваются как *з*, *с*, *ц*, *дз* (зена, цаса, хоцу, додзи), г. К. говорит: *ч* и ћ дают *ц*: *дж* и ћ дают *дз*; „от тождественности слѣдствій *естественно* заключать, по крайней мѣрѣ, к особенной близости основаній *ч* и ћ“ (геvр. *дж͡* и ђ (Осн. вок. 39, 44). Это точно естественно, но также вѣрно, как если бы кто от тождества острого *і* в мр. *діброва*, *діл*, *сім*, *братік* заключил „к особенной близости основаній“ *у* (дуброва), *о* (дол), *е* (семь) и *и* (братик), или—если бы кто от нынѣшняго равенства *rz* и *ż* в польск. *morze*, *może* заключил к близости *р* (r) и *ж* или *р* и *ь*.

Рѣшивши, что серб. ђ имѣет „безусловный источник“ в карпаторусском *дж* (55), г. К. говорит, что Сербы могли вынести *дж* (шч) из прикарпатских стран, из земли нынѣшних Бойков и Лемков, и только сѣвши на новых землях измѣнили *дж* в ђ (геvр. *ч* в ћ). Т. о. г. К. находит в языкѣ с одной стороны подтвержденіе исторических свидѣтельств о выходѣ Сербов из прикарпатских стран, с другой — свидѣтельство, что в то время Бойки и Лемки жили на нынѣшних своих мѣстах (55—6).

Оставляя прочее в сторонѣ, спрашиваю себя: откуда автору извѣстно, что на пр. в VI, VII вѣкѣ *дж͡* было характерною чертою говора Бойков и Лемков, когда с одной стороны сам он считает это *дж* славянолитовским, а с другой даже в XIX в. *дж* (= осн. дј) есть даже в Бѣлоруссіи и в Малороссіи на лѣвой сторонѣ Днѣпра (Два изсл. о зв. 71, 124)? Стало быть, даже допустивши тождество ђ и дж, откуда спеціальное отношеніе Сербов именно к Бойкам и Лемкам?

„*Ж* в серб. *сржба* (срд-) прямо относит серб. ђ к черногорскому *дж* (срджба) как к исходной точкѣ“ (Осн. вок. I, 45).

Как выше игнорировалось *с, з* в измѣненіях сочетаній *ст, зд*, так здѣсь—вліяніе *б*. Разсуждать так—все равно, что ожидать, что *ст* или *сть* в *ста-*, *-стье* измѣнится так, как оно измѣнилось в *изба* (=истьба).

Измѣненіе ђ в дж̑ в *срџба* аналогично с *дж* из *шт*, *дж* и *ж* из *ч* (= к) при тѣх же условіях: *увјеџбати* (вјешт-), *лижба* (из -џба, *личити* evulgare), *свједоџба*, *враџбина*, *наруџбина* (Mikl. Gr. II, 214). Т. о. *срџба* нетолько не указывает на общее измѣненіе *дј* в *дж̑*, но скорѣе свидѣтельствует, что этого измѣненія внѣ условій регрессивной ассимиляціи небыло.

Другое такое же доказательство первенства *дж̑*, *ж* перед ђ—стар. серб. *рожьство*, *рожаство*, *рошьство*, *рощво* (Осн. вок. 55). Если так, то из ст. русс. формы *розьство* о которой — в моем разборѣ соч. Житецкаго Оч. зв. ист. мр. нар., 65—7, слѣдует, что русс. *дж*, *ж* (=дј) предполагает *дз*, *з*, с чѣм г. К. несогласен. Мнѣ кажется, что в обоих случаях *ь* суффикса на извѣстной степени ослабленія немѣшает вліянію послѣдующаго *с*, вліянію противоположному в русс. и сербском. В первом шипящая уподобляется свистящей (розьтво, отк. мр. ро̂здво, волоськиий, волоский (-шьск-), козацький (-чьск-); во 2-м шипящая удерживается (убоштво, мушки, јуначки), а ђ измѣняется в *ж*, *ш* (роштво). Ф. *рожанство* неможет рѣшать вопроса, так как, судя по ея неправильности, она мт. б. обязана своим происхожденіем книжникам.

Серб. *гложје*, *гложјак* (Осн. вок. 45)—не от *глод*, как в русс., а от *глог*; *гложити* (глод-), ib., есть единичный случай и может быть таким же этимологическим заблужденіем, как свр. *ублаждать* при *благ*.

10. Происхожденіе чакавскаго, кайкавскаго, хорутан. ј (=+дј) из карпаторусс. дж̑ г. Кочубинскій доказывает случаями, в коих, по его мнѣнію шипящій и свистящій звук переходит в ј и на оборот (Осн. вок. 57—8). Это

неубѣдительно, ибо хорут. *drujiga* не из *druziga*, а из *drug'giga* с небным *g*, как и в романских языках j (=русскому й) не из *дж'* или *з*, а из небнаго g' (г') дj: ср. прованс. *aidar*, франц. *aider* (adjutare); пров. *mager*, фр. *maire* (major); сард. *maju* никак не из *gg* в *maggio* или *z* в *mazore*. Серб. *госпоја*, если оно не чакавскаго происхожденія, и ласкательное *гроја* (грозница) — не из -ђа, *за*, а помимо их. В противном случаѣ пришлось бы выводить и j в ласкатель. *Бојо* (богић), *брајо*, *браја* (брат), *Ваја* (Василија), *Вујо* (Вук) из г, т, с, к; или—*к* в поль. *Mania* (Mania), русс. *Таня* (Татьяна) из *р*, *т*.—Чеш. *prodej*, *nodějе* не из +*prodeze*, а прям) от корней на гласную. Чеш. *slajši* (а равно поль. *ujrzeć*, *ојса*, серб. *војка* (воћка), *нојца* (ноћца), Mikl. Gr. I, 329; брусс. *айца́*, *малайца́* (из дз'ца, или д'ца с очень небным д, Два изсл. о зв. 71—2) дѣйствительно представляют переход небнаго свистящаго в j, но под условіем присутствія слѣдующей согласной, чего нѣт в чакав. *teju*. — Поль. *rają*, не из *radzą*, что было бы непостижимо, и не из *radź'ą*. Если в основаніи стоит *rada* (rath), то посредствующею формою могла служить *rajiti*, возникшая из *rad'iti* еще до появленія польскаго *dź* из *d'*. В таком случаѣ мрусс. *пора́яти*, *ра́є* (совѣтует)—заимствовано из поль., ибо в мрусс. с наклонностью к среднему *и* (=ы) трудно совмѣстить переход небнаго *д'* между гласными, из коих вторая *и*, в j, как в сѣв. вр. гляй (гляди, Два изсл. о зв. 90). Т. о. аналогіи, приводимыя г. Кочубинским недают ему права выводить j (=+дj) из шипящаго. Что до прямых указаній, то я их вовсе не вижу. Истрійское *мез* весьма легко могло произойти из *међ* (см. выше Кар. Посл. XXXI; Зам. о мр. нар. 88). Хорв. *ječie*, гдѣ č из ђ под вліяніем слѣдующей согласной, могло подать повод к *ječ*.

Заключеніе, что если в кайкавском и пр. +тj „идет по русскому пути (=č), то нѣзачѣм отступать от этого пути и сочетанію дj“ (Осн. вокал. 59) ошибочно в двояком отношеніи. Во первых +*тj* идет не совсѣм по русскому пути, т. к. в фрейзингенских статьях дает *choki*

т. е. хокю и т. п., что русскому языку, кромѣ случ. дъжгя в ст. сврусс., несвойственно. 2) Измѣненія *тј* и *дј* первоначально могли быть совершенно сходны: фрейзинг. ст vuuraken=вураг'ен; но за тѣм звучное сочетаніе превращается в spirans, отзвучное остается explosiv. Чакав. j (=$^{+}$дј): чак. ћ = словин. j : č = русс. ж (=$^{+}$дј): ч=чеш. z : c. Из этого отношенія никак неслѣдует, что j — из дж (Осн. вок. 59—60).

10. Мнѣніе, что ц. сл. болг. *шч* предполагает *ч*, г. К. опирает на слѣдующее:

а) В Супр. ркп. *въпльченниимъ*; но если это не описка, то *ч* здѣсь может быть из *чч*, как *бе-чина* из $^{+}$*беч-чина*.

б) Костурское *тъпчеше* (Дринов в Період. сп. I, XI—XII, 163) ненуждаемся и в таком объясненіи, ибо *пч* может б. из *пщ*, как на оборот поль. *pszczoła* из *pczoła*.

в) Нболг. остро *нокче* — не из $^{+}$*ноктје*, как думает г. К. (Осн. вок. 51), но предполагает уменьшительный суф.: $^{+}$нокът-чѧ.

Г. К. ссылается на спорадическое нов. болг. *ж* ($^{+}$дј), которое, как он думает „необходимо пошло из основн. *дж* (=русс.) путем простаго упрощенія" (Осн. вок. 62). Но н. болг. *нужба, рожба* — из *-ждба*, как болг. *вешки* из *веждки*, как *гозба* из *гостба* (русс. *изба* из *истьба*). В болг. *дъж* (дъждж), *ѥднош, триш*—не из осн. *дж*; а из *жд, шт* с потерею конечнаго зубнаго, как в Дубровн. гроз(д), даж(д), дваш(т), влас(т) (Jagić, Podml. vok.), как в сѣв. вр. хрёс(т), гось (=сть) (Два изсл. о зв. 88—9), как мѣстами в чеш. rados(t) (Gebauer, Hlaskosl. 116). Что до болг. *ж* из *д* между гласными (чужина при *чуждина* и *чуздина*), то оно могло возникнуть через *жж* или *жд͡ж* или непосредственно из *д͡ж'д͡ж'*; к одной из этих форм, а вовсе не непремѣнно к *дж*, может быть возведено ζ в мѣстных именах Эпира: Μεζουγοράνι, Μεγβέζα (Коч. Осн. в. 62).

Утвержденіе, что *оржжиѥ* из *оржд-* (ib. 61) сомнительно, т. к. *д* перед *ије* могло бы дать только *оржд*ије (общеслав.; дрвн. âranti, Mikl), между тѣм общеслав. *орж-*

жиjе (серб. оружjе, поль. orężе и пр.) указывает на *г*, а не на *д*.

Справедливо, как мнѣ кажется, устраняя метатезис, г. К. представляет себѣ образованіе *шт*, *жд* т. о.: „*тj*, измѣнялось в *тш*, откуда *ч* (č), через вызов впереди *т* (t) паразитнаго свистящаго или шипящаго звука дало и в болгарском обычное сочетаніе *шч*“.., „*Дj* мѣняя свое *j* на шипящій звук (как *rj*—*rž*) превратилось в *дж* из *дш*; теперь *j*—*ž* вызывает впереди *д* второй шипящій и получается новое сочетаніе *ждж*, как в малорусс. (?) словах дождж, заѣжджій;“ затѣм „второе ж отпало“ (ib. 62). Здѣсь, кромѣ паразитности перваго шипящаго, вызывают возраженіе два сравненія. Если, как думают, поль. *ж* из *р* предполагает *рж͡'*, то возникновеніе этого звука на пр. в *morze* = *море* условлено спеціально звуком *р* и его неспособностью к непосредственному смягченію (вр. море v. мор'е), *rz* на пр. в *burzan* предполагает стремленіе устранить ту раздѣльность *р* и *j*, которая слышна в мр. вост. *буръя́н* (v. бур-jан), и вмѣстѣ—невозможность перейти отсюда к формѣ *бурьян* (-р'jа-), или +*бурран* (ср. бруссс. Мар'ря—Марья) или +*буран*. Стараясь произнести русс. *ря*, *рю* неналомавшій своего языка Поляк произносит *ра*, *ру*. Трудно усмотрѣть здѣсь сходство с измѣненіями зубных, если только держаться того мнѣнія, что *ч*, *дж͡*, *ч'*, *дж͡'*, *ć*, *dž'* и пр., совершенно отличны от *т-ш* и пр.

Что до *пъжджу*, то извѣстно, что в основаніи здѣсь *зд*; *дъжджь* необходимо предполагает группы, *гд* или *зд*, *зг*, во всяком случаѣ не чистое *д*.

11. Относительно западно слав. *c*, *dz* из *т*, *д* г. Кочубинскій (63—4) видит только двѣ возможности: или эти звуки из *ч*, *дж͡*, или на оборот. Он принимает первое, ссылаясь на *rz* в *rzeka* (хотя большая разница в судьбах *р* и *т*, *д* в *ćec*, *dźewięć*), на литов. *ч*, *дж͡'*, о чем уже говорено выше, и на доказательства Бодуэна де Куртэне (О древнеполь. яз. § 37). В этих доказательствах наиболѣе слабы заключенія от ц. сл. *шт*, *жд* и русс. *ч*, *ж* (=дж) и от случаев измѣненія *st*, *zd*, в *szcz*, *ždž*. Соединеніе сѣры,

селитры и угля в извѣстных пропорціях дает порох, но из двух из этих веществ пороха небудет. Затѣм—свойственное нѣкоторым поль. говорам стремленіе измѣнять шипящіе в свистящіе. Если бы во время образованія *c*, *dz* (=tj, dj) всѣм западно-славянским было свойственно мазовецкое стремленіе к свистящим (zona и пр.), как общее, то шипящих вовсе бы неосталось. Стало быть нужно предположить стремленіе, направленное исключительно на превращеніе *дж*, *ч* (=дj, тj) в *дз*, *ц* и *по неизвѣстным причинам* некасающееся других шипящих. Я невижу, чѣм это лучше предположенія, что италіян. звучные *zz*, *z* (mezzo, bazo) непредполагают gg (seggio), так п. *świeca*, *miedza* возникли без посредства шипящих.

Бод. де Курт. ib. предполагает, что в поль. *płącze* (płątać), *szepcze*, *chłepcze* (при szepce, chłepce) *cz сохранилось* от времени, когда всякое tj переходило в *cz*; но почему оно здѣсь сохранилось, это объяснить никак не легче, чѣм подтвердить предположеніе, что западно-слав. *c* (чешско-морав. šepce, repce, Šemb. Zakl. dial. 36) здѣсь перешло в *cz*. Малэцкій думает, что в глаг. на *-tać*, *-otać* правильная польская ф. есть *-cę*, а ф. depczę, klekoczę, grzechoczę, druzgoczę заимствованы из русс. (Gr. § 394).

VII.

Губные +j.

Согласимо ли само по себѣ, независимо от других данных, присутствіе или отсутствіе небнаго л̑ послѣ губных с двойственностью дѣленія славянских нарѣчій? На это с давних пор многіе отвѣчают отрицательно, между прочим в виду того, что в самом русском языкѣ есть случаи, как *руб'* (рубь) при *рубль*. Г. Кочубинскій говорит: „Фактическое состояніе слав. нарѣчій *в настоящую минуту* в вопросѣ о *l* epentheticum показывает, что одни нарѣчія, но небезусловно, его принимают, другія, также небезусловно, его отвергают; что в области одного и тогоже языка

одно нарѣчіе с *l*, другое обходится без него. Родословное древо невозможно и в этом случаѣ“ (Осн. вок. I, 23).

Мнѣ кажется, что здѣсь странное недоразумѣніе. Ищем ли мы таких признаков, которые бы без замѣтных измѣненій проходили через всю жизнь предполагаемых частей славянскаго языка и характеризовали эти части *в настоящую минуту?* Вѣдь, кажется, вопрос в том: непредставляет ли свойство губных такого признака, который мог бы служить основаніем дѣленія славянскаго языка в *один* весьма отдаленный *момент* его жизни? Если в настоящее время встрѣчаются мр. формы, как *збудю* (збужу), или ювр. как *ґлава* (=гăлăвá), слѣдует ли из этого, что *дж, ж* из *дj* и полногласіе недовольно характеристичны для русскаго языка?

Всѣ русскія нарѣчія могут быть возведены к тому состоянію, при котором *л'* послѣ губных в случаях, гдѣ зубные измѣняются в шипящіе, безусловно необходимо. Упомянутое врусс. *рубь* — из *рубль.* Случаи *любю* (т. е. -ƀ'u, а не -*бью*), *терпю, кормю, промувяти* на западной границѣ мр. нарѣчія, на межѣ польскаго (Житецкій, Оч. звук. ист. мр. нар. 250), могли явиться в силу польскаго вліянія (как в тѣх же говорах твердость *р*: *раба* зазуленька, ib. 301, зора 303), которое могло состоять в вытѣсненіи исконных русских форм (терплю), сохранившихся в смежных говорах, а не в недопущеніи им образоваться из основных б, п, в, м+j. Если кто скажет, что это недоказано, и что на пр. шатко мнѣніе, будьто *любю* есть заимствованіе потому, что такая форма негармонирует с существующим в тѣх же говорах ч=тj; то вѣдь противоположное утвержденіе неподтверждается даже такими соображеніями. Впрочем г. Кочубинскій сам думает, что мр. „*робю* и пр. можно разсматривать, как явленіе новое, по его спорадичности,“ но, говорит он, этого нельзя сказать о *непосредственном* смягченіи *п, б, в* в яз. карпатских русских, гдѣ оно общее явленіе: *робью, спью* и пр.“ (Осн. вок. 22). Этот случай слѣдует отличать от *спьят* (3 л. мн., ib.), которое может вовсе непредполагать вост. мр. *спл'ять,* но образовалось по

тому же закону, по которому галиц. *памьеть, мьесо, веремье, мнесо, веремне*; горское *памьять, мьясо, веремья* (Головацкій, Розправа о яз. южнор. 52), в Буковинѣ *румняний, ня* (из мн'я, мья, мя) (Курченко, Пѣсни, 401—6). Здѣсь—появленіе j без этимологическаго основанія. В *спью* (=sp'ju) слѣдует различать извѣстную степень небности *п* и *j* из *л'* (сплю). Г. Кочубинскій говорит о произношеніи Бойков между Стрыем и Ломницею, что в *заробьјеют, выставьјеючи* и т. п. *бь, пь, вь* выговариваются отдѣльно от слѣдующей йотированной гласной, так что послѣ губной слышится почти чистое *і* (-робіјеют), Отч. о занят. слав. нар. 44 (XVIII т. Зап. Новоросс. Ун.). Я думаю, что это—слѣдствіе усилія произнести исчезающее л̑. Такое j из л̑ может и слиться с предыдущею губною, т. е. дать такую же форму, которая выше объяснена заимствованіем: в Буковинѣ *спью, купью, дивъюсе* (sic), *підмовьяе* и там же *розмовяти* (Купчанко, Пѣсни, 405). В изд. „Казки, зо̂бр. Игн. з Никлович, Львов 1861," по языку относящемся к говору, который Головацкій называет горским, я нахожу *негубю*, 56, которое должно объясняться из *губью*, п. ч. ib. *забю*, 4, которое очевидно̂ из *забью*. Там же сохраняется и общерусс. *л'* (*справляти*, 37), совершенно необходимое перед *и, е*, т. е. в случаях отвердѣнія: *накопли, ко̂пле* (копати) 71, *прикрваслена* 8.

Образованіе небнаго л̑ из *j* послѣ губных (в случаях =*шт, жд*, тезр. *ч, дж* из *тј, дј*) есть, конечно, признак не отвердѣнія губных (Безсонов, Главн. вопр. яз. новоболг. 8. Временн. Общ. Ист. и Др. кн. 21). Губные были способны к той степени небности, которая сказывается их общеславянскими сочетаніями с *е, ѧ, ь, и, ѣ*; но в части славянских нарѣчій они немогли перейти на слѣдующую ступень и слиться с средне-небным j. Эта их несліянность и была условіем преобразованія *j* в *л'*, как неспособность *р* (r) в поль. и чеш. к сліянію с неорганическим *j* были условіем *rz* из *rj*. За тѣм уже послѣ возникновенія *л'* из *j* предыдущая губная по говорам увеличила степень своей небности: ср. нынѣшнее врусс. зем'ли, дрем'лет (Грот, Фи-

лолог. разыск.[2] I, 291—2), что по видимому сказалось и в старинной письменности не позже XIV—XV в.: ср. Срезнев. Житіе Бориса и Гл. pass.; в Лавр. лѣт.[1] *земьли* 111, *земьлю* ib., *несдравьлю* 118; в Сб. XV в. *безумьль*, Бусл. И. Хр. 153, *вопьля* ib. 743 и пр. Такіе говоры древнюю степень смягченія *б'* в *голубь* переводят в *б"*, а при встрѣчѣ губной с новым *j* останутся на ступени нынѣшняго врусс. здоро*вье* (-v"je).

Другіе говоры, на против, или остаются на прежней ступени, или усиливают несмягчаемость губных, в силу чего при встрѣчѣ губных с новым j происходят явленія вполнѣ или отчасти сходныя с древним л̑ из *j*: вост. мр. кровъю, мъясо и мн'ясо, здоровля; серб. здравље, копље, снопље, безумље, крвљу, рибљи (Mikl. V. Gr. I, 324—5); хорут. žrmlje (жьрнъвиѥ? ib. 250) ¹).

Караджич (Посл, XXXVIII) говорит, что в Дубровникѣ, по всему приморью и в Черной горѣ говорится и љ и j в случаях: *зобљем* и *зобјем*, *уловљен* и *уловјен*, *земља* и *земја*; что так — и в вышеупомянутых новых случаях *копље* и *копје*; что так же и перед *ѣ*: *обје* и *обље*, *бјеше* и *бљеше*, *побјеже* и *побљеже*. Как бы ни произносилось здѣсь сочетаніе губной с j (т. е. -*бье* или *бѥ*), во всяком случаѣ оно в *бјеше* древнѣе чѣм *бљеше*, а в *зобјем* новѣе чѣм в *бљ* в *зобљем*. По тому же свидѣтельству, на остр. Корчулѣ ниже Дубровника, гдѣ дј=j (меја, лаја, рођен), всякое љ=j: *жеја* (жеља), *кошуја*, *пријатеј*. Так и в резіянском говорѣ л̑=j не только послѣ губных, но и между гласными, и на концѣ: *pjúwat*, *čríwje*, *stríjat* (стрѣляти), *kraj*=kral. Там же *zamňá*=земля, Бод. де Курт. Оп. фонет. резіян. гов. § 45—6.

---

¹) Формы: Вячеславлича, Гориславличи, Святъславличю (Сл. о П. Иг.), Святославличь, Ип. л.[1] 123, 128, 133; серб. Владисалић (=славлић) могли бы быть объяснены тоже неорганическим j (-славјичь из -славичь); но с другой стороны возможно, что это—новыя образованія от притяжательных (Вячеславль+ичь, Яковлевичь, -ов-ичь, -ин-ичь). Послѣднее вѣрнѣе, т. к. -славличь есть и в новгородских памятниках.

Встрѣчая в новоболг. j на мѣстѣ общеславянскаго *л* в „остри *сабьи*," а равно и исчезновеніе этого j в *сабя* (на пр. в Велесѣ, и рядом *земньа*, т. е. земня? Период. Спис., год I, IX, 88, 89, 94), я думаю, мы можем объяснять болг. *земя* и *земья* не иначе, как из *землʼя*.

Согласно с этим не вовсе лишено основаній предположеніе такого же процесса j из *л̑* в памятниках как болон. псалтырь: от *добии* (+добл̑ии, Срезн. Пам. юс. п. 35) недалеко до ф. как *по земи* (Срезн. ib. 133; тут же *земли*). Встрѣчая в Зогр. ев. *корабл̑ь*, *пристжпл̑ь* и рядом *корабь*, *пристжпь* (Arch. II, 230), в послѣдних под *ь* мы можем понимать *-jь*, в коем j из л̑. Формы Супр. ркп. *избавиише*, *приставиѥнъ* (Mikl. V. Gr. I, 178) и *оуставьѥнии* (Срезн. П. юс. п. 34—5) при формах с *л̑* могут быть преобразованіем послѣдних. Ср. выше карпат. *заробіјеют*, по свидѣтельству г. Кочубинскаго.

Допустим однако, что в древних ц. сл. памятниках, неуказывающих на западно-славянское вліяніе, ф. как избавиише не произошли из форм с *л̑*, но частью ведут к ним, частью же помимо *л̑*, к таким как нов. болг. *земя*, *сабя*. Это само по себѣ еще неуничтожает возможности раздвоенія славянскаго языка по свойству губных. По степени небности губная в восточно-славянском *оставиѥнъ* или (с гласным *ь*) *оставьѥнъ* могла стоять на той самой степени, на которой она в общеслав. *кръвь*, *южбь*. Т. о., вмѣсто признака Добровскаго и Шафарика, возможно поставить слѣдующій: восточно-славянскія нарѣчія удержали губные в сочетаніи их с j + гласная на той степени смягчаемости, на которой они стояли в общеславянском. Несліянность зубных с j и средненебный характер сего послѣдняго (который сказывается в измѣненіи *тj* в *ч'*, ћ и пр.) дали сочетанія губных с *л̑*. В западно-славянских нар. бо́льшая смягчаемость губных и передненебный характер j (тот, который дает *ć* из тj, *dź* из дj) условили возможность слиянія на пр. *в'је* в +лов'јенъ в *вє* в *ловєнъ* [1]), чѣм надолго

[1]) На отсутствіе j в ц. сл. благословенъ (не +-вьенъ) мо-

исключена в дальнѣйшем развитіи возможность появленія $\hat{\textit{л}}$ из j.

Из того же круга явленій (т. е. $\hat{\textit{л}}$ из j послѣ губных в случаях соотвѣтствующих *жд*, *шт* из *д*, *т*) должны быть взяты возраженія против изложеннаго выше. Не возраженіе то, что в поль. чеш., как и во всѣх славянских нарѣчіях, суффиксы начинающіеся с *л'* могут стоять послѣ губных (Кочуб. Осн. вок. I, 23): поль. *osob-liwy*, *chrapliwy*, *drzemliwy*, *gniewliwy*, или в чеш. *sop-lak* (ср. *sop-el*, род. *sople*), *skob-le*, *skoblice* (скобель); поль. *wrób-el*, род. *wróbla*, чеш. обл. *vrablec*, *brablec* (Gebauer, Hláskosl. 120) ср. с лит. *žvirb-lis*. Поль. *niemowlę* слѣдует сравнить с *pisk-lę*. Сомнительно, чтобы *-la* в поль. *czapla*, *kropla*, *grobla*, *przerębla* появилось из j под вліяніем фонетическаго закона. Скорѣе можно здѣсь видѣть заимствованіе (как в словац. *hrobla*, *hrable*, Кочуб. ib.) или аналогію с *cieśla* и т. п. Во всяком случаѣ это явленіе невосходящее к предполагаемому времени раздвоенія слав. нарѣчій: Поль. *crope* (=*kropie*, *krople*) еще в памятн. XIV в., *grobye* (=*groble*) в памятн. XV в. (Бодуэн де Курт. О. Др. П. яз. § 49).

В относительно позднее время и в западных нарѣчіях появились стремленія отчасти сходныя с тѣми, которыя замѣчаются в восточных. Я разумѣю неорганическое, т. е. необусловленное этимологіею j послѣ губных перед i, ě: обл. чеш. deset *mjil*, *zabjil*, *pjit pjivo*, *vjinen*, *mjisa* (Šemb. Z. Dial. 16, 19); морав. *bjil*, *chuapji* (chlapi), *mjily*, *povjim*, между тѣм как ы=i произносимому отлично от i: *chuapi* (chlapy), Šemb. 57. Это стремленіе мѣстами производит явленія, так сказать, передне-небно-свистящаго порядка, сходные с *dź*, *ć* из *д'*, *т'*. Так в поль. у Курпей *bźały*, *pśiwo* (из bjały, pjivo), Бод. де Курт. Beitr. VI, 220, О древне-поль. яз. § 48. (Такому же измѣненію подчиняется при других условіях j из небнаго ń в ksiądz, księga). Мѣстами же неорганическое j принимает направленіе сходное с мр. н'

жно смотрѣть как на отвердѣніе, вродѣ вост. мр. *землею* (= *суддею* при небных земля, землі, суд'дя, суд'ді.

в *мнясо:* чеш. обл. *postměch* (=smjěch), *mňesto, mňel* (měl); *mňení* (jmění). J. Ireč. в Rozpr. 40, Šemb. Z. Dialekt. 11.

Может быть и раньше гдѣ либо появилось такое же l из j; но во всяком случаѣ чеш. формы как *Hostivlice* (по предположенію из Hostivjice), хотя и старинныя (J. Ireč. l. c. 38—XIII вѣка) могут невосходить ко времени раздвоенія слав. нарѣч. Тоже о чеш. *Třebowle*, если это имя образовано одинаково с русс. *Теребовль* (через прил. притяжательное; поль. Trembowla заимствовано из русск.) и если здѣсь в чешском нѣт случайно русскаго вліянія.

Наконец, если *плюти* = *spiauti*, а *блюдо* = гот. *biuds*, то из этого также мало слѣдует, что существовало общеславянское стремленіе к измѣненію губн.+j в губн.+л̑, как из общеславян. *ж*, *и* в *жидъ*, *Римъ* слѣдует, что было общеслав. стремленіе измѣнять *j*, *dj* в *ж*, а *у* в *и* (Рум-).

Вообще я недумаю, чтобы на основаніи того, что г. Кочуб. говорит о *dj*, *tj* и губных+*j*, было можно заключать, что „всякая мысль о (родословном) древѣ (слав. нар.) невозможна, как противная природѣ языка, характеру развитія, исторіи, образованія языков" (65). Для г. К. „природа языка" есть стало быть пе искомое, а аксіома, из которой позволительно дѣлать выводы. „Один язык не родил другого; всюду на цѣлом просторѣ славянскаго міра *один и тот же язык*, лишь в одном пунктѣ его территоріи одна и таже нѣкогда форма подверглась одному измѣненію, в другом— другому, и эта неодинаковость измѣненій обусловила образованіе существующих нарѣчій" (65—6). Значит язык *не один*; различные слав. языки, имѣющіе каждый свое внутреннее единство, заслоняемое взаимными вліяніями, *произошли од одного*. Это послѣднее высказано на стр. 28, гдѣ автор отвергает только бифуркацію и принимает вмѣсто „двух славянских Адамов" теорію *постепеннаго* образованія слав. нарѣчій „от одного Адама" как будьто раздвоеніе— нѣчто принципіяльно несовмѣстимое с постепенностью. При этом родословное древо остается возможным. „Слав. нарѣ-

чія невыходили одно из другого, неотдѣлялись, как вѣтви от ствола" (66); но если они пошли от одного Адама, то — как вѣтви от ствола. Мысль, что этот ствол раздѣлился не на двѣ вѣтви, а разом на нѣсколько, хотя на меньшее количество, чѣм сколько их теперь, — не новая и не невѣроятная. Сила в том, как она мотивирована. По отношенію к основным сочетаніям зубных *т*, *д* и губных с *j* я ненахожу препятствій раздѣленію слав. нарѣч. на два отдѣла: *восточный*, который в один момент своей жизни, имѣл средне-небное *j*, сродное болѣе с шипящими, чѣм со свистящими, и губные неспособные входить в тѣсныя сочетанія с этим *j*, откуда *бл̑* и пр.; *западный*, который в тот же момент отличался передне-небным *j*, сродным со свистящими, и наклонностью губных к непосредственному смягченію. В других отношеніях нарѣчія могут распредѣляться иначе, чего я здѣсь некасаюсь. Замѣчу еще, что часто повторяемое г. Кочубинским, мнѣніе, что взаимныя отношенія слав. нар. на пр. с точки зрѣнія *тј*, *дј*, *бј* опредѣляются степенью консервативности каждаго из них (24 и др.) мнѣ кажется во многих случаях неприложимым, ибо *źem'a* и *земля*, *m'edźa* и *меджа*, одинаково консервативны или, ad libitum, прогрессивны. Может быть тут и есть разница, во всяком случаѣ трудно опредѣлимая, в быстротѣ движенія, но главное не она, а различіе направленій.

А. Потебня.

Харьков, 18 Янв. 1878.

ЗАМѢТКА
О
ДВУХ ПѢСНЯХ.

Смежность населеній великорускаго и малорускаго, напр. в харьк. и курской губ., как извѣстно, не осталась без вліянія на пѣсенность того и другого. Неговоря об исконном сродствѣ и о явных заимствованіях, есть пѣсни, которыя до дальнѣйшаго изслѣдованія могут быть отнесены к третьему разряду, непредставляющему несомнѣнных признаков ни исконнаго сходства, ни заимствованія. Из этого разряда иное может быть со временем отнесено к первому, иное—ко второму (к заимствованіям буквальным), но кое что и окончательно сочтется образованіем промежуточнымъ, заимствованіемъ не буквы, а духа, возникшим именно на сумежьи.

Встрѣчаются ли другіе, болѣе западные варіянты мр. пѣсни, записанной мною лѣтъ 15 тому отъ женщины из с. Рубижни (Рубежное, Рубежная) Волчанскаго у. Х. г.?

Як неженився, то й нежурився,
Як оженився, то й зажурився.
Та узяв жону не до любови,
Не до любови, ні до розмови,
Ні до звичаю, до йобичаю,
Ні до чорних брів, до ласќавих слів,
Ні до шалности (?), ні до жалности.

„Запрягай, малий, та пару коней,
„Та поідемо у Китай-город,
„У Китай-город та на ярмарок.
„Та куплю жоні карабе́ль новий,
„Карабе́ль новий ще й весе́лечко.
„Утішай, мила, своє сердечко!
„Посадю милу в карабе́ль новий,
„Та пустю карабе́ль на синє море,
„Та недам весла, щоб вода знесла.
Карабе́ль пливе́, йаж вода реве́,

Я мила седить, як свіча горить,
Я милий ходе, як зоря сходе.
„Ой вернись, мила, погодуй сина,
„Та що найменший, та що найгірший!“
—Невернусь, друже, що побив дуже!
Ой бив рублем ще й гребінкою,
А тепер назива своєй жінкою!
Ой бив рублем щей качалкою,
Я тепер називаєш коханкою!

(Каждый стих, кромѣ перваго, может повторяться, причем в первый раз он заключает собою предыдущій куплет, во второй—начинает слѣдующій. В мотивѣ 8 тактов в $^3/_4$, по 2 на полустишіе. Характер мотива малорусскій, соотвѣтственно содержанію, трагическій).

Для сравненія — пѣсня, записанная г. Кохановскою (Соханскою) в Корочанском у. Кур. г. („Нѣсколько русских пѣсень“ 128. Рус. Бес. 186) без соблюденія звуковых особенностей говора:

Оженился молодец, оженился удалой,
Да и взял жену нелюбимую:
Не до хайности [1]), не до жалости,
Ни до словечка, ни до дѣлечка,
Ни до чорных бров, ни до милых слов.
„Ты сѣдлай, молодец, коня ворона,
„Поѣзжай, молодец, в Китай-города,
„Да купи ты себѣ мал караблечек,
„Мал караблѐчек и веселечко,
„Посади жену свое сердечко,
„Да недай весла, чтоб вода снесла.“
А вода ревет и корабль плывет,
А жена сидит, как свѣча горит,
А дитя кричит, всѣ лѣса глушит.
Как взошел молодец на круту гору,

[1]) *Охайность*, опрятность. Серб. *хаjати* за што, заботиться о чем.

Закричал молодец громким голосом:
„Ты возьми, жена, вот веселечко,
„Воротись, жена, мое сердечко!“
—Невернусь, друже, что побил дюже;
А и бил рублем и каталкою,
Еще хвалишься бить иогайкою.
Поживи, мой друг, с молодайкою!“

Сокол и Конь.

Слѣдующая п. записана Студ. М. Халанским в Красной Полянѣ Щигровскаго у., Кур. г. от семидесятилѣтней старухи. (Я ставлю є вм. *е* (=*е* и *ѣ*), употребляемаго в этом смыслѣ записывателем. г=h; *и* в *си* (билси) должно быть тверже *и* в *ти* (лятить). Полустишія соединяю в стихи. Размѣр испорчен. Первоначально он, по видимому, тот же, что и выше: 5 и 5.)

Со́кал с канём об закла́т билси,
Он ни ў руп, ни ў два и ня во́-ста рублєй [1],
Ап свaєй ап буйнай галавє:
Каню бяжа́ть вакру́х лясу́,
А сакалу́ лятє́ть чиряє тёмнай лєс
Да таво мє́ста да уро́шнава,
Да кало́дизя да студёнава.
Прибє́хшы конь он вады́ испил
( ) и лёх апачил.
Гляди́ть, сматри́ть, ан саќол лятить:
„Ко́нь ты мой, конь, ты добра́ лошать!
„Нисяки ты мнє буйнай галавѐ,
„Атсяки́ сакалу́ пра́вая крыло́
( ) сы прави́льным пяро́м,
„Штаба мнє сакалу́ сидєть нилятєть.“

---

[1] ў руп, ў два=о рубль, о два; *во́*-ста=*о́* сто. Переход предлога *о* через *во* в *в*, *у* ср. с млр. ні *в* чим незнаєш (Чубинскій Труды III, 408, Уманскій у.), ні в чим недбаєш (ib. 423).

В сакала́ крылья залятучій,
А гла́зушки завиду́шшаи:
Лятѐл сакол чиряс тѐмнай лєс,
Напалась сакалу ста́да либядѐй,
Убил, задра́л лєбидя бєлава,
Затєм сако́л замєшкалси.

Объясненіе, почему соколъ замѣшкался, ср. с тѣм, что в бр. п. про женидьбу щегла. Щегол

Паслау орла, послау арла усё птаство збираци,
А арол напау гуси, давай мардаваци.
Этн. Сб. III, 24.

Хотя в этой пѣснѣ нѣт ничего исключительно малорусскаго, но сравнивая ее со слѣдующею малорусскою, тоже до сих пор, кажется, единственною в своем родѣ, я думаю, что, если тут есть свободное заимствованіе, то скорѣе вр. пѣсня предполагает мр-ю, в коей заклад коня и сокола находится в связи с другим мотивом, именно смертью козака, чѣм на оборот:

Сидит козак на могилі,
З оружини огонь креше,
Скалки ломить, розкладає,
В свої рани заглядає:
Пострілені к серцю прийшли [1]),
Порубані кровъю зійшли [2]).

Закладався орел з конем,
А за тиї криниченьки:
„Ой чи скорійш ти добіжиш,
Мені крильця повтинаєш.“
—„Ой ти скорійш да долетиш,
Мені ноги повтинаєш.“

---

[1]) Прійшли, т. е. прошли?
[2]) За тѣм прерыв; предполагается смерть козака.

Ой кінь біжить—земля дрижить,
Орел летить—перо дзвенить.
Ой кінь біжить все ярами,
Орел летить все лугами.
Кінь до води прибігає,
Орла брата виглядає:
Орел летить і несміє,
Коня брата непізнає.
„Даруй, коню, крилечками,
А хто ходить ніжечками“ (?).

Максимовичь, Укр. н. п., I, M. 1834, стр. 148—9.

Кажется, что конь и орел служат здѣсь послами умирающаго или убитаго; что из этого порученія, а не независимо от него из обычнаго сравненія коня и птицы („у Ильи конь бѣжит, как сокол летит,“ Кир. П. I, 81) вытекает своеобразный мотив: заклад коня и орла или сокола, заклад, котораго, кромѣ двух приведенных пѣсен, мнѣ неслучалось встрѣчать нигдѣ. Премиссы этого мотива широко распространены и, судя по этому, глубоко древни.

1) То, с чѣм жил богатырь: оружіе, конь, ловчая птица (сокол или орел), собака, то окружает его и при смерти, а судя по нѣкоторым указаніям, нѣкогда слѣдовало за ним и в гроб или сожигалось вмѣстѣ с ним.

(Матери Юговичей)
Бог јој дао очи соколове.
И бијела крила лабудова,
Она лети над Косово равно,
Мртви нађе девет Југовића
И десетог стар' Југа Богдана,
И више ни девет бојна копља,
На копљима девет соколова.
Око копља девет добри коња
А поред ни девет љути лава.
Тад завришта девет добри коња,
И *залаја* девет љути лава,
И заклекта девет соколова.

Караdж. Пјес. II, 304—5.

Львы (лающіе!) замѣна собак. У русскаго богатыря — собака и орел, Гильф. Был. 1081, 1125. Вообще весь образ фантастичен, сравнительно напр. со слѣдующим:

Саранише војводу Каицу:
Чело главе копље ударише,
На копље му сокола метнуше,
За копље му коня привезаше,
По гробу му оружје простреше,
Од Маджара унку начинише [1]),
Оградише гроба Каичина,
Да Маджари к њему недолазе. ib. 489.

Относительно копья в головах ср. „Аче Богъ отца моего понялъ,“ говорит Ярослав Володимирович Галицкій, „а (=то) мене Богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть, развѣ одино копіе поставлено у гроба его, а и то в руку моею есть.“ Под 1152, Ип[1]. 73. Согласно с этим мы видим еще и теперь на могилах малороссійских козаков копейца с „короговка́ми,“ прикрѣпленныя ко кресту. Ср. также Котлярев. О погреб. обр. 240; Кир. П. VII. 43, 159.

У Марка Королевича есть свой сокол, за котораго он жестоко мстит Туркам (Кар. П. II. N 70, 476); но в слѣдующем ему служит вольная птица из благодарности за услугу:

Лежи Марко крај друма царева,
Покрио се зеленом доламом,
По образу—срмајли марамом,
Чело главе копље ударио
За копље је шара коњиц свезан,
На копљу је сура тица орле:
Шири крила, Марку чини лада,
А у кљуну носи воде ладне
Те запаја рањена јунака...

Кар. II. 328, тоже о соколѣ ib. 327.

2) Свой сокол служит Марку послом, относитъ его

---

[1]) Из тѣл убитых—унку=хумку, tumulum.

письмо из темницы (ib. 383). Марко из темницы пишет письмо

Па дозивле сивога сокола:

(Своего, как Илья в серб. пѣснѣ у К. I, N 648 и как Стоян в болг. у Безс. I, 122—3, а не вольную птицу).

„О соколе, пуст ми не остало!
„Носи книгу ка граду Солуну,
„Ка Дојчилу богом побратиму
„Нек избави мене из тамнице.“
Узе Соко ону ситну книгу,
Па се изви небу под облаке
Право оде ка Солуну граду...
Паде соко на бијелу цркву,
Пишти соко, до бога се чује.
Познаде га Дојчило војвода...
...К њему дође сив-зелен соколе
Испод крила ситну книгу пушти.
К. Пјес. II, 383.

Такой мотив может существовать без всякаго заимствованія и в мр. пѣсенности. Ср. колядку у Ант. и Драгом. Ист. п. I. 36—7, гдѣ „Соколик“ посаженнаго в темницу княженяти Иванка „квилит, головойки хоче,“ т. е. хочет чтобы цан опять носил его на головѣ, как прежде. Но возможно, что сербская пѣсня напомнила сидѣвшему в неволѣ в землѣ турецкой козаку родной мотив. Ср. невольницкую думу о посылкѣ сокола с просьбой о выпускѣ у Ант. и Драг. Ист. п. I, 95—6.

К слову замѣчу и другое подобное совпаденіе. Марко разсказывает своей матери, как он семь лѣт сидѣл в темницѣ у короля Арапскаго:

„Нит' ја знадох, кад ми љето дође,
„Нит' ја знадох, кад ми зима дође,
„Осим једно, моја стара мајко:
„Зими би се грудале ђевојке,
„Пробаце ми по груду снијега,
„По том знадем, да је дошла зима;

„Лети баце стручак босиока,
„По том знадем да је лето, мајко.
К. Пјес. II, 377.

В мр. п. о плѣнѣ и тюремном сидѣньи Левенченка [1]) мать спрашивает у него:

„Та по чім, сину, сеє літо знати?
А потім, мати, літо знати,
Що йшли дівочки по ягодочки
Та вирвали квіту червоиого цвіту
Та вкинули та у темницю
У вішнюю пропасницю,
Ой по тім мати сеє літо знати.

(Молодик на 1843 г. изд. И. Бецким. II, Харьк. 1843, 138).

На плечѣ умирающаго Стояна сидит сокол. Стоян кормит его своим мясом, поит своими слезами, чтобы через него получить вѣсть из дому. Сокол и приносить ему эту вѣсть, Безсонов Болг. п. I, 122. Там же и соовѣтствующій мотив Серб. пѣсни, Кар. I. N 648. В вр. былинѣ Бориско в смертной опасности посылает своего сокола за совѣтом:

„Ты охота, охота молодецкая,
„Полетай-ко, охота, к моей матушкѣ
„Спроси-ко у ней, как с Ильей перевѣдаться."

И сокол приносит отвѣт (Кир. П. I. 10).

---

[1]) М. б. самое прозвище героя в этой пѣснѣ неслучайно. Несомнѣнно, оно пришло к нам с юга:

Левенець, извѣстная мр. фамилія, имѣет при себѣ нарицательное значеніе: а) мр. гайдамака, собств. удалец, молодец (Антонович, Послѣд. врем. козачества, 132; б) мр. *левенець*, большой рослый человѣк, костр. *левенец* высокорослый, дубина, болван. Болг. *левен*, *левента*, серб. *левента*, juvenis elegans, и гр. λεβέντης, fortis, pirata, что по Микл. б. м. в связи с *Levante* (Mikl. Fremdwört. Matzenauer Cizi sl. 240). Отсюда же мадяр. *leventa*, рыцарь, молодец и *legény*. От послѣдняго мр. буковин. *легінь*, *ледінь*, молодец.

Вышеприведенныя черты, т. е. ухаживаніе за умирающимъ и посольство от него, соединяются в млр. п.:

Вітер гуде, трава шумить,
Козак бідний (?) убит лежить
На купині головою,
Накрив очи осокою,
Кінь вороний у ніженьках,
Орел сизий в головоньках,
Він козака доглядає,
На кучери поступає....
„Сизий орле, побратаймось!
„Як ти, брате орле, станеш
„З лобу(-а?) очи видирати,
„Дай же моїй неньці знати....

Максим. Укр. п. М. 1834. 152; Чубинскій Труды V. 944—5.

Другой, сходный с этим образ—ворон или орел—вѣстник, приносящій с побоища бѣлую руку с золотым перстенем (Кар. Пјес. II. 318; Кир. П. VII. 196; Чуб. Труд. V. 957; Nesselm. Lit. volksl. 22—3), приносящій вѣсть матери убитаго (Чуб. Тр. V. 953; Метл. 283—4).

Третій мотив, являющійся только запѣвом из разряда „птица с высоты видит то, что составляет содержаніе пѣсни" (Моя ст.: Мр. нар. пѣсня по сп. XVI в. 37—41)—встрѣча орла и сокола:

Сокіл з орлом купаєтця,
Сокіл орла питаєтця:
„Чи був, орле, на Дунаю,
„Ой чи чував про Михайла?
—Ой я нечув, я й сам бачив:
Ишли ляхи на три шляхи и пр.

Ср. Метл. 450, гдѣ сокол спрашивает у орла о самом себѣ: „Ой чи чув ти орел об моій голові? Ой чи журиться отець—мати по мені?" Затѣм рѣчь объ убитом козакѣ, посылающем своего коня с вѣстью. Ср. также:

Сокіл з орлом та й злітається,
Сокіл орла та й питається:

„Чим же той світ закрашається?
„Чи горами, чи долинами,
„Чи великими могилами?
На могилі козак вбитий лежить...

И далѣе, как в предыдущей пѣсни.

(Чубин. Тр. V. 943). Сюда примыкает встрѣча орла и лебеди, дающей вѣсть (в моей ст. Сл. о п. Из. 153—4). Показавшаяся мнѣ сомнительною (ib. 155) пѣсня:

Не метіль з моря піднималася,
А то гуси сірі, лебеді білі,
А за ними вслід сиз орел летить,
А за орлом вслід та ясний сокіл:
„Постій, сизий орле, постій!
„Я не бити мічу, роспитати хочу,
„Чи небачив ти вбитого козака?
—Ой небачив, а тількі прочув:
Лежать ёго рученьки край крученьки,
А ніженьки край доріженьки,
У головоньках росте травиця
Ніхто до тіла ненатрапиться...

(Чуб. V. 939).

Дѣйствительно есть неумышленное искаженіе. Неизвѣстный записыватель введен в заблужденіе своею или чужою невѣрною памятью. Можно попытаться возстановить первоначальный смысл на основаніи стихотворенія Л. Боровиковскаго „Черноморець" (Ластовка, Сборн. Е. Гребенки, Спб. 1841, 20—2), представляющаго передѣлку именно этой пѣсни: за гусями—лебедями летитъ орел:

Я не бити *лечу*, роспитати хочу,
Чи ни бачили ясного сокола?

Этот сокол (козак) убит лежит, „его рученьки на три штученьки," (головонька на четверо?), „Кріз реберця трава пробивается." Никто к тѣлу неприступитcя, только прилетѣло три ластовки: мать, сестра и жена. Мать плачет как рѣка течет, сестра..., а жена—как роса падет.

Убитый посылает с вѣстью своего коня:

Ой кінь біжить (?), трава шумить,
Да вжеж (?) козак убит лежить;
На купині головою,
Прикрив ноги осокою,
Жовте тіло рокитою,
Білі руки хустиною,
Ясне личко китайкою [1]).
В головоньках ворон кряче,
9 А в ніженьках коник плаче,
10 Копитом землю вибиває,
Свого пана він питає:
„Ой пане-ж мій, пане конитане!
„Ой кому мене в(у)ручаєш...
...Чи Турчину, чи Татарину?
—Ой біжи, коню, темними лугами,
Біжи, коню, битими шляхами.
Та прибіжи, коню, до двору,
Та вдарь копитами в (о)болону,
А вийде до тебе ненька старенька
. . . .
Да не кажи, кóню, що я убився,
А скажи, коню, що я оженився...

Максим. Укр. Н. П. 1834. 152—3.

Великорусская передѣлка этой пѣсни у Сахарова, Ск. Р. Н. Кн. III, 240 № 13, принадлежит, я думаю, не Сахарову, хотя нѣкоторыя стихи и черты поддѣльны. В малорусском подлинникѣ было между прочим нѣчто соотвѣтствующее стихам:

Бѣги, мой конь, все не стежкою...
...Куда травушка ковылушка лежит,
Там *холодная криниченька* бѣжит [2]),

---

[1]) Ср. выше о смерти Марка: „покрио се зеленом доламом, по образу срмаjли марамом." Вѣроятно: личко-хустиною, тіло (и руки) китайкою, т. е. китаевим жупаном, „заслугою козацькою."

[2]) Криница бѣжит! Или это фигура, означающая то, что в млр. „криниченька, з неі вода протікає?"

Злодѣй(!) Турчин непоймает тебя
И Татарин неосѣдлает тебя...

Эта криница, как мы видѣли, встрѣчается и в пѣснѣ о закладѣ коня и сокола.

Варiянты млр. пѣсни:—Метл. 450 („коник... копитом землю пробиває, холодноі води та й достававє. А віи свого пана та й напуває,“ как в серб. п. сокол—королевича Марка; ср. также кашуб. „Stoji kónjik njeżeveho, Czesze nożką koło njeho, Veczoseł doł pó kólana Żalejąci sveho pana. Póki jo mjeł sveho pana, Jodeł jo to gołe zorna, A teros nji pęczka słome; Vóbjedzą mje krece vrone.” (Приб. к. Изв. II отд. А. Н. 1853, 108).

Из подобной млр. пѣсни—бѣлорусская в Этн. сб. III, 207; Чубин. Тр. V 939 (13), 941 — 5 (в нѣскольких из этих вар. конь „пробужає свого пана,“ т. к. козак убит лежит; мать спрашивает у коня о своем сынѣ: „Чи ти ёго в морі втопив, чи ти ёго в війську згубив“ чему соотвѣтствует у Сахар. плохой стих „Не убил, неутопил ли ты его.“) Конь убитаго, как вѣстник смерти своего господина, в эпосѣ Герм., Франц., Тюркском — О. Миллер. Илья Муром. 115.

Рожа-спажа, тума, Томаш.

Веснянка:

Тума́ танок розводить.
Що розведе, то й стане,
По дівочках погляне:
Сяя тая в танку́ є,
Рожи-спа́жи немає.
Мати Рожу чесала,
А чешучи навчала:
„Донько моя, Роженько!
„Нестановись край Туми́:
„Тума́ зведе з розума:
„На ніженьку наступить —
„Червон чобіт покаля́,
„За рученьку издавить —
„Золот перстень издійме."

Этот вар. записан мною, а мнѣ передан в том видѣ, в каком пѣлся „на улицѣ" в с. Пereконовкѣ, Роменскаго у. в 20-х годах нашего вѣка. В гадяцких вар. в одном „Тума танчок водил*а*" (Метл. 299), в другом, что похоже на описку или ошибку переписчика, принявшаго *т* за *ш*, „*Шума* танчок водила" (ib. 300). Женскій род сказуемаго возник под вліяніем женскаго окончанія непонятнаго сл. *тума́*, а б. м. и потому, что теперь в Малороссіи танки водят только дѣвушки. Смѣшеніем такого искаженнаго варіянта с другим, гдѣ вм. *тума* стояло *Дунай* (по свидѣт. г. Костомарова, поют „Дунай (v. Туман) танчик водив," Ист. знач. ю.-русс. пѣс. творч., Бес. 1872, VIII, 8) можно объяснить радомысльскій вар. „Дунай танчок водил*а*" (Метл. 299), в котором отмѣчу еще стихи: „Рожи — *спа́жи* немає" и „Нестановись край Дунаєчк*у*"-(с *у*, как будьто это имя рѣки, ибо личное имя дало бы „край Дунаєчка").

Танок водит не „дѣвушка из помѣси татарской и малорусской крови,“ как понял г. Костомаров l. c., а опасный для Рожи *молодец*.

Тума́, м. р. (в женском неизвѣстно) а) человѣк, происшедшій от помѣси татарской и русской крови, а может быть, лишь родившійся в Крыму: „Тума зъ христіянъ въ Кримѣ родившійся,“ Лѣт. Сам. Величка, II, 376, в разсказѣ о походѣ Ив. Сѣрка на Крым в 1675; б) помѣсь птиц (ср. підту́мок, голубь летун, от туркота и вертуна) и животных, на пр. охотничьих собак; в послѣднем смыслѣ см. у Даля *тума, тумак*; в) от значенія а) —, о человѣкѣ, как в приведенной пѣснѣ: ненадежный (как смотрѣл на крымских тум Сѣрко), коварный, „перекиньчик,“ измѣнник, н. п. в мр.:

Козак-тума зведе з ума, небуде й любити,
Де найбільше челядоньки, там стане судити,
Метл. 83; в вр.:

У нас, братцы на Дону, во черкаском городу
Проявилась у нас, братцы, прирожоная тума,
Он из тум, братцы, тума, Сенька Маноцков
(т. е. Маньщков) злодѣй...:
Перекинулся собака ко Азовскому пашѣ,
Сах. Ск. С. н. III, 239;

г) в вр. сверх этого, б. м. как вывод из наблюденія над помѣсями с инородцами низшей степени кулатуры,—полуумный, придурковатый.

Что значеніем в) (измѣнник, обманщик) опредѣляется характер лица, от котораго мать предостерегает дѣвицу, это подтверждается сравненіем с нижеприводимыми пѣснями бр. и серб. Согласно с этим считаю за искаженія два вар. из Полонна̂го Новоградволын. у., гдѣ вм. *Тума* или *Дунай*—

„*Вдова* таніць водила“...

или

Коло млина калина.
Там *удівонька* ходила
Дівкам танець водила...
Чуб. II, 36.

Г. Костомаров l. c. думает, что *Рожа* (имя дѣвицы, (повторяющееся во всѣх почти вар., кромѣ новоградволын., гдѣ „Марися") есть олицетвореніе цвѣтка (чему я невижу основаній, кромѣ самого имени, которое однако может быть перенесено на идеальное лицо случайно, от какой нибудь *панны* Розы, католички и шляхтянки); двойное имя „Ро-жа-спажа" встрѣченное им и в вар. из воронежск. губ. он считал непонятным. Я думаю, что „спáжа" (так в ром. вар.) есть искаженное *спажá*, а это = *спожá*, госпожа, в коем *о* измѣнилось в *а* или по малорусскому правилу, в силу вліянія слѣдующаго слога с *а* (как в г*а*рячий, х*а*зяїн и пр.), или по вліянію какого либо áкающаго говора. Форма *спожа* (из *оспожа*) с опущ. *г* как в óрлиця, и как вр. *спожинки* из *оспожинки* извѣстна в мр: „Благослови Боже (й) Пречистая Спóже. Чуб. IV, 73, Дубен. у. Т. обр. слѣдует поправить у Метл. 173 (Лубн.): Благослови Боже (й) Пречистая Спóже (вм. згоже) Сі віночки звити. Хотя теперь и немогу привести прямых доказательств, но думаю, что *господарь*, *сподарь*, *спожа* ставились, как титулы, позади собственнаго имени, как ставятся в вр. *свѣт*, *господин*, *судырь* [1]). На широкую распространенность такой постановки указывает то, что стар. вр. *су* („Иван-су) из *сý*-

---

[1]) Вот нѣсколько примѣров из Боярск. пѣс. Кохановской (Русс. Бес. 1860, II): Ой один был смѣл да и Петр—от свѣт, 80; первое дитя—Иван—от свѣт, Другое дитя—Марья—свѣт, 83; Иван-ли свѣт Матвѣевичь, 82; привыкай же ты Авдотья свѣт, Привыкай же ты Васильевна 84; ждать было Ивана-свѣт... ждать было Васильевича 85; Ивану-свѣт, 99; к Василью свѣт Ивановичу, ib.; Аннѣ-свѣт да Васильевнѣ, 73; к Настасьѣ-свѣт 87; с Петром-ли свѣт я поѣхала. Рѣже препозитивно: наша свѣт Анна в высоком терему. „Воевода ли Степан-судырь, Воеводою Ивановичь, 75. Мимо тут ѣхал Иван-господин... Небей меня Иван-господин 79. „Слышала я, Иван-судырь, твоя мать горда... От поклону ли Иван-судырь голова болит, 86; Что взговорит Иван-судырь: Неплачь, нетужи, Наталья-свѣт ib.; Приходит к ней да и Петр-судырь: „Анисья-свѣт, покинь вѣнок вить, 89 и пр.

дарь, и происшедшая от него частица *съ* для означенія вѣжливости, ставятся только постпозитивно.

Г. Костомаров (l. c. 10) говорит: „образ чесанья матерью дочери, вѣроятно, составляет одну из черт исторіи древняго олицетворенія розы, и образ этот до того усвоился народною поэзіею, что мы нѣсколько раз встрѣчаем сопоставленіе розы с чесаньем дѣвицы.“ В подтвержденіе этого, приводится, между прочим, свадебная п., в которой роза вовсе не есть ни олицетвореніе, ни символ:

Ой брат сестрiцю та росплiтає,
Все рожу поминає, Метл. 204.

Почему он поминает розу, ясно из другаго вар. той же пѣсни, записаннаго мною в ромен. у.:

Ой в огородi два василечки,
которого вирви — пахне,
А у N (сестрицi) два братiки,
который вийде — плаче:
„Нейди, сестрице, нейди, молода,
против лiтечка замiж,
„Бо против лiтечка, сестрице моя,
роженька процвiтає,
„А хрещатий та барвiночок
садочок устилає,
„А запашний та василечок
из тином рiвняеться.
Ср. Чуб. IV, 140—1.

Т. о. в увѣщанiи нейти замуж, п. ч. лѣтом будет цвѣсти роза и пр. и нѣкому будет ее рвать, нѣт ни малѣйшаго указанія на связь с „исторіей древняго олицетворенія розы.“ Для пониманія других подобных мѣст, мнѣ кажется, важно, что совершенно независимо от розы, *чесанье и заплетанье кос, завиванье кудрей* — обычный образ материнской любви. Так в пов. О горѣ злоч. „Мати... гребешком кудерцы расчесывала, Драгими порты меня одѣвала И отшед под ручку посмотряла: „Хорошо ли мое чадо в драгих портах?“ (Бусл. И. Хр. 1378). Так в слѣдующей

веснянкѣ величают паробка тѣм, что у него кудри завиты, т. е. нѣжная и заботливая мать:

Ой ти селезеню, коси часті!
Хто-ж тобі косйці завивав?
—Завивала-ж мені утінка...[1])

—

Ой ти N (v. молóдче) кучерявий!
Хто-ж тобі кучеріці завивав?
—Завивала-ж мені матінка
Темноі ночи [2]) — при свічі,
Ясного сонця [2]) — биля віконця.

Запис. мною в Харьк.

Начальный образ здѣсь списан с натуры, ибо „иногда утка (дикая) чтобы усыпить селезня... тихо и долго щекочет его спину: народ думает по примѣненію к себѣ, что селезень любит искаться в головѣ" (С. Аксаков, Записки руж. охотника).

„Говорят, что домовой тѣм лошадям, *которых любит*, *заплетает* на гривѣ *косы* и подкладывает сѣно; *завивает* так и мужикам *в бородах косы*, коих любит; но коих нелюбит лошадей, у тѣх расплетает и почти всю гриву выдергивает" (Абевега Русс. суевѣр. М. 1786, 190). Как вывод из того, что кто любит, тот причешет, гаданье: „кладут под головы гребень, загадывая: „суженой — ряженой! причеши мнѣ голову!" и увѣряют, что во снѣ приходит дьявол в образѣ будущаго жениха и причесывает ей волосы." Как *гладкая голова* — похвала дѣвицѣ и косвенно ея матери (в мр. уличной п.:

Головочка глáденька, глáденька,
Сорочечка біленька, біленька!
Цур-пек ёго ма,
Яка Стешка (v. N.) чепурна!");

так *негладкая голова* у нелюбимых сирот:

Без тебя, родитель батюшко,
И учесана головушка,

---

[1]) Непомню 2-х стихов. [2]) Родительные времени.

Да не тонь есте гладёшенько;
Хоть уплетена руса коса,
Да не тонь есте красёшенько,

Барс. Причит. 57;

При слезах стоят любимы мои племнятка,
У их буйныи головки незаглажены,
У их русы волоса да все незавиты.
Тут смекнула я побѣдным своим розумом:
Со злодійной, со великой знать кручинушки
Буйна голова у дѣвушек негладится,
Волос к волосу у их да неприлятет.

ib. 150.

Научанье матерью, как постоянная пѣсенная черта, между прочим у Ант. и Драгом. Ист. п. I, 25—7; Кирѣев. II, 23, 44, 50 и др. (о Добрынѣ).

С исключительно — малорусской точки можно не без основанія думать, что разсматриваемая веснянка есть величанье дѣвицы, отличное от других только тѣм, что вм. вставного имени величаемой здѣсь постоянное: дѣвица опоздала „на улицу," в танок, п. ч. ее, как „доброго роду дитину" (—*спожа*, панна) выряжает любящая и благоразумная мать, которая ее научает, как вести себя с опасным коноводом (серб. коловођа). Послѣдній называется или собственным именем („Дунай," при чем остается вопросом, находится ли в связи с вр. былинным любовником Настасьи королевишны и сватом Владиміра и приписывался ли этому Дунаю характер вр. Чурила, мр. Джурила) [1]), или нарицательным „тума." Из того, что пѣсня умалчивает о послѣдствіях, можно заключать, что наставленія матери возымѣли свое дѣйствіе. Что эта пѣсня дѣйствительно понималась, как похвала благонравію дѣвицы, видно из вар.:

---

[1]) Ушов Джурило з міста,
А за ним дівок триста,
Ант. и Драг. Ист. п. I, 54; Ž. Pauli I, 149.

У короля на дворі
Заялів крокіє [1]) на горі.
„Чом, дівчатка нейдете,
„Чом крокосу [1]) нервете?“
—А ми рвали, та не всі,
6 Тилько нема одниї [2])
7 Мати косу чесала,
А чешучи навчала:
„Дочко моя, Різочко!
„Ой як підеш у танець,
10 „То находь собі кінець!“

(Полт. у. Чуб. III 44),

т. е. должно быть, знай, на каком концѣ, возлѣ кого стать. Ст. 1—6 этой пѣсни ср. с

Ой там на горі, на красі
Красіє кукиль у вівсі.
„Чом ви, парубки, нейдете,
„Куколю з овса нервете?
—Ой ирветься нам на души,
Що всі дівчата хороші.

(Переясл. у. ib. 139).

Смысл сшивки стиховъ 1—6 (У короля и пр.) со ст. 7—10 („Мати и пр.) взятыми из другой пѣсни — в противоположеніи дѣвиц, рвавших крокос, т. е. по видимому, нечуждавшихся паробков, и той, которую научала мать.

Относительно этой матери: Н. И. Костом. l. c. 8 приводит вар., записанный в кіев. губ., в коем сама мать названа Рожею:

Чи всі дівочки в таночку?
Тілько Рожівни немає.
Рожа дочку чесала
А чешучи навчала:
„Донько моя, Рожівно и пр.

Повидимому, он связывает эту пѣсню с весенною дѣвичьей игрою „у Рожи“ (Чуб. III, 100), хотя эта игра и

---

[1]) Так слѣдует вм. кракіс, кракосу. [2]) Вм. „ідноі“ (?)

представляет „мифическую древность,“ но не на Руси, гдѣ она заимствована через запад. Славян из Германіи (чеш. paní Růžová — Frau Rose, см. мое соч. О миф. зн. нѣкр. вѣр. 104—5). Связь же этой игры, гдѣ упоминается „Рожина дочка Як паняночка“ с разсматриваемою пѣснею может состоять в том, что невѣрная память спутала пѣсню с игрою и перенесла в первую из второй *Рожівня* (вм Рожі), поломавши размѣр 2-го стиха, и *Рожа* вм. мати.

Если привлечь к сравненію нижеприводимыя бѣлорусскія п. и сербскую, то возникает сомнѣніе в том, что предположенный выше смысл мр. пѣсни есть первоначальный. Пѣсня эта может предполагать другую или другія, в коих Дунаю или тумѣ удается обмануть Рожу. Если эти пѣсни были веснянками, то они принадлежали к разряду тѣх, в коих в частном образѣ предсказывается замужство дѣвицы. Такова бр. записанная г. Шейном (Ш. Бр. п. N 169; моя ст. Мр. н. п. по сп. XVI в. 52—3), отнесенная им к Волочобным, но по размѣру и нѣскольким стихам близкая к купальской ib. N 230, стр. 152 отд. отт и слѣдующим двум масляничным (стало быть все таки весенним):

Вариў Козьма піва,
На дзиўная дзива,
Зазваў Кузьма дзѣвок,
4 Тольки одной Рожиной маци нѣт
Пишиць Рожина маць:
„Рожутко, дзицятко!
„Ня стой с Кузьм*ом* (?) близка,
„И няклаияйся низка.
Рожа Кузьму няўзнала,
Да к Кузьмѣ стала близка
И ўкланилася низка.
12 Пишиць Кузьма к яё маци:
„Ждзи мяне маци
„(И)з малым дзицяцем
Из маладым зяцем.“

(Шейн Бр. п. N 129).

Считаю очевидными искаженія: в ст. 4, гдѣ 10 слогов, склад прозаическій и без смысла упоминаніе Рожиной матери вм. самой Рожи; в ст. 5 и 12 сомнительно *пишиць*; в 12 нѣт ни размѣра, ни смысла, т. к. в ст. 13—5 рѣчь не зятя, а дочери; ст. 5 и 12 якобы поясняющія, кто говорит, могут быть с пользою выкинуты, как показывает сравненіе с Шейн. Бр. п. N 169. *Кузьма* есть *тума* малорусс. пѣсни. Неясно, происходит ли дѣйствіе в хороводѣ.

Иванька Ладниньки!
Нястой над ракою,
Нямахай рукою,
Шауковым платочкам.
Кали любиш мяне,
Спытайся у мамки.
Кали мамка аддасць
Дак я и сама иду
9 И руку табѣ даю.
10 „Нястой Рожа с Кўзьм*ом* (?):
„Кузьма цябе здрадзиць [1]),
12 „Дзиця, цябе зглазиць.
13 Убрауся Кузёмка
Ў жаноцкая плацця
15 Ў дзявоцкая облицца [2]).
Рожа нявузнала,
К Кузьмѣ близка стала.
18 „А што за падружка,
„Што за ручку циснець,
„Но ножку ступаиць,
21 „Усё Рожу чапаиць?“
22 „Иждзи, маци, ў госци
„Об зялёном свяцѣ,
24 „Из малым дзицяцем.“
—Кузьма мяне зрадзиў [3])
Дзиця мое зглазиў (Шейн Бр. п. N 130).

---

[1]) Так я вм. безсмысленнаго *зражиць*. [2]) Обличча. [3]) Так вм. *зразиў*.

Ст. 1—9 взяты из другой пѣсни, и кромѣ того 7—9 — испорчены. Пѣсня начинается с ст. 10—12, гдѣ говорит мать, но м. б. эти ст. слѣдует поставить послѣ ст. 13—5. Ст. 25—6 м. б. излишни. Кузьма, чтобы обмануть бдительность Рожи, является в хоровод передѣтым в женское платье. Подобное передѣванье—в серб. п. Кар. I, 566 сл. N 737. С нею впрочем другой связи нѣт.

Мајка Мару ситно плела
Од петоро, деветоро,
Плетући је сјетовала:
„Чујеш, Маро, кћери моја!
„Кад ти пођеш дол' у поље,
„Дол' у поље, дол' у коло,
„Неватај се до Томаша:
„Томаш момче неженено,
„А ти Мара неудата.“
Мара мајке неслушала,
Она оде дол' у поље,
Дол' у поље, дол' у коло,
Увати се до Томаша.

Томаш се увозит. Дорогою пугает:

Видиш, Маро, суви јавор?
Онђе ћу те објесити...

(О подобной судьбѣ похищенных говорят мр. пѣсни, на пр. Голов. I, 204, Pauli, II 18). За тѣм утѣшает:

Није оно суви јавор,
Већ су оно бјели двори;
Онђе ћеш ми љуба бити,
Онђе ћеш ми дворе мити.

Кар. Пјес. I, 282.

Трудно допустить, что сходство между 1—9 ст. серб. п. и малорусскою, а особенно сходство между *тума* и Томаш было случайно; но для разъясненія этой связи недостает данных.

А. Потебня.

На чуд = *на чердáк*. В думѣ про Алексѣя Поповича (Ант. и Драг. I 181):

Олексій Попович *на чуд* вихожае,
Бере в руки святе письмо.... читае.

Нетрудно догадаться, что здѣсь — искаженіе вм. *на чердак*. Ср. в вар. той же думы

Той друг на чердак виступае.
До козаків словами промовляе
Ант. и Драг. ib. 182, 18;

Ой той друг на чердак виступае,
Письмо святее в руки бере і читае
ib. 185, 105.

И в другой: ...Кішка Самійло...
Сам на чердак виступав,
Червониї, хрещатиї, давниї корогьи из кашені, винимав,
ib. 218, 331.

Извѣстно, что *чердак* (ср. серб. чардак, из тур.-тат) здѣсь — возвышеніе на галерѣ, с коего капитану и надсмотрщикам можно было обозрѣвать гребцов и путь. И у Соловья Будимировича на Соколѣ кораблѣ „сдѣлан муравлен чердак. В (на?) чердакѣ была бесѣда — дорог рыбій зуб" (Кир. Дан.). Относительно связи между *чердак* и *чуд* замѣчу:

Из козацких дум теперь в Харьковѣ слѣпцы поют только одну, про Алексѣя Поповича, именно варьянт почти тождественный с первым напеч. у Ант. и Драг. (из Основы 1862), очевидно вынесенный всѣми из одной школы (такія школы слѣпецкія бывали, а может быть и теперь есть), от одного учителя. Нѣсколько человѣк, которых я слышал, в ст. 147 (стр. 181) поют одинаково, именно не „*на чуд*," а „*на чудá.*" Для объясненія происхожденія этой

формы из „*на чарда́к*“ или „*на чорда́к*“ достаточно предположить, что учитель был „*горкуша*,“ произносил „*горка́во*“ вм. *р* — гортанный звук, принятый учениками за *у*: *чоуда́к, чуда́(к)*. Теперь, вѣроятно, уже нельзя справиться, небыло ли такого между кобзарями, которых в концѣ 40-х и началѣ 50-х годов знали в Харьковѣ покойный А. Л. Метлинскій и М. В. Нѣговскій.

Вот уже около 100 лѣт, как слѣпцы поют пѣсню, которой научил их Гр. Сав. Сковорода († 1794, окт. 29, близь Харькова) „Всякому городу нрав и права;“ но конечно ни они, ни слушатели не понимают, что разумѣла „Чорная Сковорода“ пекшая „бѣлые блины,“ под припѣвом:

А мнѣ одна только в сердцѣ дума́,
А мнѣ одно только нейдет з ума́,
Как бы умерти не без ума́.

Можно подума́ть, что С. был мрачный аскет ежеминутно помышлявшій о часѣ смертном и этим отравлявшій себѣ жизнь; однако это неправда. С. учил с Эпикуром, Гораціем, Сенекою, что

sera nimis est vita crastina: vire hodic;

что *жить* значит быть „веселым и куражным“ (ср. мр. О несчастной жизни за мужем: „Я з тобою та ненажилася, Тілки за тобою та изнебулася“), а веселіе сердца дается только стремленіем к неуловимой „птицѣ,“ истинѣ, „истой.“

Мр. *иста*, что есть, и потому а) капитал, вр. истинник: нетілько прибилі небуде, та й исту втеряємо, Кв.; візьме грошима саму вже исту, а росту й непитає, Кв.; б) суть, *οὐσία*: ты существа твоего потерял *исту*, а во всем твоем тѣлѣ наблюдаешь пяту или хвост, минуя твою точность (= поль. istność; isty, сущій, настоящій) и потеряв главность“ (Сковорода, Разговор о том: „знай себе“). По мнѣнію Сковороды, мір состоит из двух натур: видимая называется *тварь*, невидимая — *иста, истина, блаженная натура, бог, дух*. Эта послѣдняя *проницает*, одушевляет

тварь и, по своей волѣ, тождественной со всеобщим законом, опять обращает в грубую матерію, что мы называем смертью (Нач. дверь к христ. добронравію). Это однако есть лишь другой вид жизни, ибо, говорит Ск., „Барская умность, будто простой народ есть черный, видится мнѣ смѣшная, как и умность тѣх названных философов, что земля есть мертвая. Как мертвой матери рождать живых дѣтей? И как из утробы чернаго народа вылупились бѣлые господа?“ (Г. Данилевскій, Укр. Старина, 80). Сковорода ясно сознавал относительность знанія, но в предѣлах этой относительности считал возможным познаніе „истой“ посредством изученія ея *символов*, заключенных в природѣ и произведеніях человѣческой мысли.

Мр. *бованiти* (из *болванiти* с опущеніем в=ў (из л) перед согласною, как в *мова, зовйця, сонце, вохкий*), виднѣться вдали. Производство от *болван* принято как несомнѣнное Афанасьевым—Чужбинским (Слов. мр. нар. в Матер. для сравн. и объясн. сл. и гр. III, 13); но я прибавлю, что живописность и мѣсторожденіе этого слова ясны тому, кому случалось замѣчать вдали, почти на краю горизонта стоящій на могилѣ *болван*, то есть каменную бабу. У Сковороды: „Свѣт открывает все то, что нам во тмѣ нѣсколько болванѣло“ (Разговор о том: знай себе); „мы похожи на жителя глубокія Норвегіи, который по шестимѣсячном зимном меракѣ видит чуть чуть отверзающееся утро и всю тварь, начинающую нѣсколько болванѣть“ (ib. разг. 5). „ „Да будут очи твои отверсты на храм сей день и нощь.“ “ Тогда они не днем, а только ночью открываются, когда стѣнь точію и фигура“ (т. е. иносказаніе Библіи) болванѣет (Змѣй Израильскій, рукоп. Ист. Фил. Общ. при харьк. ун.).

А. Потебня.

